

Н.А. МАЖИТОВ

**ТАЙНЫ
ДРЕВНЕГО
УРАЛА**

Н. А. МАЖИТОВ

ТАЙНЫ ДРЕВНЕГО УРАЛА

*АРХЕОЛОГИЯ
УЧЕНЫЕ
ОТКРЫТИЯ
ГИПОТЕЗЫ*

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА—1973

Древний Урал. О нем у башкирского народа сохранилось немало увлекательных легенд, многие из которых утверждают, что башкиры являются коренным населением древнего Урала. Но настоящая его история открывается только археологией и науками, смежными с ней. Материалы археологических раскопок позволили установить, что до башкир на Урале обитали многочисленные народы, в том числе легендарные исседоны, «одноглазые» аримаспы, сарматы, гунны и т. д.

Археологами разработана периодизация истории древнего Урала, выявлены закономерности смен одного народа другим. Но многое остается еще неизвестным ученым, а известное — спорным.

О поиске археологов и краеведов Урала, об истории древнейших его племен и наиболее интересных памятниках их культуры рассказывается в книге кандидата исторических наук Нияза Абдулхаковича Мажитова. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Редко, кто с таким нетерпением ожидает прихода весны, как мы — археологи. С первыми весенними лучами солнца начинается горячая пора и у нас. На смену комфорту городских квартир приходит неустроенная кочевая жизнь, наполненная поисками древних могильников и городищ. Лишь холодные дожди поздней осени прогоняют нас обратно, и, возвращаясь домой, мы везем радости находок, горечь неудач, планы и надежды на будущий год.

Обычно наши экспедиции состоят из десяти-пятнадцати человек. Среди них один или два профессиональных археолога, шофер, а остальные — познавшие вкус археологических поисков и увлеченные ими энтузиасты — студенты, учителя. Археологические исследования требуют большого объема земляных работ, которые без помощи населения осилить невозможно. И мы находились бы в трудном положении, если бы не многие сотни бескорыстных друзей, готовых прийти нам на помощь.

Люди не могут быть равнодушными к прошлому своего народа, каждому хочется заглянуть в него, узнать что-то новое. Наверное поэтому большим уважением окружает народ памятники, достоящиеся ему от древних предков, из поколения в поколение передает он сложенные о них легенды и песни. И сейчас в башкирских селах можно слышать порою правдивые, иногда вымышленные истории о таких памятниках. И тем не менее наши экспедиционные исследования у многих жителей вызывают удивление. Им кажется странным, что взрослые, солидные люди копаются в земле, отыскивая какие-то глиняные черепки, истлевшие кости, предметы домашнего обихода и различные украшения. На раскопки, как на интересное представление, ежедневно собираются десятки и сотни зрителей, шумят, перебегают с места на место, обмениваются мнениями.

— И чего они роются в нашей земле, будто другого дела нет.

— Ишь ты, этого беднягу вместе с конем похоронили.

— Сразу видно, что не башкир. Башкиры своих в одежде не хоронят.

— Ай-яй-яй, какой длинный был этот человек! Бедренная кость величиной с лошадиную!

— Дяденька, а как называли этих людей?

Каждый день приносит нам множество подобных вопросов. Нас это радует, ибо любознательность рождает знания. И мы стараемся как можно полнее ответить на вопросы, хотя скоротечные беседы не могут воссоздать картину минувших времен и характер нашей работы во всей полноте и яркости. Вот и чувствуешь себя большим должником перед любопытными поклонниками археологии.

Башкирия с точки зрения прошлых и настоящих археологических находок очень интересна. Трудно осветить все в небольшой научно-популярной книге. Поэтому я решил остановиться на тех вопросах истории древнего Урала, которые больше всего занимают читателя.

Понятие «археология» происходит от древнегреческих слов «архайос» — древний и «логос» — наука. Это — наука о древностях. В наши дни слово археология приобрело более широкий смысл. Это часть общей науки истории, изучающая самый древний период в жизни человечества. Древнюю историю изучают также этнография, антропология, лингвистика, но от этих наук археология отличается характером источников, методикой исследований.

Письменные памятники, изучаемые наукой лингвистикой, не всегда могут помочь в изучении древнего периода истории человечества, т. к. человек существует на земле около 2 миллионов лет, а в письменных документах отражены, притом очень скудно, всего лишь последние 5-6 тысячелетий этого очень продолжительного периода. Однако ранние письменные документы не являются общими для всего человечества. Первые исторические записи были сделаны более пятидесяти веков назад (середина IV тысячелетия до н. э.) в рабовладельческих государствах Двуречья, Египта, Вавилона, а позднее в Индии, Китае, на Кавказе, в Средней Азии. Но некоторые народы до последних 6-8 столетий не знали письменности. К таким в нашей стране относятся башкиры, удмурты, марийцы и т. д. О древнейших этапах истории этих народов, об их происхождении невозможно узнать по письменным источникам. Этот пробел пополняется материалами археологических памятников, к числу которых принадлежит все то, чего касалась рука древнего человека — места, где некогда располагались его селения, захоронения, оружие, домашняя

утварь и посуда, личные украшения, молитвенные храмы, наскальные рисунки, знаки на камнях и т. д.

Многим работа археолога представляется работой удачника: где ни копни, там и находка. Разумеется, это далеко от истины. Любое открытие, большое или малое, археологу достается в результате упорной и целеустремленной работы, цену которой зачастую по-настоящему может понять только тот, кто длительное время участвовал в трудных полевых исследованиях. Раскопкам всегда предшествует подготовительная работа по выявлению памятников, которую у археологов принято называть разведкой.

Археологические разведки, как правило, проводятся по высоким незатапливаемым берегам рек, где обычно протекала жизнь древнего человека. Черепки от разбитого горшка, кости животных, следы жилищ, заброшенных городищ, человеческие могилы привлекают к себе внимание археолога. Чаще всего они обнаруживаются в обрывах берегов, на краях и на дне оврагов, на пашне и в огородах. Разведка бывает более результативной, если археолог опрашивает местное население о древних памятниках и находках.

При исследовании археологических памятников встречаются различные находки, отражающие жизнь и культуру древних людей. Например, при раскопках бывших стоянок, поселений или городищ встречаются остатки каменных и деревянных домов, следы очагов, глиняные горшки и их обломки, различное оружие из дерева, кости, металла, бронзовые, железные, серебряные и золотые украшения, печи, в которых плавил медь или железо, шлак и т. д. Чем дольше и интенсивнее была жизнь на одном месте, тем большим бывает число находок, которые образуют отложения, называемые культурным слоем. Мощность этих отложений достигает 2—10 метров и более.

Находки по-разному освещают историю людей, которые являются их творцами. Даже одна небольшая находка может рассказать ученому о многом. Например, медная сережка. Она расскажет о том, что человек уже умел выплавлять и обрабатывать металл, имел определенные инструменты. К тому же в древности каждое племя или родственные племена производили вещи в форме, свойственной только им. А в определенные отрезки времени вещи меняли свои формы. Поэтому, глядя на сережку, можно сказать, какими племенами она сделана. И чем больше находок при раскопках, тем полнее может представить археолог жизнь, культуру древних людей.

Встречается и такое явление, когда целый ряд памятников по своему устройству, содержанию материала похож друг на друга. Это сходство указывает на то, что они относятся к одному времени. Памятники, сходные между собой по материалу, ученые относят к группам, именуемым археологическими культурами. Материальная

культура родственных племен бывает, как правило, очень близкой. Поэтому сходство или различие между памятниками определяет наличие или отсутствие родственных взаимоотношений между древними племенами. Чаще всего мы не знаем, как назывались эти племена в древности, поэтому археологические культуры, оставленные ими, называют условно. Обычно, эти названия даются по характерным для той или иной культуры памятникам.

При ведении археологических исследований очень важно знать возраст памятника, то есть к какому времени он относится. Без этого трудно правильно представить себе прошлые исторические события.

Древний исторический период, исследуемый археологами, по своей длительности определяется сотнями тысяч лет и условно разделяется на три большие эпохи: каменный, бронзовый и железный века.

Каждая из эпох имеет свои отличительные признаки. В каменном веке люди изготавливали примитивные орудия только из кости, дерева и камня, в бронзовом — уже овладели медью и ее сплавами, но не были еще знакомы с железом.

Памятники каменного, бронзового и железного веков сильно отличаются друг от друга, их возраст определить не трудно. Гораздо сложнее определить более точный возраст памятников внутри каждого из указанных периодов. Существует такая закономерность: чем древнее памятник, тем беднее он материалом, и возраст его устанавливается в пределах многих тысяч лет. И, напротив, чем ближе памятник к нашему времени, тем больше возможности у исследователя указать точный период его существования. Например, возраст стоянки первобытных людей, открытой возле города Перми, учеными определен в пределах 50—60 тысячелетий. Дата расплывчатая, но недостаток найденного материала не позволяет указать на более точное время пребывания на этой стоянке древних охотников.

Среди памятников, относящихся к железному веку, часто встречаются денежные знаки, медные, серебряные и золотые монеты, печати, опираясь на которые, можно указать более точный возраст исследуемого объекта. По мнению специалистов, монеты ходили в обращении не более 50—60 лет. Поэтому возраст памятника, считая с даты чеканки монеты, можно определить с точностью до столетия. Кое-кому и эти сто лет могут показаться продолжительным сроком, но для археологов, изучающих далекую историю, этот срок очень небольшой.

Не в каждом памятнике встречаются находки, на которых, как на монетах, обозначены даты. В таких случаях для определения даты памятника прибегают к методу сравнения. При этом исследуемый памятник сравнивается с другим памятником, возраст которого

известен, и, исходя из сходства или различия материала, можно установить, существовал ли он раньше, или позже, чем тот, с которым сравнивается.

В последние двадцать лет в археологической науке применяются новые научные методы для определения возраста исследуемых памятников. Широко используются в этой области новейшие достижения физики, химии и геологии. Эти науки помогают археологическим исследованиям придать конкретность, делают более надежными исторические выводы. Например, физики могут установить время, в течение которого пролежали в земле кости, дерево, уголь, остатки очагов и кирпичи, найденные в археологических памятниках. При таких методах возраст памятника определяется более точно, и вероятность ошибок может исчисляться несколькими десятками, а для самых древних памятников — сотнями лет. Помощь физиков, химиков и специалистов других точных наук проявляется многообразно. Так, например, они могут точно определить химический состав древних предметов, что позволяет узнать технологию их изготовления.

Древнюю историю, наряду с археологией, изучают также антропология и этнография. Объектом исследований антропологов являются кости ископаемых людей. Изучая их, антропологи устанавливают пол, рост, примерный возраст и антропологический тип умершего, некоторые виды болезней, если последние вызывали патологические изменения в кости, и многое другое. Сумма этих сведений дает возможность выявить расовые особенности древних племен, проследить процесс происхождения и развития современных народов. Многие сведения, которые дают антропологи о древнем человеке, имеют важное значение для исследований археологов. Так, например, на основании антропологических данных о возрасте и половой принадлежности ископаемых людей, археолог может установить многие черты их культуры, обряды, представления, связанные с возрастными и половыми особенностями человека.

Этнография — наука очень близкая к археологии. Она изучает материальную и духовную культуру древних и современных народов, их нравы и обычаи. У каждого народа можно найти много черт, сохранившихся еще с глубокой древности, а во многих местах земного шара, например, в Австралии, Африке, Южной Америке живут племена, которые по тем или иным причинам сильно отстали в своем историческом развитии. Некоторые племена до недавних пор находились на уровне первобытно-общинного строя. Они, например, незнакомы с железом, земледелием и скотоводством. Материалы, собранные этнографами из жизни и культуры таких народов, помогают лучше понять археологам исторические события, нравы и быт, жизнь древних племен, назначение некоторых найденных предметов.

Археология, которая берет свое начало в простом любопытстве к древним вещам, в короткий срок превратилась в особую отрасль исторической науки и достигла больших успехов. Без исследования археологических памятников невозможно знать историческое прошлое любого народа. Поэтому каждый археологический памятник, дошедший до нас, как реликвия далеких предков, имеет большое научное значение, охраняется государством.

В первые же годы существования Советской власти, в трудном 1919 году, В. И. Ленин подписал документ об охране исторических памятников. По этому декрету была создана Российская академия материальной культуры — ныне Институт археологии Академии наук СССР, которому была поручена охрана и исследование памятников истории и искусства. Для усиления охраны и изучения исторических памятников Советским государством в 1948 году было принято еще одно важное постановление, которое категорически запрещает самовольные раскопки и проведение земляных работ в тех местах, где имеются древние могильники, курганы, следы стоянок человека, архитектурные или другие исторические памятники. Если площадь, на территории которой находится исторический памятник, требуется какому-либо государственному учреждению, оно прежде всего должно принять меры по раскопкам и изучению этого памятника. Согласно постановлению, все материальные расходы, необходимые для исследований, относятся за счет этого учреждения. Охрана исторических памятников возложена на городские, районные и сельские Советы.

В Башкирии сейчас известно около двух тысяч различных археологических памятников, однако этим числом их количество не исчерпывается. Земные недра напоминают неоткрытый богатейший музей, среди экспонатов которого находится не одна еще тысяча таких памятников.

Немало у нас в республике активных краеведов-энтузиастов, которые на местах проводят большую разъяснительную работу, собирают сведения и изучают археологические памятники. Например, археологи-краеведы А. В. Коновалов и М. Ш. Резяпов на протяжении многих лет проводят по разрешению Института археологии Академии наук СССР самостоятельные полевые исследования. Более 15 лет безвозмездно посвятил служению археологической науке учитель из города Октябрьского А. П. Шокуров. Во время своих летних отпусков он обследовал все побережье реки Белой и ее главных притоков, открыв при этом более 500 новых археологических памятников, относящихся к самым различным эпохам. Очевидно без активной помощи краеведов-археологов многие страницы древней истории Башкирии оставались бы неизвестными.

Археологам, которых в республике не так уж много, необходима

помощь широких масс населения. Учащиеся, учителя, краеведы, туристы, обнаружив в земле следы поселений и городищ, могильники, должны сообщить о своей находке в Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР или в Башкирский республиканский краеведческий музей в Уфе. Одновременно необходимо принять меры по охране древних памятников и сохранению находок. Если по каким-либо причинам их трудно отправить в Уфу, то следует своевременно доставить их в местный сельсовет или школу. Получив рисунки и фотографии, схематические планы местности, где обнаружены следы древности, мы, археологи, могли бы рассказать о ценности этих находок, определить, к какому периоду истории древнего Урала они относятся и как характеризуют творцов их — наших далеких предков.

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА УРАЛЕ

Каждый школьник знает, что самым древним периодом в истории человечества является древнекаменный век (ранний палеолит).

Открытие существования древнего каменного века, разделение его на периоды — одно из достижений археологической науки. Поиски и исследования оставшихся на территории нашей страны памятников каменного века, в основном, проведены в советское время. До Октябрьской революции на территории нашей страны было известно лишь около десятка памятников каменного века, но теперь их количество далеко перевалило за тысячу. В результате тщательного исследования самых древних памятников советские ученые высказали мысль, что наряду с Африкой, Южной Европой и Азией, южные районы нашей страны входили в область становления и развития первобытного человека.

Следы самых первых людей нам известны по памятникам, обнаруженным на Кавказе, в Крыму и Средней Азии, где найдены примитивные каменные орудия и отходы производства при изготовлении этих орудий. В результате сравнения и методом геологических исследований возраст этих находок ученые определяют в пределах 800—100 тысяч лет. Но это вовсе не говорит о том, что до тех пор на территории нашей страны человек не существовал. Нет сомнения, что в южных районах нашей страны будут найдены и более древние памятники, но пока они еще остаются скрытыми от взора ученых толщей земли.

В те древние времена уровень трудовой деятельности был чрезвычайно низок, и поэтому развитие человечества

шло очень медленно. Всякое новшество в производстве орудий рождалось с большими трудностями, от одного такого новшества до другого проходили сотни и, может быть, тысячи лет. Несомненно, что между началом процесса выделения человека из животного мира и временем, когда он научился делать первые примитивные орудия из обычного камня, какие были найдены, например, на горе Сатанидар в Армении, прошли сотни тысяч лет. Все это дает право предполагать, что на территории южных районов нашей страны люди жили с древнейших времен. Эту мысль советских ученых подтверждает скелет человекообразной обезьяны, найденный в 1939 году в местечке Удобно в Грузии. Этот скелет относится к поздней эпохе третичного периода и насчитывает несколько миллионов лет. Следовательно, и на Кавказе в те отдаленные времена шло формирование человека.

Первые люди по своему внешнему облику недалеко ушли от своих ближайших родичей — обезьян, поэтому их и называют питекантропами (обезьяно-людьми). Питекантропы были вынуждены жить большими группами (стадами), это облегчало им поиски пищи и не только защиту, но и нападение с примитивным оружием на хищных зверей. Человек еще был очень слаб перед лицом могучей и непонятной для него природы. Такие группы — человеческие орды или стада — представляли собой древнейшую, наиболее примитивную форму общественного устройства. Этот период часто называют периодом первобытного стада. Здесь было бы уместно вспомнить слова Ф. Энгельса, касающиеся этого периода в жизни человечества: «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они вступили в историю; еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»¹.

Примерно сто тысяч лет назад условия жизни первобытных людей еще более осложнились: северные районы Европы и Азии на широтах Москвы — Перми оказались под ледником толщиной в несколько сотен метров. Природа резко изменилась. Климат стал холодным, теплолюбивые животные погибли, на смену им пришли такие животные,

К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, II издание, М., 1961, т. 20, стр. 183.

как мамонт, северный олень, хорошо приспособившиеся к такому климату.

Мощный ледник надвигался со стороны Северного ледовитого океана. Причины его возникновения точно пока не установлены. Одни ученые предполагают, что оледенение произошло в результате смещения земли с оси вращения, другие доказывают это изменениями, происшедшими в солнечной деятельности. Как бы то ни было, для первобытных людей великое оледенение явилось суровым испытанием. Они должны были или погибнуть в новых, непривычных условиях, или отступить к югу. Однако именно в этот ответственный момент человек, используя неведомые прежде свои внутренние возможности, побеждает трудности и выступает против природной стихии. Он научился пользоваться огнем, изготавливать теплую одежду из шкур убитых животных, строить первые жилища в виде землянок, обогреваемых очагом.

Растет охотничье мастерство первобытного человека. Появляется возможность не только удовлетворить свою ежедневную потребность в пище, но и сделать некоторые запасы. При охоте на мамонта он пользуется ловчими ямами, выходит на охоту большими группами. Археологические раскопки убедительно доказывают, что мясо мамонта в рационе питания первобытных людей занимало далеко не последнее место. Например, на дне первобытных землянок, обнаруженных по берегам Дона, Днепра, Днестра, было найдено около двух тысяч костей мамонтов, а в местности Елисеевки — специальное сооружение, видимо, место поклонения, где в определенном порядке расставлены черепа мамонтов.

Великое стихийное бедствие произвело большое изменение в сознании первобытных людей, укрепило их власть над природой и послужило стимулом для более полного использования своих возможностей. Человек не только не испугался страшного оледенения, а напротив, освоил новые свободные от ледника земли. В этот период во всех районах Европы на широте Москвы — Горького жили люди. Появление первых людей на Урале так же относится к этому времени. Имеющиеся археологические находки пока не позволяют уверенно решить вопрос о путях заселения Южного Урала. По мнению известного советского археолога О. Н. Бадера, наиболее вероятным направлением заселения Южного Урала человеком могли быть юго-восточные

пути из Средней Азии и юго-западный путь со стороны Кавказа.

Самые древние археологические памятники на Урале впервые были открыты возле г. Перми. На дне оврага «Пещерный лог» недалеко от устья реки Чусовой было найдено несколько каменных орудий. Они лежали под слоем земли толщиной в двадцать пять метров. Были сделаны они по меньшей мере 70—75 тысяч лет назад. Недалеко от этого места обнаружили другой памятник, относящийся к чуть более позднему периоду — стоянка древнейших рыбаков-охотников, которую назвали именем первооткрывателя, погибшего в Великую Отечественную войну, известного археолога М. В. Талицкого. Здесь под шестнадцатиметровым слоем песка и глины обнаружены следы костров, каменные орудия и отщепы, образовавшиеся при их изготовлении. Судя по находкам место не раз использовалось как временная стоянка первобытных людей.

На основе находок близ Перми долгое время ученые считали, что это самая северная точка расселения древних людей того времени. Однако несколько лет назад ученые Коми филиала Академии наук СССР В. И. Гуслицер и В. И. Каневец в долине реки Печоры, на 1,5° южнее Полярного круга обнаружили несколько замечательных памятников-стоянок древнекаменного века. Здесь заканчивается граница освоенных первобытным человеком северных земель; люди, несмотря на суровую природу, примитивные орудия и низкое сознание, осваивали новые районы. Их упорство и терпение поразительно.

На Южном Урале известно немало памятников позднего древнекаменного века (поздний палеолит). Правда, большинство из них моложе по времени, чем стоянка имени М. В. Талицкого, и относятся примерно ко времени в 30—20 тысяч лет назад. На Южном Урале условия жизни были значительно легче, чем в Печорском крае, и то, что до сих пор не найдены более древние памятники, говорит о недостаточно тщательных археологических поисках.

Большие надежды в этом отношении рождают открытия, сделанные в последние годы С. Н. Бадером во второй Смельовской пещере около города Магнитогорска. Исследования в пещере еще не закончены, однако, по мнению ученого, памятник относится к началу позднего палеолита.

Самые древние исторические памятники на Южном Урале были открыты в 1937—1938 годах С. Н. Бибиковым

в пещерах Бурановская, Ключевская в долине реки Юрюзани. Позднее, буквально друг за другом были открыты стоянки первобытных людей в пещерах возле села Мурадымово Кугарчинского района БАССР (О. Н. Бадер), села Смеловка близ Магнитогорска (О. Н. Бадер, К. В. Сальников), неподалеку от Уфы в деревне Красный Яр (А. П. Шокуров, О. Н. Бадер). Все эти памятники из-за бедности материала, состоящего всего лишь из нескольких каменных орудий и костей вымерших ныне животных, относятся к числу рядовых памятников древнекаменного века. Однако бедность их культуры с лихвой покрыл другой памятник, обнаруженный в Башкирии. Этот памятник по своеобразию культуры является в СССР уникальным, в короткий срок он завоевал всемирную известность, и сообщения о рисунках пещеры Шульган-Таш вот уже несколько лет не сходят с газетных и журнальных страниц.

Пещера Шульган-Таш (Капова) находится на правом скалистом берегу реки Белой, рассекающей отроги Уральских гор, между селами Новый Акбулат и Куалломат Киекбаевского сельсовета Бурзянского района.

Она является самым живописным и величественным памятником природы на Южном Урале. Входное отверстие в ширину достигает сорока метров, высота — двадцать метров. Слева от входа синее небольшое озеро с удивительно прозрачной водой, в которой резвятся хариусы и таймени. Здесь, в заповеднике, им ничто не угрожает, но при виде человека они молниеносно прячутся под большими подводными камнями. Из озера с журчанием вытекает небольшая речушка Шульган и через сто пятьдесят — сто семьдесят метров впадает в Белую. В зимнюю стужу Шульган не замерзает; по рассказам местных жителей, здесь иногда зимуют дикие утки.

На протяжении ста метров от входа пещера остается высокой и просторной, с таким ровным каменным полом, что впору на груженой автомашине разъезжать. Но дальше путь преграждают осыпавшиеся сверху каменные глыбы, сгущается темень, и пробираться вперед следует с предосторожностями, при свете электрического фонарика.

Пещера напоминает дивный дворец с огромными залами, соединенными между собой широкими коридорами. Длина первого этажа достигает в общей сложности около 290 метров. В ста двадцати метрах от входа с левой стороны вверх уходит прямой коридор. В последние годы здесь

была поставлена металлическая лестница. Поднявшись по ней на высоту двадцати метров, вступаешь на второй этаж пещеры. Он, как и первый, состоит из огромных залов, протянувшихся в длину на пятьсот метров, и выходит к большому подземному озеру.

Пещера Шульган-Таш, являясь одним из наиболее редких памятников природы Южного Урала, с давних времен привлекала к себе внимание исследователей. В начале XVIII века ее внимательно обследовали русские ученые П. И. Рычков и И. И. Лепехин. Затем в пещере побывали оренбургские краеведы Д. Соколов, И. Заневский, Ф. Симон, геологи С. Меч, Меглицкий, Антипов, Г. В. Вахрушев. Недавно в пещере длительное время работали географы Башкирского государственного университета под руководством Е. Д. Богдановича и И. К. Кудряшева и составили ее инструментальный план.

Геологические исследования показывают, что пещера Шульган-Таш имеет карстовое происхождение. Ее коридоры и залы — результат многовековой деятельности подземных вод; точнее, реки Шульган. Эта речка, как установил Г. В. Вахрушев, в двух километрах от пещеры внезапно исчезает, вернее, уходит в землю около села Шульган, и у входа в пещеру снова вырывается на поверхность. Вследствие геологических условий, древнее русло реки проходило вначале по второму этажу, затем двенадцать — тринадцать тысяч лет назад, проложив себе новый путь, она потекла по первому этажу. Ныне речка ушла еще глубже, но она еще крепко связана со своими старыми руслами. Например, недалеко от озера на втором этаже имеется большой колодец. Если спуститься по нему метров на тридцать, можно достичь гремящего внизу нынешнего русла реки Шульган.

Мировую известность пещере Шульган-Таш принесла палеолитическая живопись, открытая А. В. Рюминым, научным сотрудником Бурзянского заповедника, в 1959 г. На стенах одного из залов пещеры им были обнаружены нарисованные фигуры дикой лошади и мамонтов, покрытые остатками облупившихся известковых отложений. Содержание рисунков и стиль художника убедительно свидетельствуют о палеолитическом их возрасте. По следам работ А. В. Рюмина в пещеру Шульган-Таш Институт археологии АН СССР в 1960 г. и последующие годы под руководством известного уральского археолога О. Н. Бадера организовал

специальную экспедицию, которая наряду с изучением произвела реставрацию рисунков, высвобождая их от различных подписей современных туристов.

Картинная галерея первобытного человека расположилась на двух сухих стенах первого и самого большого зала на втором этаже. Рисунки были сделаны красной краской — охрой. На одной из стен нарисовано стадо из пяти мамонтов и двух лошадей. Фигуры красноватого цвета длиной от семидесяти сантиметров до метра отчетливо просматриваются на желтоватой каменной стене. Некоторые мамонты изображены бегущими. На противоположной стене того же зала имеются рисунки мамонтов, выполненные в такой же манере.

Характерная черта всех рисунков в пещере — их реалистичность. Изобразивший дикую лошадь и бегущего мамонта древний художник, конечно, в непосредственной близости наблюдал жизнь этих животных. Мамонты исчезли с лица земли в послеледниковый период (15—12 тысяч лет назад), следовательно, можно сделать предположение, что рисунки сделаны в древнем каменном веке. Древность рисунков подтверждается и известковыми натеками, покрывшими рисунки сверху.

Рисунки пещеры Шульган-Таш являются бесценными художественными произведениями, оставленными нам в наследство людьми древнекаменного века. В нашей стране, если не считать найденный в Сибири рисунок мамонта, таких рисунков больше нет. А во всем мире похожие на них изображения имеются лишь во Франции и Испании. Несмотря на то, что они относятся примерно к одному и тому же периоду, шульган-ташские рисунки возникли самостоятельно и принадлежат другому этнокультурному миру. Это позволяет признать высокий уровень культуры людей Южного Урала древнего каменного века.

Из вышесказанного не следует, что искусство людей каменного века представлено лишь рисунками пещеры Шульган-Таш. Люди того времени имели самостоятельную богатую культуру. О ней мы можем судить по сотням находок, сделанных в других местах на территории СССР. Например, в Сибири, в местечке, называемом Буреть, была найдена скульптурная фигура человека в одежде с капюшоном, вырезанная из бивня мамонта. Судя по ней, древние люди Урала и Сибири, приспосабливаясь к суровым

климатическим условиям, умели шить теплую, удобную одежду.

Культура человека на заре его истории была примерно одинаковой на больших территориях, что обусловлено одинаково низким уровнем производительности труда. Поэтому для характеристики истории и культуры человека древнекаменного века Урала в одинаковой мере можно использовать материалы раскопок археологических памятников и других соседних районов. В связи с этим, хочется остановиться на интересном открытии О. Н. Бадера, сделанном на стоянке Сунгирь во Владимирской области. На этой стоянке жили люди, которые в условиях сурового холодного климата охотились на мамонтов, северных оленей, песцов и других животных. Здесь в результате многолетних раскопок открыты редчайшие в истории мировой археологии захоронения людей в богато украшенной меховой одежде.

В длинной могиле, на глубине 4 м от современной поверхности земли найдены два скелета, лежащих головами друг к другу. Могила и скелеты густо засыпаны красной земляной краской-охрой. По заключению антрополога М. С. Акимовой скелеты принадлежали двум мальчикам 8—9 и 12—13 лет. Мальчики были одеты в меховую одежду, похожую на костюм современных жителей крайнего севера. Она состояла, как предполагают ученые, из нателеной кожаной рубахи, таких же штанов и меховых сапог. На мальчиках сверху были куртки с разрезом у ворота, богато украшенные многочисленными маленькими бусами, изготовленными из бивня мамонта. На груди лежали костяные булавки, застегивавшие ворот куртки. Очень интересными оказались шапочки. Их окаймляли широкие полосы костяных бусин, а сверху еще нашиты клыки песцов. О том, что все это было пришито, можно говорить уверенно — у кисти правой руки старшего мальчика лежала тонкая костяная иголка, по размерам и толщине не отличающаяся от современных стальных. На руках мальчиков находились широкие браслеты из бивня мамонта, на пальцах — кольца. Таким же кольцом были стянуты волосы одного из них. На груди старшего мальчика лежала скульптурная фигурка лошади, также вырезанная из бивня мамонта. В погребении найдены 17 наконечников дротиков, изготовленных не из кремня, а из бивня. У правой руки старшего мальчика лежало большое и тяжелое копьё, вы-

тесанное из бивня мамонта. Его длина 2 м 42 см. Для изготовления копья бивень был выпрямлен и сделан эластичным. Все находки в этом погребении — сотни мелких бус, иголка, булавки, копье и дротики — были полной неожиданностью для ученых. Находки свидетельствуют о том, что человек древнекаменного века в познании природы, приобретении технических знаний достиг больших успехов, чем до сих пор полагали ученые.

Особенный интерес представляют встречающиеся среди памятников древнего каменного века костяные скульптурные фигурки обнаженной женщины-матери. На земном шаре сейчас известно более сотни таких скульптур, две трети которых приходится на территорию СССР.

По мнению ученых, эти скульптурные изображения служат отражением культа матери-прародительницы и относятся к тем находкам, которые позволяют представить себе общественное устройство людей той далекой поры. В условиях первобытной жизни женщина играла чрезвычайно большую роль. Вместе с мужчинами она участвовала в охоте, собирала плоды и ягоды, а помимо того была в доме хозяйкой, матерью детей. Культ женщины-матери был связан с продолжением рода и его сохранностью. Поэтому ей поклонялись, выказывая большое уважение и почет.

На Урале скульптурных изображений и рисунков женщин еще не находили, но не приходится сомневаться, что черты такой культуры были свойственны и первым обитателям Урала.

В древние времена произведения искусства обычно были связаны с каким-либо религиозным сюжетом. Например, в Австралии туземные племена еще в XVII—XVIII веках перед выходом на охоту на кенгуру рисовали на земле его изображение, исполняли ритуальные песни и пляски, затем метали в изображение копья. А на полуострове Камчатка местные племена объясняли, что такие знахарские, таинственные обряды должны принести охотнику удачу. Как знать, возможно и перед рисунками пещеры Шульган-Таш древние люди исполняли свой сложный, магический ритуал перед охотой.

ЛУЧНИКИ СРЕДНЕКАМЕННОГО ВЕКА

Геологические исследования показывают, что толстый ледниковый слой постоянно находился в движении: он то

отступал, то вновь наступал на южные районы. Примерно 14 тысяч лет назад ледник начал свое отступление в последний раз. Годовые отложения на дне озер, образовавшихся при таянии ледника, дают возможность полнее представить характер отступления ледника. Так, к примеру, на широте г. Ленинграда последний лед растаял 12.400 лет назад, а в Карелии ледник отступал со скоростью сто шестьдесят метров в год.

Потепление климата определило существенные изменения и в природе. Она постепенно начала приближаться к своему современному состоянию. Биологи провели споропыльцевой анализ слоев, взятых в Кушнареновском районе близ села Ильмурзино, относящихся к той геологической эпохе. По полученным сведениям, некоторые районы Южного Урала напоминали холодные тундровые степи с редколесьем. Те большие изменения, которые происходили в природе, вызвали много нового и в жизни древних людей, приспособившихся к суровым условиям жизни. Принимая во внимание эти новые особенности, послеледниковый период в истории человечества, определяемый в 6—7 тысяч лет, называют средним каменным веком (мезолитом).

Основным занятием людей среднекаменного века остается охота, но теперь она приобретает новые качественные особенности. С исчезновением мамонтов, привыкших к холодному климату, объектом охоты становятся более мелкие животные тайги — олени, медведи, зайцы, барсуки и т. д. Лук и стрелы, появившиеся еще в раннее время, теперь становятся почти единственным надежным средством охоты. Они сыграли большую роль в судьбе первобытных людей, оказавшихся в новых условиях жизни. Лук позволяет охотнику увеличить добычливость, прежние западни и ловчие ямы, куда сообща загоняли животных, отходят на второй план. В это время в южных районах начинается приручение животных. Во многих археологических памятниках, найденных в палеолите Сибири, были обнаружены кости собак, а в Крыму в мезолите — кости свиньи.

Примерно 10 лет тому назад на Южном Урале не было известно ни одного памятника среднекаменного века. Но в настоящее время здесь выявлена большая группа стоянок, на многих из которых производились значительные раскопочные работы. Такому быстрому накоплению материала по истории и культуре населения Южного Урала этого

периода археологическая наука обязана Г. Н. Матюшину — одному из неутомимых исследователей древностей Урала.

Первые мезолитические памятники на Южном Урале Г. Н. Матюшиным были открыты в местности Романовка под городом Уфой. На следующий год он обследовал стоянку того же времени близ деревни Кумлекуль в Кушнаренковском районе, открытую тогдашним студентом, ныне старшим преподавателем Башкирского университета, этнографом Р. З. Янгузиным. Хотя материал этих двух памятников оказался очень интересным, основные открытия Г. Н. Матюшина были сделаны позднее на территории южных районов (Учалинский, Абзелиловский, Баймакский) Башкирской АССР, а также Челябинской области. Здесь по побережью многочисленных озер им были обнаружены десятки стоянок, о существовании которых раньше не предполагали. Интересно отметить, что обычно мезолитические памятники находятся под значительной толщей земли, достигавшей иногда несколько метров. Это затрудняло поиски и раскопки. Работы Г. Н. Матюшина показали, что на берегах горных озер Южного Урала (Суртанды, Карабалыкты, Узункуль и другие) почвенный покров земли зачастую отсутствует и мезолитические находки иногда лежат прямо на поверхности.

Судя по богатому материалу раскопок многочисленных стоянок, племена Южного Урала эпохи мезолита хорошо обрабатывали камень. Они умели отщеплять от основы кремневой гальки (нуклеус) пластинки толщиной в несколько миллиметров и, вставляя их в расщепленное дерево или кость, изготавливать ножи и наконечники стрел.

Анализ материала древних стоянок дал исследователю основание сделать ряд очень важных выводов о характере расселения и происхождении мезолитических племен Южного Урала. Так, например, оказалось, что племена восточных склонов Южного Урала и Зауралья по культуре уже несколько отличились от своих северных и западных соседей, обитавших по берегам р. Белой и ее притоков. Культура мезолитических племен Южного Урала имеет очень близкое сходство с культурой племен, которые обитали в то время в районах Средней Азии и Ирана. На этом основании Г. Н. Матюшиным высказано научное предположение о том, что мезолитическое население Южного Урала своим происхождением было тесно связано с племенами южных районов. Дальнейшие исследования в этом

направлении, видимо, помогут разрешить спорный и мало изученный вопрос о путях заселения Урала человеком.

Наивысший уровень в технике обработки камня приходится на V—III тысячелетия до нашей эры (новокаменный век или период неолита). В изучении неолитических памятников большая заслуга принадлежит ленинградскому археологу Лие Яковлевне Крижевской — автору первого монографического исследования по истории и культуре племен Южного Урала эпохи неолита.

В период неолита люди умели резать, пилить, сверлить, шлифовать камни, начали производить необходимые для работы по дереву различные орудия — топоры, долота, тесла, ножи. Увеличивается количество, становится более разнообразной форма изготовленных из камня мелких вещей — пластинок, наконечников стрел.

Изобретение глиняной посуды (керамики) — одна из своеобразных черт в культуре племен новокаменного века. Сейчас, конечно, невозможно установить, где были вылеплены первые глиняные сосуды, так как в короткий срок они получили широкое распространение и превратились в общечеловеческое достояние. Первые горшки делались из глиняных лент путем накладывания их друг на друга в виде спирали. Работа производилась вручную, неровности сглаживались щепой и водой, поверхность затем украшалась орнаментом из различных узоров. Для прочности горшки обжигались на костре. Памятники, в которых найдены образцы самой древней керамики на Южном Урале, известны в Давлекановском, Калтасинском, Караидельском, а также в зауральских (Учалинский, Абзелиловский) и других районах Башкирской АССР. Имеются они также на территории Челябинской, Пермской областей. Попутно нельзя не упомянуть другое очень важное открытие, сделанное Г. Н. Матюшиным при исследовании неолитической стоянки в Давлекановском районе. Здесь было обнаружено несколько человеческих захоронений, которые пока являются единственными для неолитической эпохи на территории Урала и Среднего Поволжья. Знаменитый ученый антрополог М. М. Герасимов по черепу сделал реконструкцию портрета одного из этих людей, по которому можно судить, что они были крепкого телосложения и принадлежали к европеидному типу.

Однако по внешности этот человек был очень схож с индейцами Северной Америки или селькупам. Г. Н. Ма-

Портрет неолитического человека из Давлекановского погребения. Реконструкция М. М. Герасимова.

тюшин высказал предположение, что этот физический тип был широко распространен у племен территории от Урала до Алтая и дальше на восток в эпоху мезолита. Интересно отметить, что погребение обнаружено в полу жилища. Погребенный лежит на правом боку со слегка подогнутыми ногами и руками. Костяк человека, как и в Сунгирьском погребении, был сильно окрашен красной охрой.

При изучении истории происхождения древних племен археологи уделяют большое внимание глиняным сосудам и их обломкам. Это внимание обусловлено тем своеобразием, кото-

рое свойственно только этому виду находок. При раскопках археологических памятников, особенно поселений, городищ, самую многочисленную группу находок составляют глиняные сосуды и их обломки. Глиняные сосуды изготовлялись для собственных нужд внутри каждого человеческого коллектива и лишь в редких случаях привозились с дальних расстояний. Каждая группа родственных племен выработала свойственные только ей формы сосудов и узоры орнамента. Если мы сейчас орнамент на керамике, дереве, металле и других вещах используем как простое украшение, то в те давние времена узорам орнамента придавалось особое, чаще всего религиозное значение, своей сложностью они выражали мысли и чувства древних людей. На эту особенность древнего орнамента указывают некоторые этнографические примеры, зафиксированные учеными у различных народов Земного шара. Так, например, люди из народности манси, которые живут на Север-

ном Ураде, по узорам на обуви, даже не расспрашивая, могли узнать, из какого племени и рода этот человек.

Формы глиняных сосудов и их орнамент как показатель своеобразия культуры их творцов, не изменяясь, сохранялись в течение сотен лет. Если некоторые элементы материальной культуры, тесно связанные с трудовыми процессами (наконечники стрел, копий, топоры, конские удила), одинаково широко были распространены у различных по происхождению племен, то определенная форма и особенно орнамент глиняных сосудов продолжали существовать только у той или иной группы племен. Они не подвергались сильным изменениям даже и в тех случаях, когда племена переселялись с одного места на другое. Вот поэтому археологи глиняные сосуды и их орнамент рассматривают как важный исторический источник, в котором отражены судьба и принадлежность ископаемых людей к тем или иным племенам. Глядя на обыкновенный, на первый взгляд, обломок горшка, археолог может определить, к какому примерно периоду относится открытый памятник, какие племена его оставили, может рассказать о наличии или отсутствии родственных взаимоотношений между племенами, существовавшими в различное время на данной территории. Таким сравнительным путем, например, ученые установили, что в период неолита племена Южного и Среднего (Прикамье) Урала находились в тесных родственных отношениях. В их материальной культуре одновременно наблюдаются некоторые общие признаки, свойственные также культуре племен Западной Сибири и Казахстана. На этом основании археологи, языковеды полагают, что указанные племена говорили на каком-то очень древнем угро-финском языке, близком языкам современных удмуртов, коми, марийцев, венгров, хантов и манси. В результате расселения потомков этих древних племен с древней общей территории и возникновения различий в их образе жизни этот язык — основа дифференцировался, и от него затем отпочковывались языки указанных современных народов.

Другим важным достижением культуры людей новокаменного века явилось освоение земледелия. Оно впервые возникло из собирательства диких трав, корней и злаков в Передней, а затем Средней Азии, Причерноморье и в более южных районах Земного шара. В хозяйстве неолитических племен Южного Урала уже имелись зачатки как земледелия, так и скотоводства, которые затем становятся

ведущими отраслями в следующую эпоху — в век начала освоения металла.

ПЛЕМЕНА МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА

Примерно в четвертом тысячелетии до нашей эры на службу человеку пришла медь. Но племена Урала и соседних с ним районов познакомились с медью несколько позднее, примерно, на рубеже III—II тысячелетий до нашей эры. Ученые считают, что первое знакомство произошло с самородной медью. После того, как человек выяснил, что в расплавленном состоянии меди можно придавать различные формы, началась обработка медных руд. Для придания прочности орудиям из меди, в нее позднее начали добавлять олово и другие компоненты. Человек овладел секретом получения бронзы. Тем не менее медные орудия труда по прочности уступали каменным, и поэтому медь не смогла сразу вытеснить каменные орудия. Напротив, в начале бронзового века мы замечаем прежний темп роста техники обработки камня. По мере развития металлургии меди производство каменных орудий стало понемногу угасать и окончательно исчезло после освоения металлургии железа.

В век каменной техники с ее низкой производительностью труда племена различных районов Земного шара по культуре не сильно различались между собой, и развитие человеческого общества шло очень медленными темпами. Но с возникновением скотоводства и земледелия в конце эпохи неолита, несмотря на низкий уровень производительности труда, примитивную металлургию, дело приняло совсем другой оборот.

В образе жизни, хозяйственной деятельности и культуре племен разных районов появились заметные отличия. Например, в районах Кавказа, Средней Азии и Причерноморья процветало земледелие, а в степях Украины, Поволжья, Сибири и Казахстана развивалось древнее скотоводство, а их северные соседи в силу особых природных условий продолжали заниматься скотоводством и рыболовством. Такое разделение труда привело к усилению межплеменных связей, взаимному обмену, а набирающее силу скотоводство оказывало сильное воздействие на дальнейшее развитие этой тенденции. Если историческое развитие

людей первобытного общества до сих пор было ограничено низким уровнем каменной техники, то теперь перед ним открылись невиданные возможности. Между племенами, живущими в различных районах, возникает неравенство. Племена, которые ведут свое хозяйство на основе более высокой техники, в своем историческом развитии начинают опережать соседей. Если в эпоху медно-бронзового века племена Урала-Поволжья, например, сохраняли первобытно-родовой строй, то в таких странах, как Китай, Индия, Двуречье, Египет возникли первые рабовладельческие государства.

Период медно-бронзового века в истории Южного Урала по сравнению с каменным веком изучен полнее. Среди ученых, которые исследовали памятники этого периода, особо следует выделить имя К. В. Сальникова. Посвятив всю жизнь изучению памятников медно-бронзового века Южного Урала, он более тридцати лет непрерывно вел трудоемкие полевые раскопочные работы в Оренбургской, Челябинской, Курганской и Свердловской областях. Начиная с тридцатых годов, он регулярно организовывал археологические экспедиции и в Башкирию. Эти экспедиции проводились в то время, когда К. В. Сальников работал в Свердловске и других городах. В 1960 году он переехал в Уфу, стал заведующим сектором археологии и этнографии Института истории, языка и литературы.

К. В. Сальников — автор более пятидесяти научных работ, написанных на различные темы древней истории Южного Урала. К 1966 году он создал фундаментальный труд «Очерки древней истории Южного Урала», где исследуется образ жизни, культура различных племен края эпохи меди и бронзы, разработана периодизация их истории, выделена территория расселения племенных союзов и их происхождение.

Большой вклад в изучение памятников бронзового века в Башкирии внесли также Р. Б. Ахмеров, А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов и другие археологи.

АНДРОНОВЦЫ

В период медно-бронзового века на территории Южного Урала проживало несколько племенных групп, которые существенно отличались между собой по культуре и

Портрет андроновского человека. Реконструкция М. М. Герасимова.

происхождению. Самую большую из указанных групп составляли племена, вошедшие в историю под условным названием «андроновцы». Это слово происходит от названия могильника, оставленного племенами близ села Андронovo в Южной Сибири и исследованного одним из первых в начале XIX века.

Андроновскими племенами были заняты восточные и южные районы Башкирии. Однако здесь они составляли лишь малую северозападную часть самой большой этно-культурной общности на территории СССР в эпоху меди и бронзы.

Основными районами расселения андроновских племен

явились степи Южной Сибири, Казахстана и Южного Урала. По мнению археологов, распространению андроновской культуры на такой обширной территории способствовали примерно одинаковые физико-географические условия, скотоводство и земледелие, металлургия меди и бронзы, усиление межплеменных связей и обмена. По своему внешнему виду андроновцы принадлежали к европейскому антропологическому типу.

История андроновских племен Южного Урала известна нам по материалам памятников, раскопанных как на территории Челябинской и Курганской областей, так и на территории Башкирии. По берегам многих рек были открыты следы поселений андроновцев, исследованы остатки заброшенных землянок. Для строительства землянок сначала вырывались большие прямоугольные ямы глубиной до одного метра; в эти ямы опускались деревянные срубы, на которые опиралась вся кровля. Длина некоторых землянок доходила до двадцати — двадцати пяти метров, ширина — десяти — одиннадцати метров. Чтобы стены таких домов не обваливались, вдоль них ставились вертикальные тол-

стые столбы-подпорки. Крыши таких землянок археологи реставрируют по-разному: плоскими или, чаще, двухскатными. Жизнь в землянках протекала долго, от времени столбы гнили, и их приходилось заменять новыми. При исследовании одной землянки на берегу реки Исеть на полу были обнаружены следы от 382 столбов-подпорок. Землянки обогревались очагами, которые горели прямо на земляном полу. Любопытно, что в каждой из подобных землянок было по два-три, а в больших — по десять очагов. Вероятно, в этих домах жили большие патриархальные семьи. Следует отметить, что у северных соседей андроновских племен широко были распространены землянки, которые соединялись между собой земляными переходами — длинными узкими коридорами. Эти коридоры облегчали переход из одной секции дома в другую. Не исключено, что такой тип жилищ также был знаком и племенам андроновской культуры.

При раскопках землянок чаще всего встречаются обломки глиняных горшков, ножи, топоры, наконечники стрел и другие предметы из камня. Глиняная посуда андроновских племен имела форму плоскодонных горшков, богато орнаментирована отпечатками зубчатого или гладкого штампа. Среди узоров преобладают сложные геометрические — треугольные, меандровые и другие. Медные и бронзовые ножи, топоры, шила, серьги и другие вещи встречаются очень редко, но зато куски шлака, образовавшегося при выплавке руды, обломки литейных форм обнаруживаются сравнительно часто. Металлические предметы в те времена представляли большую ценность, и люди старались их не терять.

Находки костей животных на андроновских поселениях — обычное явление. Судя по этим находкам, андроновцы являлись уже настоящими скотоводами, которым, в основном, были известны все виды домашних животных. При раскопках андроновского поселения около села Алексеевка близ города Кустаная Казахской ССР около землянок были отмечены следы аккуратно расставленных тонких столбов. По мнению археологов, это следы загонов для скота, имевшихся у каждой большой семьи.

Нередко в андроновских поселениях встречаются находки, связанные с земледелием. Например, в одной из землянок того же самого Алексеевского поселения были найдены обгорелые зерна пшеницы. На многих стоянках

эпохи бронзы часто встречаются приспособления для размола зерна. Эти самые ранние в истории человечества ручные мельницы, конечно, отличались от тех ручных мельниц, которые до недавнего времени существовали в сельской местности. Первые земледельцы на плоской поверхности большого камня делали углубления, насыпали в него зерно и растирали его другим камнем меньших размеров до тех пор, пока зерно не превращалось в грубую муку или крупу.

Некоторые поселения племен бронзового века на Урале и в Поволжье располагались на низких берегах рек, которые сейчас затапливаются во время весенних разливов. В течение нескольких десятилетий между учеными идет спор о причинах строительства деревень древними племенами на таких берегах. Часть археологов и биологов это интересное явление древней истории объясняют переменой климата. Согласно исследованиям, в эпоху бронзового века на просторах Сибири, Урала и Поволжья произошли изменения в природе, климат стал засушливым, сократились лесные массивы, уступив место степным просторам, заметно понизился уровень воды в реках, и поэтому люди в ряде случаев выбирали места для поселений поближе к воде, в низинах, а не на высоких, как прежде, берегах. Этот период, известный в науке под названием ксеротерма (ксерос — по-гречески — засушливый), продолжался в течение нескольких столетий.

Другая группа ученых, включая некоторых археологов, не согласны с таким предположением. Они утверждают, что в бронзовом веке не происходило каких-либо заметных изменений в природе, и высказываются за то, что побережья рек, где прежде стояли древние поселения, были высокими, но затем опустились в результате тектонических явлений, т. е. геологических движений — спадов в поверхности земной коры.

На территории Башкирии могильники и поселения андроновских племен пока тщательно не исследованы, но косвенных данных об их существовании известно вполне достаточно. В 1965 году археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы БФАН СССР произвела раскопки нескольких курганов в районах башкирского Зауралья. Обнаруженные в них захоронения, вполне возможно, относятся к древним андроновцам. Один из обследованных памятников возле деревни Туишево Абзелилов-

ского района состоит из более чем 40 земляных насыпей диаметром 20—40 м, высотой 0,2—0,80—1 м. Окрестным башкирам этот исторический памятник известен как древнее кладбище — «убалар».

По внешнему виду курганы напоминают небольшие холмики. Башкиры называют их «ямой Фатимы». Название загадочное, но после расспроса старожилов мы узнали любопытную историю. После Октябрьской революции, в начале двадцатых годов в деревню Туишево совместно с краеведом М. Смирновым приехала родная сестра первого башкирского профессионального художника К. А. Давлеткильдеева — Фатима-апай и при помощи местных жителей произвела раскопки курганов. Скорее всего, это были не настоящие раскопки, а небольшие шурфы, заложенные в центре курганов. На месте шурфов образовались ямы, их-то местные башкиры затем и называли по имени автора раскопок. По рассказам стариков, в курганах были найдены человеческие кости и глиняные горшки, «наподобие кувшинов».

Другой аналогичный могильник в том же году был обследован около деревни Ишкулово (Абзелиловский район), на берегу реки Б. Кызыл. Экспедиция раскопала один из самых маленьких курганов, в котором было найдено пять человеческих могил. Две могилы, по-видимому, были ограблены еще в древности, а в трех остальных умершие похоронены в скорченном положении, на боку, в изголовье или у ног поставлены один-два плоскодонных сосуда с пищей.

Интересный могильник, состоящий из таких же курганов, оставлен андроновскими племенами у подножья горы Кантюбе, недалеко от села Наурузово Учалинского района. Средний диаметр курганов около 18—20 метров, высота достигает метра, часть курганов распаивается. В одном раскопанном кургане нашей экспедиции удалось обнаружить погребение, которое, безусловно, относится к андроновской культуре. Умерший человек перед похоронами был подвергнут сожжению (кремации), и от него остались лишь обгоревшие, измельченные кости; в могиле найден обломок плоскодонного горшка.

Курганные могильники андроновских племен лучше всего изучены на территории Челябинской области. По устройству и характеру находки делятся на две группы. На кладбищах одной группы, как в Кантюбинском кургане, умерших сжигали в стороне, а в могилах хоронили лишь

обугленные мелкие кости. Один из подобных памятников наиболее полно был раскопан К. В. Сальниковым около д. Федоровка.

Особенность другого обычая заключалась в том, что трупы хоронили без кремации, как это было, например, в Ишкуловском кургане. Представляет интерес и то, что в обоих типах могильников горшки, сопровождавшие мертвых на «тот свет», были различными по орнаменту, отличались они и по форме. В могильниках с трупосожжением горшки изящнее по форме, поверхность у них тщательно сглажена, украшена нарядным орнаментом. В могильниках второй группы (без трупосожжения) горшки грубее и орнамент проще. Возникает вполне естественный вопрос: могло ли быть у одного и того же народа два различных способа захоронения.

— Возраст андроновской культуры на Урале исследователи определяют в пределах 1800—800 годов до нашей эры. В течение такого длительного периода андроновская культура не могла оставаться неизменной.

К. В. Сальников пришел к выводу, что вышеописанные два способа захоронения умерших существовали у одного населения андроновских племен, но в разные исторические эпохи. По его мнению, андроновцы в более древние века (1800—1500 вв. до н. э.) умерших сжигали, а позднее этот обряд сменился обычным трупоположением. На основе анализа всего накопленного материала по андроновским племенам К. В. Сальниковым еще в 1948 г. была разработана первая периодизация их истории. В развитии андроновской культуры автор выделил три основных этапа, которые были названы по наименованию характерных памятников: федоровский (XVIII—XVI вв. до н. э.), алакульский (XV—XII вв.) и замараевский (XII—VIII вв. до н. э.). Эта периодизация К. В. Сальникова получила общее признание у археологов нашей страны как наиболее удачная гипотеза, объясняющая историю возникновения и развития культуры андроновских племен. Однако с накоплением нового материала за последние годы появилась возможность дать несколько иное объяснение этому загадочному явлению.

В. С. Стоколос, исследуя новые и пересматривая материалы ранее раскопанных памятников, пришел к выводу, что памятники всех выше отмеченных трех этапов существовали примерно в одно время и принадлежали к различ-

ным археологическим культурам, к андроновским же племенам принадлежали лишь памятники феодоровского этапа, появившиеся на Южном Урале позднее, чем XVIII в. до н. э., и распространенные на значительно меньшей территории.

ЧЕРКАСКУЛЬЦЫ

В настоящее время среди ученых наметилась тенденция изучать большую этно-культурную общность андроновских племен, выделив внутри нее мелкие самостоятельные культуры. Одной из таких культур является черкаскульская, памятники которой раньше рассматривались как андроновские. Археологи чаще их называют «лесными андроновскими» или «андроноидными», подчеркивая тем самым, с одной стороны, большую близость их к андроновской культуре и, с другой, — некоторое их своеобразие. Основным исследователем истории черкаскульских племен является К. В. Сальников.

Первоначально памятники черкаскульского типа были известны в основном на территории Свердловской области. Там же находится Черкаскульское поселение, по которому названа вся группа племен. Но сейчас около 20 поселений и могильников черкаскульских племен выявлены и на территории Башкирии, они располагаются по побережью среднего и нижнего течения реки Белой и по ее некоторым притокам. Известны они и севернее — в районе города Сарапула Удмуртской АССР. Хотя эти две группы удалены друг от друга на значительное расстояние, К. В. Сальников полагает, что вся эта территория была сплошь заселена черкаскульскими племенами. По его мнению, черкаскульские племена проникли в бассейн реки Белой из Зауралья и явились предками угорских народов, принявших активное участие в сложении археологических культур эпохи раннего железа.

Материальная культура черкаскульских племен, в целом, очень близка к андроновской. На их памятниках встречаются наконечники копий, серпы, ножи и другие металлические предметы, по форме очень близко напоминающие андроновские. Черкаскульские племена пользовались преимущественно такими же плоскодонными невысокими горшками, что и андроновцы. Но в отличие от последних они любили украшать горшки различными узорами в виде слочки, насечек, желобками по верхней части тулова.

Близ с. Кумлекуль недалеко от Уфы в 1961 году К. В. Сальниковым исследованы остатки большого жилища типа землянки. Жилище имело квадратную форму площадью 153 м², по краям стояли столбы для подпорки стен и кровли. На полу, в центре землянки прослежены следы нескольких очагов. Интересно отметить, что под землянкой обнаружены две человеческие могилы. Похоронены ли в этих могилах люди черкасульской культуры — сказать трудно, так как на этом поселении обнаружены фрагменты керамики еще других культур (срубной, курмантауской) эпохи неолита, бронзы и железного века.

На территории Башкирии известны хорошо изученные курганные могильники черкасульских племен. К этим памятникам относятся курганы на территории дер. Тартышево Чекмагушевского района, исследованные К. В. Сальниковым. Под двумя курганами обнаружено три могилы, в которых умершие похоронены в скорченном положении на боку. В погребениях найдено по одному глиняному сосуду. Другой подобный могильник известен близ дер. Ахуново Салаватского района, на территории современного кладбища, на левом берегу реки Юрюзань. На этом памятнике в 1963 году мною был раскопан один из 4 курганов, в котором прослежен тлен плохо сохранившегося человеческого костяка, похороненного головой на восток. В могиле находился глиняный сосуд с остатками пищи.

По образу жизни черкасульские племена мало отличались от андроновцев. Ведущими отраслями хозяйства у них было скотоводство и мотыжное земледелие. В ряде поселений встречены кости диких животных (лось, волк, лисица, заяц) — доказательство того, что они занимались еще и охотой.

СРУБНЯКИ

Западными соседями андроновцев на Южном Урале явились племена, условно названные срубняками. Эти племена хоронили своих умерших соплеменников в деревянных срубах, опускаемых в могильную яму. По этому признаку их культуру ученые называли срубной.

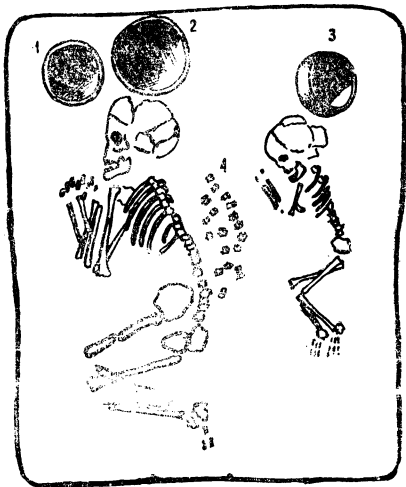
Срубняки, как и андроновцы, в эпоху бронзы составляли большой массив родственных по происхождению и культуре племен и занимали территорию от Урала до Днепра.

Они занимались преимущественно скотоводством и земледелием. Несмотря на то, что по происхождению срубные племена развились самостоятельно, в их культуре и образе жизни было много общего с андроновцами. Это особенно хорошо прослеживается в уральских степях, где срубные и андроновские племена расселялись смешанно. В ряде случаев археологу трудно даже определить, кем оставлен тот или иной памятник: андроновским или срубным населением. Их можно опознать лишь по незначительным признакам.

Срубные племена вели сначала оседлый образ жизни. По берегам рек Белой и Демы найдено немало следов поселений срубняков. В 1953-1954 гг. при раскопках срубного поселения близ деревни Береково в Мелеузовском районе К. В. Сальников обнаружил остатки нескольких землянок четырехугольной формы. В заполнении земляночных котлованов в большом количестве были найдены глиняные горшки, кости животных и другие вещи. Несколько подобных жилищ срубняков исследовано также в Кушнаренковском районе, в 2 км от деревни Кувыково.

На территории западных районов Башкирии известны многочисленные курганные могильники срубных племен. В течение последних 5—2 лет они исследовались у деревень Именлекулово, Верхне-Аташево, Ново-Балтачево в Чекмагушевском районе и у города Давлеканово. Аналогичные курганы выявлены у деревни Мелеуз-Тамак Миякинского района, в Туймазинском, Бакалинском и ряде других районов Башкирии. Некоторые из них открыты случайно во время земляных работ, о них стало известно по сообщениям местных жителей.

Под насыпью одного кургана обычно находится от одного до десяти могил. Но встречаются и большие курганы. Известный советский археолог Н. Я. Мерперт в большом Кайбельском кургане в Куйбышевской области обнаружил более ста могил. Здесь, как и в остальных курганах срубных племен, умершие захоронены в скорченном положении. Если в одной могиле хоронили мужчину и женщину, то мужчина, как правило, лежит на правом боку, а женщина — на левом. Провожая усопших на «тот свет», рядом с ними укладывали глиняный горшок с пищей, копья, ножи, топоры, куски мяса; одежда умерших была украшена медными и золотыми бляшками. Глиняные горшки срубняков по своей форме напоминают андроновские, но они несколько

Парное погребение. Верхне-Аташевский курган, срубная культура.
1-3 — горшки; 4 — кости животных.

грубее, и орнамент на них проще.

Часто встречаются горшки, не имеющие орнамента.

На Южном Урале известен ряд интересных кладов, связываемый со срубными племенами. Один из таких кладов был открыт вблизи деревни Миловка под Уфой в 1901 г. Клад состоял из самых древних на Урале бронзовых серпов. Подобные серпы и другие металлические вещи были также найдены недалеко от устья реки Белой, у села Дербешка, вблизи деревни Малый Кизил в Челябинской об-

ласти и у села Сосновая Маза в Куйбышевской области. В 1970 г. в деревне Абзаково в Баймакском районе выявлен еще один клад бронзовых серпов. Он был найден случайно при копке подпола дома и содержал 12 аккуратно сложенных бронзовых серпов одинаковой формы. Интересно отметить, что серпы не были в употреблении и зарыты сразу же после их отливки в специальных формах.

В кладах находят только ценные вещи, специально зарытые древними людьми или, может быть, позабытые и утерянные. Эти клады свидетельствуют о достаточно высокой культуре племен, обитавших на Южном Урале в медно-бронзовом веке, о том, что по сравнению с предыдущим периодом истории они начали пользоваться более производительными орудиями труда. С другой стороны, клады раскрывают нам изменения, происшедшие в развитии общества. Если бы вещи, находимые в кладах, принадлежали роду или племени, являлись, таким образом, общим достоянием, то не было бы необходимости прятать их. Возможно это богатство принадлежало тогда одному человеку или же небольшой группе людей. К числу таких могущественных людей прежде всего нужно отнести старейшин рода. В этот период в родовом обществе возникло имущественное неравенство, среди простых соплеменников выделилась небольшая группа людей, которая сосредоточила в своих руках власть и богатство. Зарождению такого социального расслоения способствовало развитие скотоводства, металлургии и примитивного земледелия, увеличившее роль мужского труда в хозяйстве. Теперь в жизни семейно-родовой общины возрастает авторитет и права мужчин, а женский труд ограничивается мелкими домашними работами, значение его в производстве снижается, женщина постепенно начинает терять свой прежний авторитет и равноправное положение в обществе. Материалы захоронений беспристрастно повествуют и о социальном неравенстве. В одних могилах встречаются большие ценности — топоры, кинжалы, по нескольку больших глиняных горшков, множество костей животных, в других нет почти ничего, кроме маленького горшка с пищей. Это уже говорит само за себя.

АБАШЕВЦЫ

Происхождение и история абашевских племен — одна из самых увлекательных страниц древней истории Урала и Поволжья.

Первые сведения об абашевцах появились после раскопок В. Ф. Смолиным курганных могильников близ села Абашево Чувашской АССР в 1926 году. Находки этого могильника по своему характеру настолько отличались от археологических культур соседних территорий, что ученые единодушно связали их с еще неизвестной историкам новой группой племен — абашевцами. История происхождения этих племен с богатой и своеобразной культурой долгое время оставалась для археологов загадкой, которая и сейчас еще полностью не разгадана.

Прежде всего археологи обратили внимание на некоторое сходство находок из Абашевских курганов с культурой фатьяновских племен, которые в 2000—1500 гг. до н. э. жили в районе Среднего Поволжья. Опираясь на эти факты, ученые пришли к мнению, что абашевцы явились потомками фатьяновцев, пришедших с запада. Но позже, по мере накопления материалов, проблема все усложнялась. Причиной тому послужило частично и то, что памятники абашевских племен были найдены в районах Южного Урала и в Кустанайской области Казахстана.

В 1934 году при прокладке железной дороги Уфа — Ишимбай археологи, проводя разведочные работы по трассе возле деревни Баланбаш (Красный Яр) Ишимбаевского района, открыли следы абашевского поселения.

В результате археологических исследований, проведенных после Великой Отечественной войны на Южном Урале, число абашевских памятников здесь несколько увеличилось. Обобщая эти открытия, К. В. Сальников в пятидесятых годах высказал мысль, что абашевские племена примерно в 1200 гг. до н. э. перекочевали с территории Чувашской АССР на Южный Урал. Но здесь они прожили недолго, и через несколько веков продвинулись в район города Кустаная. Таким образом, абашевцы бронзового века кочевали с Днепра на Оку, Верхнюю Волгу, а потом в предгорья Южного Урала и кустанайские степи. Среди ученых существовало мнение, что абашевцы Южного Урала составляли небольшую по численности племенную группу. Однако под давлением новых материалов пришлось отказаться и от этого вывода.

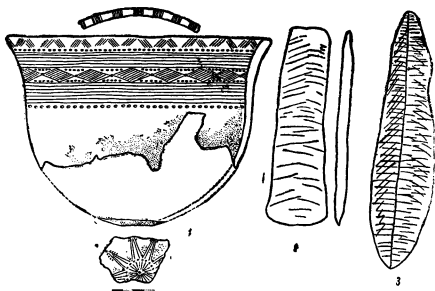
За последние десять лет на территории Башкирии было обнаружено несколько очень интересных памятников, принадлежащих древним абашевцам. Среди них — курганные могильники вблизи деревень Метев-Тамак (Туймазинский

район) и Нижне-Чуркаево (Альшеевский район), остатки нескольких поселений в Уфимском, Кармаскалинском, Кушнаренковском районах. Здесь нельзя не упомянуть об очень интересном открытии, сделанном археологической экспедицией Института истории, языка и литературы БФАН СССР, в которой довелось принять участие и мне. Экспедицией был открыт и частично раскопан курганный могильник абашевцев в совершенно неожиданном для археологов районе — на берегу реки Ай в деревне Юкалекулево (Кигинский район). Это открытие свидетельствовало о том, что абашевские племена жили не только в западных и южных степных предгорьях Южного Урала, но освоили и его горно-лесные районы.

Очень интересные находки были сделаны в первом большом кургане. В его центральной части находилась могила длиной в четыре метра и шириной в два метра. Здесь было похоронено более 10 человек, которые лежали ногами в противоположные стороны друг от друга. В могиле найдены глиняные горшки, бронзовые браслеты, нагрудные или шейные подвески, кольца, кремневые наконечники стрел. В другой небольшой могиле обнаружен бронзовый наконечник стрелы.

В 1965 году на северной окраине города Бирска при отрывке котлована под фундамент рабочие случайно обнаружили человеческие кости и о своей находке сообщили в Уфу. По этому сигналу в Бирск выехал К. В. Сальников и исследовал две сильно разрушенные могилы, в одной из которых было захоронено два человека (мужчина и женщина). Обе могилы дали удивительно богатые и совершенно неожиданные для Урала находки. Среди них — бронзовый браслет с очень красивым узором, спиральные подвески из проволоки, которые археологи называют очковидными, и много других металлических предметов. Возраст находок, по мнению К. В. Сальникова, определяется серединой второго тысячелетия до нашей эры. Такие предметы на Урале найдены впервые, но они были широко распространены в средней части Европы. По-видимому, в описанных могилах похоронены были представители племени, перекочевавшего сюда из западных районов, или же местного населения, торговавшего со среднеевропейскими племенами. Не исключено, что это были абашевцы.

Северо-Бирский могильник дал нам и другие интересные сведения. При исследовании найденных там костей

Материал из Тугаевского кургана. Абашевская культура.

1 — горшок; 2-3 — ножи.

врач-рентгенолог Л. А. Розенфельд обнаружил, что бедренные кости у одного человека отличаются: одна из них короче и толще. Рентгеновский снимок показал, что эта кость была сломана и потом срослась. По мнению автора исследования, лечение этой травмы древними врачами проведено с большим искусством. Следовательно, во II тысячелетии до н. э. народная медицина у племен Южного Урала достигла уже значительных успехов.

В последние годы мне пришлось участвовать в открытии еще двух очень интересных курганных могильников абашевских племен на территории Башкирии. Одна из таких курганных групп расположена возле деревни Тугаево (Гафурьевский район), в местности «убалар яланы».

Тугаевские курганы расположены на высоком правом берегу речушки Мәндем и состоят примерно из двенадцати земляных насыпей. Курган, на котором наша экспедиция вела раскопки, был небольшим: двенадцать метров в диаметре, высота сорок — сорок пять сантиметров. В центре кургана находилась могила длиной в два метра сорок сан-

тиметров, шириной в полметра и глубиной шестьдесят сантиметров. В заполнении ямы прослеживались древесные угольки — следы кострища, который зажигали, вероятно, в ритуальных целях при похоронах. Костяк человека полностью сгнил, и от него сохранился лишь тлен, прослеженный под бронзовым ножом — кинжалом. Кроме ножа были обнаружены горшок с широким горлом, бронзовый инструмент, который в древности играл роль долота, и одно серебряное кольцо. Наружная поверхность горшка украшена богатым орнаментом. Среди находок имелся еще один глиняный горшок, но он при первом же прикосновении развалился.

Другой абашевский памятник находится на левом берегу реки Большой Ик, недалеко от деревни Русское Тангирово (Кугарчинский район). Местному башкирскому населению он известен как «убалар», т. е. курганы. Курганы, их насчитывается четыре, имеют большие размеры и состоят из земляных насыпей. В целях поиска клада один из курганов в 1967 году был раскопан местными жителями. По центру кургана на ширину ножа бульдозера была прорыта глубокая траншея (около 2 м при высоте насыпи в 1,5 м). По словам очевидцев, авторами этих недозволенных раскопок, приведших к разрушению памятника, были встречены обломки глиняных горшков, кости животных. Все это тут же было выброшено. Весной следующего года наша экспедиция произвела исследование вырытой траншеи. Выяснилось, что траншеей разрушена верхняя часть большой центральной могилы, имевшей прямоугольную форму размерами примерно $3 \times 1,5$ м. Нетронутым осталось самое дно могилы, где нам удалось найти обломки разбитого глиняного сосуда, два бронзовых долота, бронзовое шило, пять наконечников стрел из яшмы, большой кусок яшмы — сырье для изготовления подобных предметов, и кусок, вероятно, деревянного сосуда, который в древности был расколот, а затем скреплен серебряной пластинкой. Интересно отметить, что по определению специалистов кусок яшмы был привезен из-под города Орска, где имеется выход этого камня. Нет сомнения, что камень был доставлен сюда как продукт межплеменной торговли-обмена. Любопытно и другое. В 1969 году В. С. Стоколосом был раскопан второй курган на этом могильнике. В нем открыто 11 погребений, в которых умершие похоронены по обряду, характерному для племен не абашевской, а срубной куль-

туры: скорченно, на боку. В погребениях найдены невысокие плоскодонные горшки — обычные находки в курганах срубных племен.

По образу жизни абашевские племена стояли очень близко к андроновским и срубным. Основу их хозяйства составляло скотоводство. При исследовании костей животных, найденных на Баланбашевском поселении, было установлено, что абашевцы разводили лошадей, коров, овец и коз, а также свиней. Для своего времени они были и умелыми земледельцами. Об этом можно судить по найденным бронзовым серпам, остаткам каменных зернотерок и другим находкам.

Отличительной чертой абашевской культуры считаются глиняные горшки и украшения из металла. По этим признакам абашевские памятники очень легко выделить из памятников других племен Урала и Поволжья эпохи бронзы.

Горшки у абашевцев имеют широко открытое горло и округлое или уплощенное дно. Очень часто, особенно на поселениях, встречаются сосуды больших размеров с сильно утолщенным горлом или маленькие чаши. Богатый орнамент, состоящий из комбинации различных геометрических узоров, покрывает почти всю наружную поверхность сосудов.

Среди металлических украшений выделяются вышеупомянутые очковидные, а также звездчатые подвески и граненые браслеты.

Вопрос о времени обитания абашевских племен на Южном Урале в настоящее время остается еще дискуссионным. Часть исследователей считает, что между абашевцами территории Чувашской АССР и племенами фатьяновской культуры бассейна реки Оки — Верхнего Приднепровья никаких родственных связей нет, что указанные абашевцы своим происхождением тесно связаны с населением Нижнего Поволжья добронзовой эпохи. В свете накопленных материалов по этому вопросу изменился взгляд и у крупнейшего специалиста по истории племен Урала эпохи бронзы К. В. Сальникова. Если в своих ранних трудах, написанных в 50-х годах, он отстаивал версию о приходе абашевцев на Урал с территории Чувашской АССР примерно в XII в. до н. э., то теперь он пришел к выводу, что это переселение произошло на 400—500 лет раньше. Другая группа исследователей относит существование абашевской культуры к последним столетиям II тысячелетия до нашей

эры. Одним из аргументов сторонников этого мнения является сохранение некоторых характерных черт абашевской культуры в культуре населения Южного Урала периода раннего железного века. Медно-бронзовый век, примерно в X—VII вв. до н. э., сменяет железный век. В культуре племен, обитавших на значительной части территории Башкирии в начале железного века, очень хорошо прослеживаются абашевские черты, особенно в форме и орнаментации глиняной посуды. Опираясь на эти факты, можно полагать, что в начале железного века в Башкирии жили племена, своим происхождением тесно связанные с абашевцами. Если бы абашевцы на Южном Урале жили до срубников, то такой преемственной связи быть не могло. В пользу мнения о том, что абашевские племена обитали на Южном Урале в конце бронзового века, говорят и остатки сруба из могилы Нижне-Чуракаевского кургана абашевской культуры. Исследования лаборатории Института археологии АН СССР показали, что древесина в земле пролежала 3010 ± 70 лет, то есть в могилу она попала не ранее XI в. до н. э.

Абашевцы, обосновавшись на Южном Урале, устанавливают тесные контакты с восточными соседями-андроновцами. Абашевцы заимствуют меандр и некоторые другие узоры орнамента андроновских племен и начинают украшать ими свои глиняные сосуды. Такие сосуды, в частности, были найдены при раскопках Метевтамакского могильника. В то же время некоторые черты, свойственные культуре абашевцев, переходят к андроновцам. Именно этим объясняются многочисленные случаи находок абашевских металлических украшений в андроновских памятниках.

КУРМАНТАЕВЦЫ

На территории Башкирии для периода конца медно-бронзового века исследователями выделяется еще одна группа племен, которая названа по самому первому хорошо изученному памятнику — стоянке близ деревни Нижнее Курмантау в Гафурийском районе. Территория распространения, памятники, происхождение этой культуры изучены недостаточно, и среди исследователей пока нет единого мнения. К. В. Сальников считает, что курмантаевская культура сложилась при активном воздействии потомков абашевских племен. Мне представляется, что она сложилась в резуль-

тате смещения и слияния абашевских племен с андроновскими, возможно, черкаскульскими племенами.

Культура курмантаевских племен имела ряд особенностей, отличающих ее от синхронных культур Урала и Поволжья конца медно-бронзового века. К числу таких особенностей К. В. Сальников относит широкое распространение в орнаментации глиняной посуды флажковых узоров. По предварительным данным, курмантаевская культура распространялась на всю северную Башкирию.

Признавая ряд местных особенностей материала курмантаевских памятников, известный татарский археолог А. Х. Халиков считает, что курмантаевские племена представляли локальную группу обширного этнокультурного массива родственных по происхождению и культуре племен, которые занимали обширную территорию Среднего Поволжья, нижнего и среднего течения рек Камы и Белой. Эту этническую общность А. Х. Халиков объединил в одну большую приказанскую археологическую культуру. Мнения обоих исследователей по этому вопросу в основном совпадают; расхождение сводится лишь к тому, считать ли курмантаевские памятники самостоятельной культурой или одним из локальных вариантов более широкой приказанской. Следует согласиться с А. Х. Халиковым в том, что культура курмантаевских племен очень близка культуре приказанских племен бассейна Среднего и Нижнего Прикамья. Отсюда становится понятным, что историю курмантаевских племен нельзя изучать в отрыве от истории основной массы родственных им соседних племен.

Формирование этой культуры происходило на основе развития скотоводства, земледелия и металлургии. Исследования археологов, прежде всего А. Х. Халикова, показывают, что хозяйство приказанских племен было высоко развитым, комплексным, главную роль в нем играло скотоводство, обеспечивавшее население мясом и другими продуктами. Девяносто процентов костей животных, найденных при раскопках памятников приказанской культуры, принадлежало домашним.

Основу стада составлял крупный рогатый скот, лошадь, свинья. Судя по данным, полученным зоологом А. Г. Петренко, большая часть крупного рогатого скота забивалась в возрасте 2,5—10 лет, лошади — 3—9 лет, свиньи закалывались в возрасте одного — двух лет.

Земледелие было второй основной отраслью хозяйства

приказанских племен. Об этом свидетельствуют неоднократно находки бронзовых серпов, мотыг и других орудий, связанных с обработкой почвы и зерна. По мнению А. Х. Халикова, в это время приказанскими племенами был освоен процесс выпечки хлеба. Этот вывод им сделан на основе находки жаровни в виде четырехугольной плоской миски с толстыми и высокими краями, очень удобной для выпечки хлеба.

Эти черты хозяйства приказанских племен можно полностью распространить и на племена курмантаевской культуры.

Курмантаевских памятников известно пока мало. Они выявлены, но исследованы недостаточно. Следы курмантаевских поселений известны в Гафурийском, Уфимском, Кушнаренковском и других районах республики. Известно несколько могильников, одним из которых является Урнякский в Стерлитамакском районе. Он обнаружен случайно, при копке ямы для яблонь и постройке дома на усадьбе колхозника Каримова. Были найдены человеческие кости. Получив об этом известие, К. В. Сальников в 1953 и 1962 годах произвел обследование местности, открыв два погребения очень плохой сохранности. При костяках находилось по одному глиняному сосуду, в первой могиле найдено несколько медных вещей.

Одна из интереснейших страниц истории Южного Урала повествует о первых его металлургах.

В последние годы вышло в свет много специальных археологических исследований, посвященных происхождению найденных при раскопках металлических предметов. Среди них выделяются труды О. Н. Бадера, К. В. Сальникова, Б. Г. Тихонова и особенно Е. Н. Черных. Последний свои исследования проводил на основе метода спектрального анализа, с помощью которого можно узнать, из какого рудного месторождения получен металл для изготовления той или иной вещи (геохимический метод). Каждое месторождение меди или другого металла отличается от тысяч других подобных месторождений химическим составом руды, различными примесями, различия эти хорошо определяют геологами. Сведения, собранные в результате таких исследований, позволили ученым прочитать новые страницы истории первых металлургов Южного Урала.

Эти данные показывают, что Урал с древнейших времен, еще 3,5 тысячи лет назад, был крупным центром мед-

ной (бронзовой) металлургии. Е. Н. Черных, исследовав медно-бронзовые находки, которые были обнаружены в памятниках этого времени в Восточно-Европейской части СССР, установил, что значительная часть изготовлена из уральского сырья. Племена, населявшие Волго-Окское междуречье в эпоху бронзы, свои орудия труда и украшения изготавливали преимущественно из уральской меди. Продукция уральских металлургов в те времена доходила даже до Днестра. В начале нашего столетия, например, близ села Бородино Молдавской ССР был обнаружен клад, состоящий из интересных металлических изделий. В составе клада находился серебряный наконечник копья, по форме напоминающий наконечники копий, распространенных в то время среди племен Урала и Поволжья. На этом основании многими уральскими археологами было высказано мнение об уральском его происхождении. Исследования Е. Н. Черных полностью подтвердили это предположение.

На Урале вначале были освоены медистые песчаники. Между Волгой и Уралом известно немало их, но они содержат очень малый процент меди. Поэтому древние племена Урала примерно в середине II тысячелетия до н. э. начинают осваивать месторождения, которые содержали большой процент меди. Среди самых древних и крупных медных рудников Урала считается рудник, расположенный вблизи деревни Бакурузяк (Абзелиловский район). Металлические находки из Юкалекулевских, Баланбашевских памятников отлиты из меди данного месторождения. Этой сырьевой базой широко пользовались андроновские, срубные, абашевские племена. Приведенные сведения показывают, что за этим рудником не случайно утвердилось название Бакурузяк — «медный центр», данное, вероятно, еще в глубокой древности.

Надо сказать, что в названиях местностей, гор, рек, озер также отражена древняя история края, и их изучает особый вид науки лингвистики — топонимика. Топонимические названия, раз появившись, сохраняются в течение многих сотен и тысяч лет. Они не подвергаются серьезным изменениям даже в тех случаях, когда на данной территории происходит неоднократная смена населения. Изучая особенности топонимических названий, сопоставляя их с древними и современными языками, ученые-лингвисты могут определить, каким древним народом было введено то или

инное название. Данные топонимистов имеют важное значение при определении языка носителей археологических культур. Топонимисты же учитывают выводы археологов. Взаимная корректировка этих наук помогает полнее изучить изменения в составе древнего населения в различные исторические периоды. Топонимические названия интересны еще и в другом плане. Такие названия, как Бакыр-узьяк или Кургаш-елга (Оловянная река) могут указать геологам пути для поисков древних месторождений. Ведь названия даны не случайно, а лишь после того, как древний человек ознакомился с подземными богатствами. Надо отметить, что такие названия навели геологов на ряд очень важных открытий.

ПЛЕМЕНА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Примерно в X—IX вв. до н. э. древние племена Европы и Азии овладели секретами изготовления железа. Период начала освоения и широкого применения железа вплоть до X—XV вв. принято называть железным веком.

Железо — один из самых распространенных металлов в природе. Его поиски и обработка не требуют особой затраты труда. К тому же у железа есть важное преимущество — оно, по сравнению с другими металлами, обладает большей твердостью, что является незаменимым качеством для производства необходимых в хозяйстве орудий труда и предметов вооружения. Благодаря этому железо быстро распространилось по всей земле и в жизни человека стало одним из самых необходимых материалов.

Железо в природе встречается в виде окиси железа в составе руды, которая, кроме того, включает в себя кремнезем, глинозем и другие различные примеси. Для получения металлического железа требовалось расплавить руду при очень высокой температуре, которую в условиях открытого костра или примитивной печи достичь было невозможно. Однако древние люди научились выделять железо из руды при сравнительно низкой температуре; это стало возможным благодаря изобретению ими сыродутного процесса. Суть этого процесса состояла в следующем. После добычи руда предварительно подвергалась обработке путем размельчения, просеивания, промывки и просушки. Эта операция, называемая обогащением руды, обеспечивала

частичное очищение руды от естественных примесей. Размельченную (обогащенную) руду вместе с древесным углем загружали в особую печь, куда искусственным дутьем подавался воздух. В результате горения угля выделяется окись углерода, которая нагревает вышележащие руду и уголь и вступает с ними в соответствующие химические реакции. Благодаря этому, окись железа в руде восстанавливается до металлического железа, а другие породы руды расплавляются и в виде шлака собираются на дне печи. Образование шлака происходит при температуре в 1030° , когда еще восстановленные зерна железа остаются в твердом состоянии. При температуре $1300—1400^{\circ}$ эти зерна чистого железа превращаются в монолитную и тестообразную массу, называемую крицей. Вытянутая из печи крица оставалась пропитанной некоторым количеством расплавленного шлака и содержала примеси. Чтобы получить чистое сырье, крицу подвергали дополнительному прокаливанию при температуре до $1400—1450^{\circ}$ и обработке (уплотнению) деревянными молотами на деревянном чурбане или на камне.

Освоение железа не было обычным техническим открытием, оно произвело подлинную революцию в жизни человеческого общества; медь и бронза из-за своей мягкости не могли вытеснить каменные орудия. С освоением железа мы видим совсем иную картину. Орудия, сделанные из железа, оказались прочнее, это во много раз увеличивало производительность труда. Железные топоры, тесла, долота дали возможность широко использовать древесный материал. Железные топоры и лопаты, мотыги и другие орудия привели к тому, что стало осваиваться еще больше пространств для земледелия, серпы использовались не только в уборке хлебов, но и в заготовке кормов, что благотворно сказалось на дальнейшем развитии скотоводства. В таких условиях заметно изменились быт и культура людей.

Повышение производительности труда, увеличение результативности земледелия, скотоводства и охоты привело к оживлению меновой торговли между различными племенами, сделало более тесными их взаимоотношения. Однако накопление богатств породило первые резкие противоречия в человеческом обществе. Экономическое превосходство одних племен над другими наблюдалось еще в бронзовом веке, но сейчас этот процесс получил стремительное развитие. Более богатые и сильные племена начали подчинять

себе слабых соседей, а основное богатство (скот, продукты земледелия, охоты, металлургии) стало сосредоточиваться в руках племенных и родовых вождей. Таким образом, появились первые признаки возникновения классового общества с эксплуатацией одного человека другим. Но только этим дело не ограничилось. Между родами и племенами разгорались войны за обладание более плодородными землями и пастбищами. Говоря словами Ф. Энгельса, «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатство соседей возбуждает жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшей недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников»¹.

Беспрерывные войны, которые велись между родами и племенами, вызвали необходимость защиты поселений оборонительными линиями. Появление первых укрепленных поселений-крепостей в условиях Урала и Поволжья в основном приходится как раз на этот период. В южных районах нашей страны такие крепости возводились из камня. В пустынных районах Средней Азии советские археологи нашли и исследовали несколько каменных укреплений. Небольшие по площади эти города-крепости были окружены стенами из сырцового кирпича и камня толщиной в десять и более метров. Для того, чтобы удобно было обстреливать врага изнутри, в стенах были проделаны бойницы, выстроены высокие башни-минареты. Любопытно то, что древние названия этих городов — «кала» — сохранились до нынешних времен. Они уже тогда назывались Джанбаскала, Тупрак-кала и т. д. Открытие, сделанное в безжизненных пустынях, говорит о том, что некогда там нахо-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, II издание, М., 1961, стр. 164—165.

дились процветающие цивилизации. Укрепленные крепости были обнаружены и в Закавказье. Археологическая экспедиция, руководимая Б. Б. Пиотровским, в течение четверти века исследует развалины крепости — столицы древнейшего, первого на территории нашей страны рабовладельческого государства Урарту — города Тейшебаини и сделала много ценнейших научных открытий.

Такие же исторические изменения происходили в жизни племен, населяющих территорию Урала, Прикамья и Сибири. Однако их укрепленные поселения по своему устройству значительно отличались от южных. Эти крепости-городища обычно устраивались на высоких мысах — берегах рек и обносились несколькими рядами высоких земляных валов и рвов, а также бревенчатым частоколом. На территории Башкирии известно более ста таких крепостей-городищ, относящихся к различным археологическим эпохам.

САВРОМАТЫ

Исследования археолога во многом напоминают работу криминалиста. Криминалист по едва заметным на первый взгляд приметам и уликам восстанавливает картину происшедших событий. Точно так же работа археолога порою начинается с изучения мелких находок, таких, как черепки глиняных сосудов, и приводит в конечном итоге к раскрытию истории исчезнувших с лица земли народов. Изучая следы древних поселений или могильников, археолог получает сведения о быте и культуре определенной группы племен. Затем, обнаружив такие же памятники в других местах, он устанавливает территорию этих племен, может судить об их происхождении и других сторонах жизни. Исторические события предстают одно за другим, раскрывая свои то любопытные, то трагические стороны. Правда, археологу порой невозможно узнать имена людей, чьи костяки он находит в древних могилах, судить об их взаимоотношениях, их поступках. В таких случаях ученые могут иметь лишь общее понятие о жизни древних людей. Однако изредка встречаемые в памятниках древние письмена, рисунки и скульптуры начинают говорить, обретают голос, повествуя о целой истории.

Встречаются документы, отображающие жизнь уральских племен после бронзового века. Один из самых древних документов связан с именем греческого историка Геродота,

жившего в V веке до н. э. На Черноморском побережье нашей страны в то время находился ряд колоний Греции, через которые она вела торговлю с соседними скифскими племенами. Греки покупали у скифов зерно, мясо и другие продукты питания, а в обмен давали различную посуду, одежду, всевозможные ювелирные изделия. Геродот на торговых кораблях прибыл в город Ольвию и внимательно ознакомился с бытом и обычаями скифов. Однако его любознательность этим не ограничилась. Он расспрашивал у скифов об их ближних и дальних соседях и все, что услышал от них, подробно занес в свою рукопись. Если судить по записям Геродота, северо-восточнее страны скифов, в пятнадцати днях пути, находилась страна савроматских племен. По мнению ученых, страна Савроматия находилась в долинах рек Дона и Волги. В результате исследований археологов было установлено, что племена, населявшие Южный Урал, были очень близки по быту и культуре к савроматам, и возможно, были родственными им племенами. На этом основании восточные границы страны савроматов Геродота многие археологи расширяют до Урала.

По свидетельству древних историков, савроматы были очень воинственным народом. Однако савроматы отличались от скифов и других народов еще и тем, что в их общественной жизни большую роль играли женщины. «Женщины савроматов, — рассказывает Геродот, — исстари ведут свой образ жизни — ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду. Ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага». А по рассказам современника Геродота Псевдо-Гиппократ, женщины савроматов могли выйти замуж лишь в том случае, если убьют трех врагов. Но после выхода замуж женщина уже не участвовала в походах, если на то не вынуждала необходимость. Таким образом, женщины наряду с мужчинами участвовали во всех общественных делах. Возможно, что Геродот и его современники несколько преувеличили роль, какую играла женщина в общественной жизни савроматов, но нет сомнения в том, что эти легенды в какой-то степени основаны на реальной действительности.

Изучением памятников савроматских племен занимались многие поколения археологов, преимущественно Поволжья и Москвы. Особенно большой вклад внесли советские археологи П. Д. Рау, Б. Н. Граков, К. Ф. Смирнов.

История происхождения савроматов тесно связана с андроновцами и срубниками эпохи бронзы. Савроматы Поволжья очень часто хоронили своих соплеменников в курганах срубных племен, вырыв в них новые могилы и обновляя насыпи. Но они и сами насыпали над могилами высокие земляные насыпи. Наиболее распространенными формами могил являются продолговатые четырехугольные ямы. Вместе с покойниками в могилу укладывались туши баранов, части туш лошадей и коров, глиняные горшки. На дне могил часто можно встретить остатки мела или охры. Они, по верованиям савроматов, очищали покойного на том свете от грехов. Глиняные горшки по форме и орнаменту напоминают андроновскую и срубную посуду. В захоронениях часто встречаются трехгранные наконечники стрел, первые железные ножи, кинжалы, называемые среди археологов акинаками. Последние вещи характерны не только для савроматов, но часто встречаются у скифов и других племен этого времени. В курганах савроматов встречаются также квадратные и овальные могилы. По наблюдениям К. Ф. Смирнова, такие могилы предназначались для более знатных и богатых людей. В сравнении с другими они глубже, дополнительно оборудовались деревянными срубам, а дары, сопровождающие покойного в потусторонний мир, побогаче. В них встречаются бронзовые и позолоченные зеркала, оружие воинов, известное под названием клевец, различная посуда, серьги, каменные или бронзовые булавы. Изредка находят изготовленную из камня своеобразную посуду в виде чаш, которыми, видимо, пользовались при совершении каких-то ритуальных обрядов и потому условно названные жертвенниками. Ножки некоторых из таких чаш изображают зверей.

К. Ф. Смирнов в местечке Пятимары Оренбургской области исследовал очень богатые курганы с захоронениями савроматских вождей. Центральная могила самого большого кургана, оборудованная деревянным срубом, была разграблена еще в древности. Тем не менее там были найдены костяки трех человек, несколько наконечников стрел, часть панциря, бронзовая булава. Этих особо почитаемых людей сопровождали два воина. Они похоронены почти прямо на поверхности земли в стороне от могилы. Трудно сказать, что эти два воина были слугами, потому что возле них найдены мечи в богато украшенных золотом ножнах и колчан для стрел. Такие находки, как правило, встречаются толь-

ко в могилах очень богатых людей. Все пятеро при жизни были всадниками и, чтобы на «тот свет» они не шли пешком, им были оставлены оседланные кони. Такие находки были сделаны и в других курганах могильника.

Пятимарыйские курганы являются оригинальным памятником, отражающим социальную жизнь обитавших на территории Оренбургской области савроматов. Он свидетельствует о разложении первобытно-общинного строя и выделении родовых и племенных вождей. Правда, в курганах об этом нет прямых указаний, но по письменным источникам нам известно, что у савроматов имелись цари. Например, тот же Геродот сообщает, что в известной войне скифов против персидского царя Дария савроматы во главе со своим царем участвовали на стороне первых. Эта война была вызвана походом Дария во владения скифского государства в Причерноморье и окончилась поражением персов. Факт существования царя у савроматов говорит о том, что у них имелось государственное объединение, которое, видимо, было очень неустойчивым и в принципе организации напоминало скифское государство. Интересно отметить, что пятимарыйские курганы-кладбища савроматских вождей по своему устройству очень близки известным скифским царским курганам, но отличаются от них несколько меньшими размерами. Для своих вождей скифы также сооружали сложной конструкции могилы с деревянным срубом, где хоронили до десяти и более лошадей и рабов.

Савроматы, наряду со скифами, являются родоначальниками своеобразного изобразительного искусства, называемого в науке «звериным стилем». Они украшали свои вещи различным орнаментом, изображавшим фигуры различных зверей. Древние художники особенно любили создавать фигуры фантастических зверей, которые обычно изображаются в состоянии движения. Однако в савроматско-скифском искусстве встречаются животные и из реальной жизни — тигры, верблюды, волки и тому подобные. Привлекают внимание пряжки для ремней из пятимарыйских курганов. Они изображают двух сцепившихся, кусающихся верблюдов.

Савроматы кочевали в южных и западных районах Башкирии. Но обнаружить их памятники долгое время археологам не удавалось. Честь открытия первого савроматского погребения на территории Башкирии принадлежит

М. Х. Садыковой, научному сотруднику Института истории, языка и литературы БФАН СССР. Это погребение ею обнаружено в одном из курганов близ деревни Уметбаево (Стерлибашевский район). В нем найдены наконечники стрел и костяная поделка, на которой изображена голова какого-то животного, возможно, лошади. Эта находка принадлежит к числу предметов, выполненных в «зверином стиле». Савроматское погребение содержал также один из курганов близ деревни Юрматы (Стерлибашевский район), также исследованный М. Х. Садыковой. Самое северное и восточное савроматское погребение в 1967 году открыто Г. И. Матвеевой в Чишминском районе, близ деревни Чукараклы. В данном погребении найдено несколько бронзовых наконечников стрел, примерно V в. до н. э. и два глиняных плоскодонных горшка. Этим не ограничивается список известных савроматских памятников на территории Башкирии. Имеется ряд находок, которые также могли быть оставлены савроматами. Одной из таких находок является короткий железный кинжал. Он был найден в 1960 году учащимися Авзянской средней школы в расщелинах пещеры близ села. Несмотря на то, что кинжал пролежал более 24 веков, он прекрасно сохранился, на его рукоятке имеется сильно стилизованное изображение голов животных. Такими кинжалами обычно вооружались воины скифов и савроматов.

САРМАТЫ

Возраст савроматской культуры определяется VII—IV вв. до н. э.

Письменные источники показывают, что с IV века до н. э. на Южном Урале, в Поволжье и на Дону жил кочевой народ, названный сарматами.

Сарматы явились прямыми потомками савроматов, об этом родстве можно судить по названиям этих народов. По-видимому, по истечении одного века один и тот же народ стал известен античным авторам под видоизмененным названием.

Впервые научные раскопки сарматского памятника на Южном Урале были произведены известным археологом-этнографом С. И. Руденко около деревни Прохоровка Оренбургской области, на границе нынешней территории

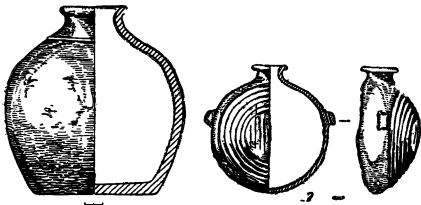
Башкирии. Название этого памятника затем было перенесено на культуру всего сарматского населения Южного Урала и Поволжья IV—II вв. до н. э.

Памятник состоит из четырех курганов. В самом большом из них, на глубине двух с половиной метров была обнаружена могила примерно три метра в длину и два в ширину, в которой лежал мужской костяк. На одной стене для удобства спуска в могилу сделана ступенька, в другой стене вырыта ниша. Покойник был уложен на дне ямы головой на юг. В нише лежали длинные мечи, наконечники копья, панцирь из железа, служивший защитой от стрел, ударов мечей и копий врагов. На шею покойника был надет бронзовый витой, позолоченный сверху обруч. Концы обруча изображали фигуры каких-то непонятных зверей. В этой богатой могиле найдены также бронзовые браслеты, зеркала, другие вещи из бронзы и золота. Интересны два серебряных блюда. На одном из них сделана надпись на древнеперсидском языке: «Блюдо Артомитра», на другом отчеканены до сих пор не разгаданные знаки, напоминающие счет. Если судить по надписи, блюда были сделаны в IV—III вв. до н. э. в Иране и попали на Урал через Среднюю Азию в результате обмена.

В других местах Оренбургской и Челябинской областей имеются десятки памятников, подобных Прохоровским курганам.

На территории Башкирии сарматский памятник впервые был выявлен в 1934 году П. Н. Дмитриевым, который исследовал часть одного из многочисленных Старо-Кишкинских курганов. В 1957—1960 годах здесь производились широкие раскопочные работы М. Х. Садыковой. Эти исследования показали, что Старо-Кишкинские курганы являются уникальным памятником сарматской культуры благодаря хорошей сохранности, богатству и разнообразию материала.

Сейчас раскопано более десяти Старо-Кишкинских курганов, где обнаружены могилы более ста тридцати человек. Курганы насыпаны в основном над могилами знатных людей — предводителей рода и глав семей. Остальные люди, — а в каждом кургане встречалось от десяти до тридцати пяти захоронений — по-видимому, являлись родственниками вождей, их похоронили в ямах, расположенных вокруг основной могилы. По мнению ученых, в таком устройстве сарматских курганов получили отражение родо-пле-

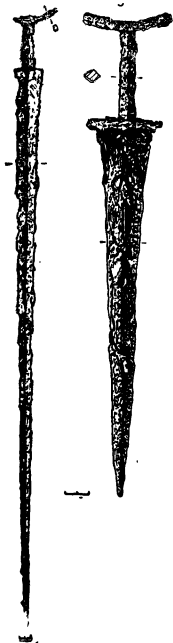

Красноглиняные сосуды среднеазиатского происхождения. Старо-Кишкинские курганы, IV—II вв. до н. э.

менные отношения в их обществе. Рядовых членов рода после смерти старались хоронить вблизи могил вождей. Большинство простых соплеменников находило свой последний приют в простых четырехугольных могильных ямах. В некоторых случаях покойники положены в ниши, вырытые в длинных или коротких стенах, головами на юг.

В степях Поволжья и Южного Урала сарматские курганы большей частью были разграблены древними кладоискателями. Такие не тронутые рукой человека памятники, как Прохоровские курганы, встречаются редко. В Старо-Кишкинских курганах, наоборот, разграбленных могил почти не было. Поэтому они дали богатый материал, отражающий различные стороны сарматской культуры.

В Старо-Кишкинских курганах каждого мужчину, в том числе и мальчиков, хоронили с богатым набором оружия. В их могилах найдены десятки трехгранных наконечников для стрел, отлитых из бронзы и железа, кинжалы с обоюдоострым лезвием и длинные мечи. По форме они однообразны. На сегодняшний день Старо-Кишкинские курганы являются единственным сарматским памятником в Приуралье с таким большим количеством кинжалов и мечей. Своей величиной и длиной привлекают внимание мечи. В длину они более метра, и потому предназначались для всадников. Стрелы сарматы носили в кожаных и берестяных колчанах, которые железными крючками прикреплялись к поясу. В одной из могил было обна-

Меч и кинжал из Старо-Кинешкинских курганов, IV — II вв. до н. э.

ружено оригинальное оружие — нож или меч, имеющий серповидное навершие. Интерес представляют также найденные в другой могиле железные долото, тесло. Эти находки показывают, что люди, жившие до нашей эры на территории Башкирии, были искусными мастерами обработки дерева, что необычно для кочевников.

В женских захоронениях оружие почти не встречается, в них находят множество различных украшений — золотые, серебряные и медные сережки, зеркала, браслеты, глиняную посуду. Шею и грудь десятков и сотен сарматских женщин украшали подвески из драгоценных камней (лигнита, янтара), из стекла и раковин. Эти бусы изготовлены не местными мастерами, а привозились издалека, из южных районов. А вот металлические же украшения, наоборот, могли быть изготовлены на Урале.

В женских захоронениях, как и в мужских, часто встречается глиняная посуда, которая представлена сосудами самых различных форм и размеров. Очень своеобразными являются глиняные сосуды красного цвета, изготовленные на гончарном круге, а также сосуды, напоминающие по форме фляги. Население Южного Урала в те времена и позже (до прихода русских) не пользовалось гончарным кругом, и поэтому нет сомнения, что они были завезены сюда издалека. По всей вероятности, такие сосуды приво-

зились из Средней Азии. А это уже говорит о том, что сарматы поддерживали тесные культурные связи с племенами Средней Азии и вели с ними оживленную торговлю.

Следует отметить, что ученые до сих пор не могут ясно представить характер взаимоотношений сарматов с их восточными и южными соседями. Культура сарматов была тесно связана с культурой савроматов предшествующего времени, но в то же время она имеет и ряд отличительных особенностей. В ней заметны следы влияния культуры южных среднеазиатских и восточных зауральско-сибирских племен. Помня об этом, некоторые ученые высказывают мнение, что сарматская культура возникла на основе ассимиляции савроматов с пришедшими из юго-восточных районов страны неизвестными племенами. Богатые находки Старо-Кишкинских курганов в этом плане можно рассматривать как материал, в какой-то степени подтверждающий высказанное мнение.

Возраст Старо-Кишкинских курганов определяется IV—II вв. до н. э. Большой могильник, состоящий из 23 курганов, аналогичных старо-кишкинским, в последние годы обнаружен А. П. Шокуровым и частично исследован А. Х. Пшеничнюком у дер. Бишунгарово в том же Кармаскалинском районе. В раскопанных погребениях в большом количестве найдены предметы вооружения (наконечники стрел, кинжалы), глиняные сосуды, в том числе красноглиняные сосуды, изготовленные на гончарном круге, а также предметы украшения (бусы, золотые серьги). Все они относятся к III—II вв. до н. э.

Еще один интересный памятник культуры сарматских племен был исследован нашей экспедицией в 1965 году. Этот памятник находится в пяти километрах от города Сибая, на холме Бишуба, что в переводе означает «пять курганов», на самом же деле здесь их насчитывается тринадцать. Они растянулись цепочкой почти на два километра. Насыпи курганов из-за ежегодной распашки сильно разрушены, но пока еще достаточно высоки и видны издалека.

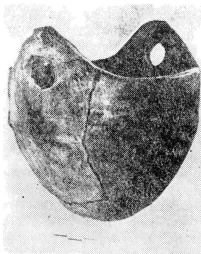
Наша экспедиция в целях разведки произвела раскопки одного из самых маленьких курганов. Его диаметр около десяти метров, высота около тридцати сантиметров. Несмотря на малые размеры, курган дал много интересных находок. Уже при снятии верхних слоев насыпи, в центральной части кургана начали попадаться куски сгнившей

древесины и угля. Чем глубже, тем больше этих кусков, и привели они к следам сгнившего деревянного сруба размером 4×2 м, накрытого сверху бревенчатым накатом. Вначале нам показалось, что деревянное сооружение относится лишь к одной могиле. Однако впоследствии выяснилось, что сруб был опущен в большую яму, служившую одновременно общей входной ямой для двух — большой и маленькой могил. В маленькой могиле лежал костяк подростка десяти-двенадцати лет. В головах у него была оставлена туша барана и большой глиняный горшок с пищей. Другой такой же глиняный горшок, бронзовое зеркало и осколок глиняного пряслица лежали в ногах. Соседняя могила, глубиной в три метра, предназначалась для взрослого мужчины. Судя по размерам и глубине могилы, она предназначалась для знатного человека, при похоронах которого, по-видимому, укладывалось много ценных вещей. К сожалению, могила оказалась разграбленной, и нам остались лишь беспорядочно разбросанные кости человека и жертвенных животных, обломки большого глиняного сосуда. Сосуд красного цвета был изготовлен на гончарном круге и, вероятно, привезен из среднеазиатских степей.

В кургане по соседству были обнаружены еще три могилы. Две из них, как и основная, были ограблены. В третьей находился костяк женщины. Вместе с костями обнаружены большое бронзовое зеркало, несколько стеклянных бусин и кости барана.

Сибайские курганы были насыпаны примерно в IV—III вв. до нашей эры.

Археологические экспедиции в последние годы обнаружили в Баймакском и Абзелиловском районах десятки неизвестных прежде курганных могильников. Среди них следует упомянуть девять курганов, расположенных цепочкой на вершине холма Бишуба, недалеко от центра совхоза «Урал». По своим размерам они относятся к числу самых больших курганов в Башкирии. Диаметр многих из них достигает двадцати пяти — тридцати метров при высоте два-три метра. Сохранность курганов настолько хорошая, что трудно даже представить, что над ними прошли тысячелетия, в течение которых они подвергались разрушительным силам природы — выветриванию, смыванию внешними водами и дождями. Нет сомнения, что в прежние времена курганы были значительно больше. Раскопки одного из курганов показали, что большие размеры и срав-

Глиняный сосуд сарматской культуры. Уметбаевский курган, рубеж нашей эры

нительно хорошая сохранность были достигнуты благодаря применению дерева и камня при их сооружении. Так, например, вокруг могилы этого кургана, оказавшейся, к сожалению, полностью ограбленной, было сооружение наподобие большого сруба из толстых березовых бревен, снаружи вся насыпь обкладывалась несколькими рядами больших известняковых плиточных камней. Такие грандиозные сооружения, требующие большой затраты сил, были, конечно, созданы многочисленной группой людей.

Вновь открытые курганы в горах Урала по форме и строению напоминают Сибайские, Бишунгаровские, Старо-Кишшинские, и вполне возможно, что они также относятся к числу сарматских памятников.

Как показывает карта распространения памятников сарматских племен, ими в это время были заселены не только степные, но и лесостепные и прилегающие к ним горно-лесные районы Приуралья. Эта территория отличалась от степных просторов Южного Урала и Поволжья, где обитала основная масса сарматских кочевников. Сарматские племена на территории Башкирии вынуждены были приспособиться к новым, может быть, непривычным физико-географическим условиям, что привело к возникновению новых элементов в культуре, не свойственных степным кочевникам. Прежде всего им необходимо было обеспечить скот кормами на зимнее время. В условиях левобережья реки Белой, где бывают сильные снегопады, постоянная тебеневка скота исключалась. Надо полагать, сарматы либо вынуждены были на зимнее время откочевывать на юг — в степи, либо заготавливать на зиму корма. Пока трудно сказать, что преваляло в хозяйстве сарматских племен, но, вероятно, они практиковали и то и другое.

По правому берегу реки Белой в это время появляется

ряд сильно укрепленных городищ сарматских племен, что является новым элементом для их культуры. Такие памятники сейчас, например, обнаружены у деревни Курмантау, Табынск в Гафурийском, Шипово в Иглинском районах. Эти памятники говорят о том, что сарматские племена Башкирии, как и их южные собратья, проводили свою жизнь не на колесах, а имели постоянные поселения, где, может быть, проводили определенное время года. Такое постепенное оседание кочевых племен на Южном Урале происходило и в более позднее время; оно способствовало укреплению этно-культурных объединений, отличающихся от других рядом особенностей.

«ПЛЕШИВЫЕ» АРГИПЕИ, «ОДНОГЛАЗЫЕ» АРИМАСПЫ И ИССЕДОНЫ

Сведения Геродота о древних племенах Урала не ограничиваются упоминаниями о савроматах. Геродот пишет, что за пределами страны будинов, соседей савроматов, простиралась пустыня на семь дней пути, а за пустыней, в направлении к востоку жили фиссагеты, племя многочисленное, занимавшееся охотой, а «рядом с фиссагетами, в тех самых местах жил народ по имени иирки, занимавшийся охотой следующим образом. Охотник забирается на дерево... и подстерегает зверя, имея наготове лошадь мелкого роста, приученную ложиться на брюхо, и собаку; завидя с дерева зверя, он стреляет из лука, потом садится на коня и пускается в погоню, причем не отстает и собака».

«Вся описанная страна до области этих скифов,— пишет Геродот,— представляет равнину с глубокой почвой, а, начиная отсюда, земля является каменистой и неровной. Если пройти значительное пространство и этой неровной земли,— у подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что все они плешивы от рождения, как мужчины, так равно и женщины, курносы и имеют большие подбородки; они говорят на собственном языке, а одеждой пользуются скифской, питаются плодами деревьев. Когда плод созреет, его выжимают сквозь ткань, и из него вытекает густой сок, а название вытекающего сока — асхи, его и лижут, и, смешавши с молоком, пьют... О народах, живущих дальше плешивых, никто не может ничего сказать с достоверностью, так как они отделены высокими неприступными горами, и никто не проходил через них...

Напротив, в точности известно, что земля к востоку от плешивых населена исседонами, о местности же к северу от плешивых и исседонов ничего не известно, кроме того, что они сами о ней рассказывают... Рассказывают, что исседоны практикуют следующий обычай. После того, как у мужчины умрет отец, все родственники пригоняют к нему животных и потом, убив их для жертвы, разрезают на куски, разрезают на куски и тело отца хозяина и, смешавши все мясо, устраивают пиршество. Затем очищают его голову от волос, вычистив, покрывают позолотой и потом пользуются как священным сосудом, совершая ежегодно большие жертвоприношения...

...К северу, как говорят исседоны, находятся одноглазые люди и охраняющие золото грифы... Называем их по-скифски аримаспами». В другом разделе своего исследования Геродот пишет, что за пределами скифской страны начинается неровная страна. Эта постоянно возвышавшаяся местность переходит в подножие высоких гор, где обитал отдельный и самостоятельный народ аргипей. От аргипеев к востоку жили исседоны.

Пространная выдержка из труда Геродота является самым ранним письменным документом о племенах Урала. Сведения Геродота в какой-то степени перекликаются с данными других историков — соотечественников Геродота. Так, например, Арметей пишет, что исседоны — люди далекого азиатского севера соседствуют с Бордеем (Каспием), а несколько выше, т. е. ближе к Уралу, они смешались и живут с одноглазыми аримаспами. Они очень многочисленный народ и храбрые воины, владеют большими стадами лошадей, овец и быков. Такие же примерно сведения о племенах Южного Приралья дает Гиппократ, хотя их он называет общим именем — скифы. «Живущие здесь скифы, — пишет он, — называются кочевниками. У них нет домов, и они живут в кибитках — четырехколесных или шестиколесных, закрытых войлоками, непроницаемыми для дождя, снега и ветров. В них живут женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях. За ними следуют их стада овец, коз, коров и табуны лошадей... Страна скифов лежит под самым севером и у Рипейских гор (Уральских), откуда дует северный ветер». Подобные сведения, легенды, окрашенные сказочным колоритом, несомненно, отражают действительную картину расселения различных племен на восточных от скифов землях. Для нас они ценны тем, что

помогают узнать, на каких землях какие жили племена в V в. до нашей эры, и как они назывались. Например, из многих исторических источников нам хорошо известно, что в казахстанских степях в те времена обитали племена массагетов. Однако следует отметить, что в локализации территории расселения племен, о которых пишут Геродот и другие античные авторы, современные историки расходятся во мнениях. Одни ученые считают, что иирки, «плешивые» аримаспы и другие племена обитали в районе Алтайских гор. Другая многочисленная группа исследователей указанные племена локализует на Южном Урале и в прилегающих к нему районах. Они полагают, например, что племена исседонов рассеялись на восточных склонах Южного Урала. Это мнение опирается на ряд фактов. Во-первых, сам Геродот сообщает, что исседоны жили от скифов по ту сторону высоких гор, т. е. в данном случае в Зауралье. Во-вторых, в Свердловской области есть река Исеть. Названия рек и гор тоже являются памятниками, языковедческими, дошедшими до нас с древнейших времен. Какие бы народы ни сменяли друг друга в данной местности, ее названия мало изменялись. Поэтому мы можем предполагать, что слово Исеть происходит от названия легендарных исседонов. В этой связи следует упомянуть еще одну интересную находку. К. В. Сальников при раскопках кургана в местности Елисейская яма (Курганская область) нашел чашу, сделанную из человеческого черепа. Следовательно, слова Геродота об изготовлении исседонами ритуальных чаш из человеческих черепов в какой-то мере подтверждаются археологическими данными.

Плешивые аргипей, одноглазые аримаспы были соседями сарматов, жили западнее исседонов, и поэтому мы вправе искать их в Западном и Южном Приуралье.

Археологический материал территории Южного Урала в полной мере подтверждают данные античных авторов об обитании здесь различных племенных групп. Большой интерес вызывают каменные курганы, недавно обнаруженные на территории зауральских районов. Это новый тип памятников, по своей конструкции существенно отличающийся от савроматских и сарматских. Первое различие проявляется в топографии их расположения. Сарматские курганы обычно располагаются на вершинах широких возвышенностей («сыртов»), на берегах рек и полях группами, чаще всего цепочкой. Каменные же курганы, наоборот,

находятся по одному или по два на вершинах труднодоступных гор. Таких курганов особенно много на склонах гор Кыркты и Ирендык. Почти на каждой вершине горы имеется один или два кургана. Подобные курганы ранее были обнаружены на территории Челябинской и Оренбургской областей и изучались преимущественно московскими археологами.

Курганы сравнительно небольшие по размерам. Их диаметр — 6—10 м, высота — 20—40 см. Но иногда встречаются курганы больших размеров. Как, например, на вершине высокой горы близ деревни Исянбетово, у подножия горной вершины Кусем-таш в Баймакском районе. Насыпи курганов состоят исключительно из больших камней. Сарматы хоронили своих покойников в глубоких могильных ямах сложной конструкции (подбой, заплечики), чего нет в каменных курганах.

Интересен курган, исследованный недалеко от деревни Исянбетово. Курган был ранее сильно разрушен местными жителями, но при доисследовании не было обнаружено ни одной могильной ямы. Каменная насыпь кургана наложена прямо на каменистую поверхность земли. Для первобытных людей, вооруженных примитивными орудиями труда, копать яму в камнях, видимо, было не под силу. Под камнями Исянбетовского кургана найдены обломки глиняных сосудов, бронзового зеркала, какого-то железного предмета, кости животных, которые относятся примерно к IV в. до н. э. Все эти предметы, видимо, были уложены вместе с покойником, кости которого полностью сгнили. Вполне возможно, что в тех случаях, когда трудно было выкопать яму, покойника хоронили в невысоких деревянных срубах, над которыми затем сооружали каменную насыпь. Не случайно при исследовании подобного кургана в Оренбургской области московским археологом М. Г. Мошковой были обнаружены остатки древесины. На вершинах почти всех каменных курганов прослеживаются впадины различной глубины, которые образовались, возможно, от постепенного разрушения центрального деревянного сооружения и оседания каменной насыпи. В таких условиях кости человека, безусловно, сгнили, а горшки с пищей умершему и другие предметы под тяжестью камней разбились.

М. Г. Мошкова в том же кургане обнаружила большое количество остатков угля. Учитывая то, что не были найдены останки человека, она высказала предположение, что

покойники были сожжены. Однако других положительных и отрицательных подтверждений сказанному пока нет, хотя существование обычая кремации умерших отдельных племен Южного Урала этого времени было вполне возможным. Оно могло сохраниться как пережиточное явление, унаследованное от андроновских племен эпохи бронзы.

Каменные курганы Южного Урала по своему устройству не одинаковы, хотя относятся примерно к одному времени. Курган с каменной насыпью близ деревни Давлетино (Абзелиловский район), например, дал несколько иные материалы. В центре кургана обнаружена неглубокая могила, где находился костяк человека, который когда-то лежал на спине, вытянуто, головой на юг. В изголовье обнаружены железный наконечник стрелы (может быть, остатки шила или иголки), бронзовое зеркало, глиняное пряслице. Вокруг шеи покойницы лежало ожерелье из разноцветных стеклянных бус, а в ногах — небольшой глиняный сосуд и железный нож. Судя по найденным материалам, захоронение относится к началу IV в до н. э. Находки из каменных курганов по своему составу обнаруживают определенную близость с находками из сарматских памятников Южного Урала. Однако каменные курганы существенно отличаются от сарматских по своей конструкции, что сразу наводит на мысль о принадлежности их к племенам другого происхождения. Не исключено, что эти памятники оставлены одним из тех приуральских народов (допустим, ийрков), о которых писали Геродот и другие античные авторы. Вышеотмеченная культурная близость с сарматами могла образоваться как результат длительного совместного обитания на одной территории.

Таким образом, можно допустить, что своеобразие каменных курганов Южного Урала не объясняется связями с сарматскими аналогиями. В то же время это своеобразие находит очень близкие сходства с памятниками племен, которые обитали в предгорьях Центрального и Южного Казахстана, Киргизии и Узбекистана. По мнению исследователей, они относятся к более позднему периоду, хотя не исключено, что в будущем выявятся и более ранние. Особенности культуры указанных памятников настолько своеобразна, что даже при фрагментарности материала уверенно можно рассматривать их в тесной взаимосвязи, означающей, что небольшие каменные курганы на горных вершинах Южного Урала были сооружены племенами, ко-

торые по своей культуре и, может быть, происхождению близки с племенами отмеченных районов Средней Азии.

Мысль о южных и восточных истоках происхождения культуры каменных курганов Южного Урала получает конкретное подтверждение на примере Нижне-Давлетовских курганов в шести километрах от города Сибая, обследованных мною в 1965 году. Этот памятник состоит из двух курганов диаметром около десяти метров каждый и высотой 40—50 см. Они расположены на ровной поляне, у подножия горы и сложены из крупных известняковых глыб. Курганы лежат друг от друга на расстоянии двенадцати метров. Через 8—10 м от обоих курганов расходятся две полуовальные линии, состоящие из нескольких рядов вертикальных известняковых камней. Длина линий около 90 м. Концы линий заканчиваются небольшими каменными площадками наподобие курганов диаметром около 2 м. В археологической литературе эти памятники условно называются курганами «с усами». В целом, курганы занимают большую территорию и в плане напоминают подковообразное сооружение. В 1965 и 1971 гг. наша экспедиция раскопала оба кургана, но особенного успеха не имела. Под камнями первого из них, кроме обломка бедренной кости человека, мы ничего не нашли. Во втором кургане обнаружены глиняный сосуд, железный наконечник копья, мелкие древесные угольки и несколько жженных костей. Два подобных памятника в том же 1971 году были открыты близ деревни Баишево Баймакского района. Оказывается, что раньше на Южном Урале их было достаточно много. Так, например, аналогичные курганы в 30-х годах на берегу среднего течения реки Урала обследовал Б. Н. Граков, но основной территорией распространения таких курганов являются казахстанские степи, где курганов насчитывается более сотни. Казахские археологи при раскопках таких курганов находят следы человеческих захоронений, а под небольшими каменными площадками — кости лошади и остатки сбруи. Судя по находкам, указанные курганы представляют собой сложные погребальные сооружения, с которыми были связаны не менее сложные религиозные обычаи. В связи с тем, что Нижне-Давлетовские курганы являются самой близкой копией казахстанских памятников, мы имеем полное основание полагать, что они сооружены людьми, являющимися выходцами оттуда. Вероятно, между Нижне-Давлетовским и другими вышеописанными курганами существовали тесные связи.

санными каменными курганами Южного Урала имеется тесная этно-культурная связь, что означает принадлежность их к одной группе родственных племен. Если в таком плане судить о происхождении всех каменных курганов Южного Урала, то мы должны сделать вывод о том, что переселившиеся сюда из восточных степей племена были довольно многочисленные. Возникает естественный вопрос об этнической и языковой принадлежности этих племен. На него пока нет удовлетворительного ответа. Уместно сослаться на мнение крупнейшего советского археолога и этнографа С. И. Руденко, внесшего важный вклад в развитие башкирской этнографической науки. В своем фундаментальном исследовании «Башкиры» (1955 г.) он пришел к выводу, что в южно-уральских степях в рассматриваемое время обитали тюркоязычные племена, что, с точки зрения автора настоящей книги, вполне возможно. Развивая мысль С. И. Руденко, можно связать этих древних тюрков с населением, соорудившим каменные курганы на Южном Урале. Данное предположение пока слабо аргументировано и нуждается в подтверждении на широком фактическом материале будущих исследований.

В северо-восточных районах Башкирии выделяется вторая группа памятников, относящихся к сарматской эпохе.

В 1964 г. наша археологическая экспедиция произвела раскопки памятника близ села Турналы (Салаватский район). Исследования показали, что месторасположение памятника не случайно и у местного башкирского населения называется Калатау (городищенская гора). Здесь примерно в V—IV вв. до н. э. было основано городище на левом берегу реки Ай. Располагалось оно на узком, высоком мысу, с трех сторон окруженном крутыми обрывами, а с четвертой, с напольной стороны, защищенном высоким земляным валом и глубоким рвом. По валу и краям площадки мыса был еще возведен и высокий деревянный забор, для своего времени и городище являлось сильно укрепленной крепостью. На площади городища сохранились древние ямы — следы землянок. Раскопанные землянки были четырехугольной формы площадью в шестнадцать — двадцать квадратных метров. Они обогревались установленными на земляном полу печками типа сувала. Одна из таких печей была сложена из каменных плит, а под большим камнем, который лежал на полу печи в небольшой ямке, были обнаружены более тридцати астрагалов овцы.

Эти кости, вероятно, были сложены под очаг с какой-то ритуальной целью. Возможно, у обитателей этих жилищ-землянок существовало поверье, что астрагалы принесут дому изобилие, а в казане никогда не переведется мясо. Землянки оказались своеобразными. Посередине в полу были вырыты ямки шириной шестьдесят — восемьдесят сантиметров и глубиной более метра. Ямы ко дну расширялись в форме трапеции. Они были заполнены костями животных, черепками горшков, головками глиняных веретен (пряслица) и золой. Для чего были выкопаны эти ямы — сказать трудно. Вполне вероятно, они предназначались для хранения пищи или для совершения ритуальных молений (принесения жертв, загадывания пожеланий и т. д.).

В числе находок на городище было очень много костей животных, обломков глиняных сосудов, шлака, оставшегося от плавки железа, круглых зеркал, отлитых из бронзы, наконечников стрел. Судя по костям животных, жители большей частью разводили мелкий скот — коз, овец, но имелись у них и коровы, лошади. Население городища изготовляло горшки, которые до недавнего времени археологи определяли как сарматские. Судя по письменным источникам и археологическим материалам, сарматы вели кочевой образ жизни и обитали в основном в степных районах. Следы постоянных поселений пока не встречены. Жители Турналинского городища своим происхождением тесно связаны со степным миром. В этом плане большой интерес представляют Кадыровские курганы, расположенные недалеко от городища на противоположном берегу реки Ай. Глиняные горшки, обнаруженные в этих курганах, по форме и орнаменту очень близко напоминают посуду с городища. Этот факт говорит о том, что как городище, так и курганы оставлены одним и тем же населением. Золотая серьга, найденная в одном из курганов, дает возможность установить примерный возраст курганов — III—II вв. до н. э.

В бассейне реки Ай известна целая группа памятников, аналогичных Турналинскому городищу. Они, в частности, обнаружены недалеко от деревни Ново-Мишарово (Мечетлинский район), Старо-Халилово (Дуванский район) и в других местах. С указанными поселениями, вероятно, связан также Мишаровский курган, при раскопках которого в 1964 году был найден бронзовый трехгранный наконечник стрелы III—II вв. до н. э.

Курганные могильники свойственны степным кочевым

племенам и нехарактерны для оседлых жителей горно-лесных районов. Связь городищ с курганами — еще одно важное доказательство того, что на этих памятниках обитал народ, который пришел из южных или юго-восточных степных районов. Этнически их можно связать с населением зауральских степей, где Геродот размещал «одноглазых» исседонов. Скотоводческий характер хозяйства обитателей айских городищ вполне согласуется с описанием быта исседонов у Геродота. Таким образом, предполагается, что исседонами были заселены горно-лесные районы и Южного Приуралья.

АНАНЬИНЦЫ

Если основным занятием населения южно-уральских степей в эпоху раннего железа являлось кочевое скотоводство, то образ жизни северных племен, обитавших в лесостепных и лесных районах, был совершенно иным. Геродот в своих записях упоминал, что в семи-восьми днях пути от волго-донских савроматов жили племена фиссагетов, которые занимались охотой и вели оживленную торговлю со скифами, привозя им множество драгоценных мехов. По единодушному мнению ученых, в данном случае речь идет о племенах, обитавших в районе реки Камы.

Несмотря на то, что название этих племен известно по письменным источникам, в науке их принято называть ананьинцами. Происхождение этого слова связано с названием могильника близ деревни Ананьино в Татарской АССР.

Происхождение племен бассейна реки Белой тесно связано с ананьинской культурой. Памятники ананьинских племен на территории Башкирии до недавнего времени почти не изучались, и их история освещалась в свете материалов прикамских ананьинских памятников. И сейчас, когда изучение памятников бельских ананьинских племен несколько продвинулось вперед, полное освещение их истории невозможно без учета совокупности сведений обо всех ананьинцах.

Ананьинские племена занимали все побережье Камы с малыми и большими ее притоками, в том числе до среднего течения реки Белой. На этой территории сейчас известно более ста селищ и городищ, а также других памятников. Эти памятники, несмотря на разделяющие их сотни километров, схожи между собой по характеру находок, что сви-

детельствует об этническом родстве племен, которым они принадлежали.

При исследовании городищ и селищ ананьинцев в большом количестве встречаются кости животных, судя по которым ананьинцы в своем занятии скотоводством отдавали предпочтение разведению коров и лошадей. Скотоводство прежде всего носило мясное направление — что подтверждается огромным количеством найденных костей, принадлежащих особям молодого возраста. Однако лошади для ананьинцев являлись и транспортным средством. Об этом свидетельствуют железные удила, найденные в могилах.

Вторым основным занятием ананьинцев было земледелие. Встречающиеся в могильниках бронзовые втульчатые топоры (кельты) без всякого сомнения применялись для расчистки земель под возделывание полей.

Археологические материалы вносят значительные дополнения к сведениям древнегреческих историков об ананьинских племенах. В их жизни охота, о которой писал Геродот, в том числе и рыболовство, играла лишь второстепенную роль. Необходимо подчеркнуть, что в ананьинских памятниках встречаются железные рыболовные крючки, а также костяные гарпуны.

Ананьинские племена торговали, безусловно, не только пушниной. У южных племен еще с более ранних веков был велик спрос на металлические изделия Урала и Прикамья, и, возможно, они составляли основное содержание торговых связей ананьинцев со своими соседями. Скульптурная фигура Амона — бога древних египтян, найденная в районе города Перми, попала на Урал, вероятно, в результате торгового обмена. Тесные связи ананьинцев с племенами савроматов и скифов подтверждаются также сходством изделий из железа и меди, особенно предметов вооружения. Ананьинцы, например, изготавливали те же формы наконечников стрел, кинжалов, какие были у степняков-кочевников.

Несмотря на то, что железо прочно вошло в быт, процесс его обработки в период существования ананьинских племен (VIII—III вв. д. н. э.) оставался на низком уровне. Железные предметы ценились очень высоко, и люди старались их не выбрасывать. Железные предметы подвергаются окислению и плохо сохраняются в земле, поэтому при раскопках поселений и городищ часто встречаются лишь куски шлака — остатки производственных отходов.

Своеобразие культуры ананьинских племен особенно отчетливо видно на форме и орнаменте глиняной посуды, которая изготовлялась вручную. Самой распространенной формой посуды были низкие широкогорлые сосуды с округлым дном. Верхняя часть сосудов украшалась отпечатками тонкой витой нити или горизонтальными рядами круглых ямок. Очень часто эти два узора орнамента сочетались. Другой особенностью ананьинских сосудов является утолщение горла («воротничок»). Наряду с этим, на поселениях часто встречаются небольшие открытые чаши, лишенные всякого орнамента.

Ананьинцы, в отличие от савроматов, своих покойников хоронили по другим обычаям. Они, например, поверх могил, как правило, не насыпали земляные курганы, и сейчас от этих могил не сохранилось никаких признаков. Поэтому кладбища ананьинских племен обнаруживаются редко и случайно, при обвале берегов или каких-то земляных работах. На одной из могил Ананьинского могильника, давшего название всей культуре, лежал большой плоский камень. На одной поверхности этой каменной плиты выдолблено изображение мужчины-воина в полный рост с головным убором, напоминающим шлем. Вокруг шеи воина было какое-то украшение в виде гривны, а на поясе висел кинжал типа скифского акинака. К числу оригинальных надгробных памятников можно отнести также девять больших плит, обнаруженных около города Куйбышева в Татарии. На сглаженной лицевой стороне камней высечены изображения кинжалов и боевого топора-клевца. Эти камни, видимо, ставились над могилами родовых или племенных вождей-старейшин.

Ананьинские памятники в Башкирии впервые были обнаружены в 1910 году, когда археолог В. В. Гольмстен нашла и раскопала городище, расположенное на территории нынешнего Уфимского дома отдыха. Городище широко известно уфимцам под названием Чертово. Оно расположено на высоком горном выступе, окруженном крутыми обрывами, и с напольной стороны укреплено глубоким рвом и высоким земляным валом. Остатки этих укреплений хорошо сохранились до наших дней и поражают своими размерами: высота земляного вала от дна рва составляет более трех метров. Вал насыпан землей, вынутой при копке рва. Для входа в городище оставлен узкий проход наподобие ворот.

В результате проведенных раскопок были обнаружены следы некогда процветавшей здесь жизни — многочисленные обломки горшков, кости животных, железные и костяные наконечники стрел, железные ножи и другие предметы быта. Культурный слой городища оказался разновременным, однако возникновение городища относится к ананьинскому времени. В. В. Гольмстен за чертой городища обнаружила кладбище его основателей и провела там значительные раскопки. В богатых могилах покойники похоронены ногами к реке. Эта черта свойственна всем ананьинским племенам и подтверждается многими археологическими и этнографическими примерами. По представлениям некоторых древних племен, умерший человек по пути в «погусторонний мир» вначале должен был перейти через реку. Кстати, в древней мифологии река служила границей, разделяющей мертвых от живых, и большей частью кладбища располагались на противоположных берегах рек, напротив древних сел и городищ. Ананьинцы, как и другие древние племена, считали «тот свет» далеко не мирным, потому снабжали своих умерших соплеменников острыми железными копьями, стрелами и колчанами. В женских могилах находились бронзовые височные подвески (серьги); накладки различных форм. Все они были изготовлены в IV—III вв. до н. э.

В 1928 году Академия наук СССР организовала специальную экспедицию для исследования археологических памятников Башкирии. Эта экспедиция под руководством видного уральского археолога А. В. Шмидта исследовала городище, известное под названием Караабыз (городок), в шести километрах от города Благовещенска и наткнулась на богатые находки. Среди обычных при раскопках обломков глиняных горшков и костей животных был бронзовый воинский топорик-клевец. Один его конец был заострен, а в средней части находилось украшение в виде клюва хищной птицы.

На основании материалов экспедиции А. В. Шмидт обратил внимание на своеобразие культуры ананьинских племен, обитавших на территории Башкирии. Так, например, оказалось, что среди материалов Караабызского городища много было глиняных сосудов, украшенных круглыми ямками по горлу, но зато полностью отсутствовали сосуды с веревочным орнаментом, характерным для всей ананьинской культуры.

После работ А. В. Шмидта научные археологические исследования в Башкирии до середины 50-х годов приостановились, и в изучении ананьинских памятников наступил большой перерыв. В то же время эти годы на территории всего Прикамья знаменуются работами ежегодных крупных археологических экспедиций, открывших и обследовавших десятки новых памятников ананьинской культуры. В этих условиях мнение о принадлежности ранее известных Чертова и Карабызского городищ и Уфимского могильника к числу ананьинских памятников многими археологами оспаривалось. Тот факт, что на этих памятниках не была найдена характерная для всей ананьинской культуры керамика с веревочным орнаментом, давал повод предположить, что в бассейне рек Белой и Уфы в это время обитала другая группа племен, по культуре и происхождению существенно отличавшаяся от ананьинских. Эти сомнения оказались результатом плохой изученности археологических памятников Башкирии. Сейчас ни у одного археолога не вызывает сомнения, что в начале железного века основным населением центральных и северных районов Башкирии являлись оседлые ананьинские племена.

В настоящее время на территории Башкирии известно более двух десятков поселений (городищ и селищ), могильников и местонахождений отдельных предметов ананьинской культуры. Несколько ананьинских памятников в 1953—1956 гг. было обследовано археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР под руководством Г. В. Юсупова вблизи деревень Табынск, Михайловка и Курмантау в Гафурийском районе. По внешнему виду и характеру материала каждый из этих памятников имеет свои отличительные особенности. Так, например, Воскресенское городище расположено на склонах остро выступающего холма. В более пологой части городище имело два рва и земляных вала, расположенных дугообразно. Для устройства земляных и других жилых построек обитатели городища, очевидно, использовали небольшие пологие площадки на склонах холма. Раскопками установлено, что обильные культурные остатки встречаются как раз на этих участках. Среди находок, как и при раскопках любых городищ и селищ, численно преобладают обломки керамики и кости животных. Там же найдены специальные приспособления для обработки кожи, изготовленные из подвздошной кости коровы и лошадиных челюстей, и подвеска с изображением

головы льва. Последняя, отлитая из серебра, была завезена сюда в VI—V вв. до н. э. из южных районов. Такие подвески часто встречаются в скифо-савроматских памятниках и относятся к числу предметов вышеупомянутого искусства «звериного» стиля.

Своеобразный памятник представляет селище, расположенное на вершине высокой горы Курмантау недалеко от одноименной деревни. Селище занимает сравнительно большую территорию, на поверхности которой во множестве встречаются кости животных и обломки керамики. В 30 годах при вспашке на селище местными жителями был обнаружен ряд металлических и костяных предметов, в том числе большой двулезвийный меч сарматского типа. Раскопки 1954 года показали, что большую часть памятника занимают прослойки золы, которые залегают непосредственно под тонким дерновым покровом. Толщина зольных слоев разная и колеблется в пределах от 25 см до метра и более. Эти зольники насыщены находками, в них найдены бронзовые трехлопастные наконечники стрел, костяной гарпун и т. д.

Происхождение этих зольников на селище пока не выяснено, но они встречаются в ряде других подобных памятников Башкирии ананьинского времени. Такие же зольники, местами более мощные, особенно широко были распространены на поселениях скифов и других племен эпохи раннего железа, а также бронзы (например андроновских племен). Многие археологи возникновения зольников на поселениях склонны объяснять как результат совершения каких-то культово-религиозных обрядов, во время которых зажигались большие костры. В этой связи заслуживает внимания возможная интерпретация Курмантаевского селища как место проведения подобных религиозных празднеств, в ходе которых совершались обильные жертвоприношения. Название самого памятника происходит от слов Корбан-тау, то есть «Жертвенная гора». Поскольку значительная часть находок отсюда относится к ананьинскому времени, то возникает вопрос о характере памятника. Повидимому, не случайно также, что у подножия этой горы и вблизи ее сосредоточены были еще несколько городищ ананьинской культуры, на которых обитали родственные по происхождению племена и роды. Археологический материал очень скупо освещает общественную жизнь древнего

населения, и поэтому в данном случае приходится говорить в предположительном плане.

Ананьинскими же племенами было основано городище, расположенное на окраине города Бирска, на высокой узкой стрелке, которая с напольной стороны была защищена пятью высокими валами и глубокими рвами. Жизнь на этом городище непрерывно продолжалась и в последующие века, особенно она была интенсивной в середине 1 тысячелетия нашей эры, когда здесь обитали бахмутинские племена — далекие потомки ананьинцев. Значительное количество ананьинских городищ и селищ расположено по побережью реки Белой в районе ее устья; они имеются также и на берегах реки Уфы.

На территории Башкирии за последние 10—12 лет был открыт ряд очень интересных могильников ананьинских племен. Таким, например, является могильник, обследованный в 1950 году Р. Б. Ахмеровым в районе Правой Белой, на улице Большая Тракторная города Уфы. Здесь в обрыве берега учащимися случайно были обнаружены кости человека и древние вещи, часть которых они передали в краеведческий музей. При доисследовании были выявлены остатки двух могил, где были похоронены люди, принадлежащие к ярко выраженной монголоидной расе. В могилах найдены бронзовые кельты, костяные и бронзовые наконечники стрел и другие вещи, датирующиеся примерно IV—V вв. до нашей эры.

К этому же времени относится ананьинский могильник, расположенный в 1 км от деревни Ташъялга Янаульского района, на правом берегу реки Буй. Памятник был открыт в 1966 году случайно, когда колхозный бульдозер при ремонте дороги разравнивал берег реки и выворотил человеческие кости. При изучении этого памятника в 1967 году нашей экспедицией было обследовано более 10 могил, в которых найдены три бронзовых втульчатых топора, два наконечника стрелы, наконечник копья, подвеска, глиняный сосуд, обломки железного ножа, кости лошадиного черепа и другие предметы. Примерно аналогичные находки были обнаружены здесь при раскопках, проведенных в 1968 году археологической экспедицией под руководством А. Х. Пшеничникова. К ананьинским племенам принадлежат также ранние захоронения Биктимеровского, Охлебининского и Шиповского могильников, которые по величине, богатству материала и степени сохранности относятся к числу уникаль-

ных археологических памятников Башкирии эпохи раннего железа. С материалами указанных памятников в археологической литературе связан вопрос о карабызских племенах — прямых потомках ананьинских племен на территории центральной Башкирии (среднее течение реки Белой).

Ананьинские племена занимали весь бассейн Камы и ее притоков. Но во взглядах ученых на возникновение этой культуры, распространенной на такой огромной территории, единства нет. В 40—50-х годах многие археологи выступили сторонниками теории, согласно которой сложению ананьинской культуры способствовали пришедшие в конце бронзового века в Западное Приуралье и в Прикамье новые группы племен из Сибири. Большое влияние на возникновение этой теории оказали материалы Луговских курганов в Татарии, которые учеными относятся к самой ранней поре существования ананьинской культуры. Исследования черепов из этих курганов показали, что в них похоронены люди, отличающиеся сильно выраженными монголоидными признаками. Возникновение и распространение этого антропологического типа тесно связано с районами Азии, на что указывает само его название (монголоидное). Так как население Прикамья эпохи бронзы было, в основном, европейским, происхождение монголоидных черепов из Луговских курганов легче всего было связать с племенами, пришедшими из районов Южной Сибири. На этом основании делалось предположение, что основная часть ананьинских племен по антропологическим признакам принадлежала монголоидному типу. Но в последние годы, в результате исследований М. С. Акимовой, выяснилось, что ананьинские племена, в основном, были европейцами, и монголоиды среди них составляли лишь небольшой процент. А это в какой-то мере ослабляет доводы сторонников сибирской теории происхождения ананьинской культуры.

Сложность и недостаточную изученность вопроса о происхождении ананьинской культуры подтвердило традиционное четвертое совещание уральских археологов, проведенное в 1964 году в Перми. На этом совещании, специально посвященном вопросу о происхождении ананьинской культуры, высказывались различные гипотезы. Свердловский археолог В. Ф. Генинг, например, защищал сибирскую теорию. По мнению пермского археолога В. П. Денисова, роль западносибирских племен в складывании ананьинской культуры была также очень значительной, и проникновение

их в Прикамье имело место на рубеже II—I тысячелетий до нашей эры. Эти пришлые племена, он полагает, оказывали нивелирующее воздействие на культуру различных по происхождению племен района Камского бассейна эпохи поздней бронзы, что привело здесь к сложению единой культуры. Казанский ученый А. Х. Халиков, напротив, происхождение **И** ранний период существования ананьинской культуры связывает с племенами Нижнего Прикамья.

Различные мнения археологов по вопросу о происхождении ананьинской культуры обусловлены тем, что население Камского бассейна в эпоху бронзы, особенно в ее заключительной стадии в этнокультурном и антропологическом (а, наверное, и в языковом) отношении было очень смешанным. Для полного выявления истоков формирования ананьинской культуры необходимо одинаково хорошо изучить как собственно ананьинские памятники, так и все культуры племен предшествующего времени на всей территории ее распространения. Для этого требуется немало времени и усилий большого коллектива исследователей.

ПЬЯНОБОРСКИЕ ПЛЕМЕНА

Ананьинскую культуру в III в. до нашей эры сменила новая культура, пьяноборская, названная так в честь села Пьяный бор [ныне Красный бор Татарской АССР], где был найден богатый могильник рубежа нашей эры. Это название, прежде всего, относится к племенам, которые обитали на берегах Средней Камы и нижнего течения Белой и их притоков в период между III в. до н. э. и II в. н. э.

Пьяноборцы явились прямыми потомками ананьинских племен. О родстве этих двух культур свидетельствуют многие общие черты. Во-первых, многие пьяноборские племена жили на поселениях и городищах ананьинцев. Если бы эти два народа не находились в родственных отношениях, то такой преемственности на преобладающей массе поселений не наблюдалось бы. Во-вторых, на ананьинских и пьяноборских поселениях находки обеих исторических эпох находятся в сильно перемешанном состоянии и зачастую их трудно различить. Дело осложняется еще и тем, что в пьяноборскую эпоху на всей территории ананьинской культуры прекращается производство глиняных горшков с характерным веревочным орнаментом. Взамен им пьянобор-

ские племена не придумали новой формы глиняной посуды, а продолжали изготавливать второй тип посуды, также широко распространенный у ананьинцев — невысокие круглодонные горшки с широко открытым горлом с горизонтальным рядом ямок по шейке. Встречаются также сосуды аналогичной формы без орнамента и маленькие открытые чаши, появление которых также относится к ананьинской эпохе. Таким образом, в материалах поселений пьяноборцев наблюдается гораздо большее однообразие, чем это было в предшествующую эпоху. Этот признак многими археологами рассматривается как показатель того, что общение и экономические связи между племенами стали более тесными и привели к большой унификации культуры.

О характере развития общества оседлого населения Приуралья и Прикамья в пьяноборскую эпоху среди археологов существуют разные мнения. Одна группа исследователей считает, что в пьяноборскую эпоху ананьинская этно-культурная общность распалась на ряд мелких культур; пьяноборская на Средней Каме, гляденевская на Верхней, Осинская на Средней Каме, карабызская — в среднем течении Белой. Согласно этому мнению именно новая эпоха характеризуется сложением небольших племенных союзов, которые впоследствии легли в основу сложения ряда таких народностей Прикамья, как удмурты, мари и коми. Появление племенных союзов способствовало усилению ранее существовавших различий в культуре у племен отдельных районов.

Сторонники другого мнения считают, что различия между указанными группами памятников были незначительными и поэтому рекомендуют называть их локальными вариантами одной обширной пьяноборской культуры. Исходя из такого понимания, мы знакомим читателя с памятниками двух локальных групп: пьяноборской и карабызской, имеющих непосредственное отношение к древней истории Башкирии.

Могильники Средней Камы типа пьяноборского сравнительно долгое время являлись единственно известными науке, материалы которых привлекались для освещения истории и культуры пьяноборских племен на всей территории их расселения. И сейчас, когда изучение пьяноборских памятников на других территориях значительно продвинулось, район Средней Камы все еще остается наиболее полно исследованным. Этот район отличается сосредоточением большого числа могильников и поселений пьяноборской

культуры. Следовательно, Средняя Кама с прилегающими сюда районами Башкирии являлась одним из основных племенных центров пьяноборского населения.

Изучение пьяноборских памятников Средней Камы началось в конце XIX в., когда были открыты Пьяноборский, Наргындинский и другие могильники. Первая полная систематизация и публикация находок из пьяноборских памятников принадлежит крупному русскому археологу А. А. Спицыну, много лет работавшему над изучением древностей Урала и Прикамья. Кстати, в начале 20-х годов XX столетия он совершил путешествие в Башкирию, обследовав при этом ряд городищ в Бирском и Дюртюлинском районах. В советское время наибольший вклад в изучение истории пьяноборских племен Средней Камы внесли А. П. Смирнов и В. Ф. Генинг, написавшие монографические исследования на эту тему.

Пьяноборская эпоха представляет более высокий этап в историческом развитии оседлого населения всего Прикамья. Прогресс был обусловлен, прежде всего, более широким внедрением в быт железных орудий труда, которые окончательно вытеснили медные и бронзовые. Это не привело к упадку металлургии меди, а наоборот, к дальнейшему ее совершенствованию, появились новые технические приемы, например, комбинированное литье, напайка и т. д. Но назначение сырья на медной основе изменилось — оно используется теперь для изготовления различных украшений, предметов культа и т. д.

Хотя хозяйство пьяноборских племен было уже многоотраслевым, комплексным, но ведущим по-прежнему осталось скотоводство. Это подтверждается не только костями домашних животных, найденными на поселениях, но и материалами могильников. При исследовании ряда пьяноборских могильников Башкирии в районе устья Белой во многих мужских могилах обнаружены удила — яркое доказательство того, что погребенные, прежде всего, были наездниками, остатки ритуальных тризн или поминальных пожертвований в честь умерших — кости ног (голени) и черепа лошади. Этот признак погребального обряда особенно характерен для кочевников-скотоводов, он имел широкое распространение в первом тысячелетии нашей эры.

Земледелие у пьяноборцев оставалось по-прежнему мотыжным. Судя по находкам злаковых зерен, найденным на Осинском городище на средней Каме, пьяноборцы сеяли,

главным образом, полбу, а затем ячмень. Зерно размалывалось в муку на небольших плитах — зернотерках, остатки которых встречаются во многих поселениях.

Подсобную роль в хозяйстве играли охота и рыболовство. Основным направлением охоты было добывание ценного меха, который шел на обмен с более южными племенами. Об этом свидетельствуют обнаруженные в могильнике Чеганда-II три скульптурные фигуры львов, фигурки жука-скарабея, изготовленные в Египте. Львы изображены лежащими на передних лапах на постаменте.

Пьяноборское население продолжало жить небольшими коллективами — родами, а несколько родственных объединений составляло племя. В пьяноборское время на Средней Каме и в низовьях Белой значительно увеличивается число могильников, поселений (селищ и городищ), что говорит об увеличении численности населения этого района.

Среди укрепленных городищ-крепостей пьяноборцев встречаются малые и большие. Городища малых размеров по площади не превышают 3000—4000 м² и укреплены одним или двумя рядами валов и рвов. На них культурный слой тонкий, и находок очень мало. Археологи полагают, что на таких городищах жил небольшой коллектив людей, очевидно, один род. Большей частью городища служили укрытием в минуты опасности, а основная жизнь обитателей проходила на селищах, внизу, на открытом месте, у воды. Подобные городища, например, имеются у города Дюртюли и в других местах нижнего течения реки Белой.

Большие городища пьяноборских племен поражают грандиозными оборонительными линиями — валами. Одно из таких городищ находится в Бирском районе Башкирии, недалеко от деревни Сарвихи, на Городищенской горе. Городище занимает широкий мыс площадью в несколько десятков тысяч квадратных метров, крутые склоны мыса на всем протяжении специально выкопаны, чтобы быть неприступными для врага. С напольной стороны городище укреплено валом высотой около 10 м, при ширине в основании около 20 м. Длина такого вала около 250 м, в середине вала имеется небольшой проем, служивший, вероятно, воротами. Такие сильно укрепленные большие городища служили племенными центрами, и на них обитало, вероятно, целое племя.

На пьяноборском городище Чеганда-I были открыты остатки 9 жилищ, которые дают нам материалы о внутрен-

ней структуре пьяноборского общества. Это небольшое городище было застроено двумя рядами домов. Исследователь городища В. Ф. Генинг дома реконструирует как бревенчатые, слабо углубленные в землю. Площадь домов составляла 40—60 м². Дома отапливались очагами, устроенными прямо на земляном полу или на невысоких деревянных или глиняных подставках. Судя по размерам, в каждом доме мог обитать коллектив в 15—20 человек. Этнографические примеры из жизни народов Азии, Африки и других материков позволяют нам предположить, что такая большая патриархальная семья включала наряду с семьей родителей еще и семьи старших сыновей. Археологи считают, что пьяноборские племена находились на стадии расцвета патриархально-родовых отношений.

За последние 10 лет на территории северо-западных районов Башкирии открыто и исследовано более 10 пьяноборских могильников и большое количество поселений. Материал этих памятников почти полностью копирует среднекамские и позволяет характеризовать культуру пьяноборцев.

Одним из хорошо изученных памятников пьяноборской культуры на территории Башкирии является могильник в селе Камышлы-Тамак в Бакалинском районе. Он был открыт при закладке фундамента для клуба в 1958 году. Рабочие наткнулись на три десятка могил и нашли много древних предметов — пряжки от ремней, стеклянные бусы, бронзовые подвески. Жители села не остались равнодушными к находкам и, собрав их, отправили в Уфимский краеведческий музей. По их сигналу в село приехала объединенная археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы БФАН СССР и Московского университета под руководством М. С. Акимовой. Экспедиция произвела вокруг клуба небольшие раскопки и обнаружила сто одно погребение. Древнее кладбище занимает обширную площадь, и раскопанная часть составляет лишь небольшой ее процент. В Камышлы-Тамакском могильнике умершие похоронены по обычаям, типичным для всего пьяноборского населения Прикамья и Башкирии. Могилы неглубокие, в среднем 50—60 см, простой конструкции, расположены вплотную друг к другу. Все умершие похоронены вытянуто, на спине, но в их ориентировке по сторонам света постоянства нет: головами они лежат то на северо-запад, то на северо-восток или юго-восток. Много встречено парных погребе-

ний, где погребенные, как правило, лежат головами в противоположные стороны. Важной чертой погребального обряда пьяноборских племен является отсутствие в таких могильниках детских могил. Если исходить из того, что в древности детская смертность была очень высокой, то отсутствие их могил на общих кладбищах нельзя объяснить иначе как существованием у пьяноборцев других форм погребения детей. Многие этнографические примеры дают этому явлению вполне реальное объяснение. У многих древних народов существовала вера в непогрешимость души ребенка, которая при особых условиях, как будто, может вновь зачатся в утробе матери. Поэтому детей они хоронили по-другому. Так, например, некоторые народности Алтая еще до XVII—XVIII вв. умерших младенцев подвешивали на деревьях.

В мужских могилах найдено много предметов вооружения: наконечники стрел из бронзы, железа, кости, кинжалы, ножи, удила, оселки, наконечники копий, костяные подвески ритуального назначения и т. д. В нескольких погребениях обнаружены обоюдоострые или однолезвийные мечи. В одной из могил найден любопытный предмет из кости, по своей форме напоминающий проушный топор. Вполне возможно, что он является копией железного пьяноборского топора. Если это предположение правильное, то этот предмет из кости можно рассматривать как самую древнюю копию проушного топора на Урале. До этой поры все уральские племена пользовались лишь втульчатыми топорами.

Особенно щедрыми на находки оказались женские погребения, что позволяет археологам в основных чертах восстановить одежду женщин. Одной из отличительных особенностей материальной культуры пьяноборцев являлись бронзовые височные подвески, которые носились сразу по несколько штук в подвешенном к головному убору виде. Подвески имеют форму вопросительного знака и делятся на три типа: литые, гладкие, спиралевидные или в виде конических гофрированных пластинчатых трубочек с крючком на конце. Возможно, это были серьги. Головной убор женщин украшали также различные накладки, среди которых следует выделить ажурные, геометрических форм, полушарные с двумя отверстиями для пришивания, круглые с ушками на обороте. Такие же металлические накладки подвешивались и на груди. Вокруг шеи надевались бо-

гатые ожерелья из различных стеклянных бусин, привезенных из южных районов (Кавказ, Причерноморье, Средняя Азия). Эти бусы были очень дорогими и, видимо, принадлежали только женам знатных людей. В нескольких могилах были обнаружены остатки широких поясных ремней, украшенных бронзовыми накладками четырехугольной и восьмеркообразной форм. Накладки прикреплялись к широкому ремню при помощи ушек на обратной стороне, через которые продевался тонкий ремешок. Пояса застегивались на круглые, четырехугольные, рамчатые и других форм пряжки с различными крючками. Пояса с металлическими накладками трудно продевать через узкое отверстие на пряжке, поэтому для застегивания с внутренней стороны пришивался сложенный пополам другой тонкий ремешок, петлеобразный конец которого зацеплялся за крючок. Конец пояса с накладками спускался на бедро, как подвеска. На конце одного из таких поясов было подвешено бронзовое зеркало, а у другого пояса — большая ажурная бляха.

Пьяноборские племена являются творцами оригинальных поясных застежек, называемых условно эполетообразными. Основу этих застежек-пряжек составляет тумбоновидный диск с круглыми выпуклинами по краю. При помощи металлических стержней к основе припаивался длинный крючок, который чаще всего напоминал клюв хищной птицы. На одном таком поясе были подвешены просверленные зубы какого-то животного.

Ноги пьяноборских женщин обычно украшались браслетами, составленными из тонких бронзовых пронизок. Пронизки в несколько рядов нанизывались на тонкие ремешки, которые сзади, у пяточных костей привязывались к ушкам больших круглых блях. Основное время захоронений Камышлы-Тамакского могильника падает на 1 в. до н. э. — 1 в. н. э.

Для пьяноборских племен характерны также большие круглые дискообразные зеркала-бляхи, хотя они в Камышлы-Тамакском могильнике не встречены. Таких находок особенно много в камских могильниках. Одна поверхность зеркала часто бывает позолоченной, а на другой имеется орнамент из концентрических кругов, имеющий какое-то магическое значение. Бляхи носились на груди или поясе, иногда по три вместе.

Еще один пьяноборский могильник находится возле деревни Чиатау Балтачевского района Башкирии, он был ис-

следован нашей экспедицией в 1957 году, могильник был случайно открыт местными жителями.

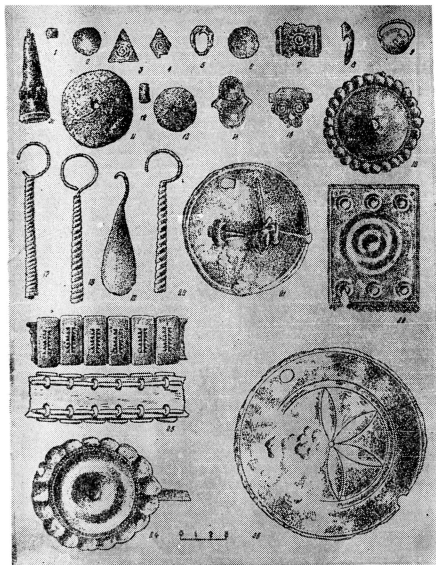
За околицей деревни выкопали яму, брали там песок и в течение многих лет находили древние вещи и человеческие кости. К сожалению, никто не думал, что находки могут быть важными для археологической науки. После распросов местного населения экспедиция произвела раскопки возле ямы и открыла восемнадцать могил.

По устройству Чиатавский могильник очень схож с Камышлы-Тамакским. Могилы неглубокие, 30—50 см, покойники похоронены головами в различные стороны света. В одной могиле головами в противоположные стороны лежали четыре человека. Другая могила, где обнаружен костяк взрослого мужчины, напоминала каменный ящик, сооруженный из больших плоских камней, прикрытый сверху двумя плитами. Находки из могил в основных чертах повторяют Камышлы-Тамакские и относятся примерно к 1 в. до н. э. Аналогичные памятники за последние 5—6 лет исследовались возле деревни Кушулево Дюртюлинского, Куяново Илишевского районов и в нескольких пунктах Бакалинского района Башкирии.

Очень богатый и большой по размерам новый могильник пьяноборских племен открыт в 1969 году нашей экспедицией недалеко от деревни Кушулево. На этом месте ранее нам был известен могильник IX—X вв., и наша экспедиция предприняла раскопки с целью изучения новых погребений этого времени. Однако неожиданно для себя мы обнаружили новый, более древний, могильник, где за три сезона исследовали более 320 могил. Интересно отметить, что местами захоронения позднего памятника разрушались более ранние. По своему устройству этот новый пьяноборский могильник ничем не отличается от ранее известных. Умершие лежат в таких же мелких простых ямах с различной ориентировкой по сторонам, в могилах и между могилами встречены кости лошади. Мужские погребения богаты предметами вооружения, а женские — украшениями. В погребениях много остатков широких поясных ремней, украшенных бронзовыми накладками, шейные, нагрудные, ножные украшения и т. д. Любопытны бронзовые пряжки с изображением головы медведя. Особенно богатым было погребение № 52, где похоронена была женщина. Покойная лежала на дне простой могильной ямы головой на север. В изголовье находились 4 ромбических, 3 — треуголь-

Погребение № 52 Кушулевского могильника. Пьяноборская культура.

Инвентарь погребения № 52 Кушулевского могильника. Пьяноборская культура.

1—4, 6—8, 11—13, 15 — бронзовые украшения головного убора; 5 — бусина; 9, 14 — перстни; 10 — колокольчик; 16, 21, 22 — нагрудные украшения; 17—20 — серьги (височные подвески); 23 — реконструкция деталей поясного ремня; 24 — пряжка; 25 — зеркало.

ных и 1 ажурная бронзовые подвески. У височных костей найдено более 10 бронзовых спиральных и пластинчатых подвесок и одна круглая бляшка. На груди, с обеих сторон находилось по одной большой бронзовой бляхе, украшенной выпуклыми концентрическими кругами. Между бляхами лежало несколько прямоугольных накладок. На груди было рассыпано около 50 мелких стеклянных бусин. На поясе находилось одно большое дискообразное зеркало. Вокруг пояса — остатки широкого ремня, застегивавшегося на большую эполетообразную застежку. Ремень сплошь украшен накладками, а свободный его конец спускался на бедра. Вокруг щиколоток лежало по одной большой бронзовой бляхе с ушками на обороте — остатки ножного украшения.

Заслуживает внимания Юлдашевский могильник, исследованный в 1970 году экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР под руководством А. Х. Пшеничникова. Могильник занимает большую территорию, значительная часть которой в настоящее время занята жилыми и хозяйственными постройками деревни Юлдашево Илишевского района. Как и все пьяноборские могильники Башкирии, он оказался богатым находками.

КАРААБЫЗЦЫ

Это название в археологической литературе прочно утвердилось за населением среднего течения реки Белой рубежа нашей эры. Изучением памятников караабызских племен занимались многие башкирские археологи. Значительные исследования в этой области провел Г. В. Юсупов, один из организаторов группы археологии в составе ИИЯЛ БФАН СССР. В 1954—1956 гг. Г. В. Юсупов в Гафурийском районе провел плодотворные полевые исследования, открыл ряд новых памятников, собрав богатый материал по истории караабызских племен. Это было продолжением прерванных исследований А. В. Шмидта по этой теме. В Башкирии Г. В. Юсупов продолжил свои эпиграфические исследования. Им открыты и опубликованы несколько надписей с надгробных камней XVII в. в Аскинском (около деревни Кигаза) и Кушнаренковском (деревня Мавлютово) и других районах, которые представляют большой интерес в плане изучения этнической истории башкир этого времени.

После работ Г. В. Юсупова интерес к караабызской

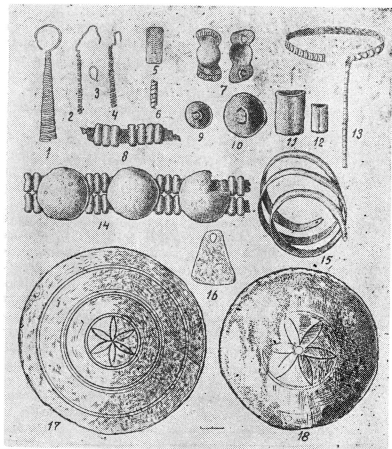
проблеме значительно возрос. Целеустремленные полевые поиски привели к открытию еще целого ряда очень интересных памятников, на которых проводились большие раскопки. Эта работа преимущественно проводилась А. Х. Пшеничнюком, который обобщил все накопленные материалы по истории караабызских племен. Последних он считает прямыми потомками местных ананьинских племен и полагает, что уже в IV в. до нашей эры караабызцы в этническом и культурном отношении достаточно обособились от пьяноборцев района Средней Камы и устья Белой. На этом основании он памятники караабызских племен выделяет в особую археологическую культуру, датируя ее периодом между IV в. до н. э.— II в. н. э.

Однако в правомерности выделения караабызской культуры среди археологов нет единодушия. Возражения вызваны тем, что по основным признакам караабызские памятники ничем не отличаются от пьяноборских Среднего Прикамья. Близость между ними проявляется во всем. Во-первых, все караабызские поселения (городища и селища) содержат керамический материал, который схож с пьяноборским. Это сходство проявляется в формах, размерах сосудов, технологии их изготовления (примесь толченой раковины) и орнаментации, состоящей из пояска круглых ямок по шейке. По погребальному обряду, форме и устройству могил, положению умерших, составу находок караабызские могильники также очень близко стоят к пьяноборским. Разницы между ними не больше, чем между двумя близко расположенными памятниками одной археологической культуры. Необходимо также учесть, что культура памятников обеих рассматриваемых групп возникла, в целом, на одной общей основе и является дальнейшим развитием культуры ананьинских племен. С другой стороны, самые ранние караабызские памятники относятся к ананьинскому времени (конец V в.—IV в. до н. э.) и, учитывая генетическую основу, они должны быть отнесены к числу ананьинских. Впрочем, это мнение уже не является новым; на материалах раскопок В. В. Гольмстен на Уфимском могильнике оно высказывалось А. В. Збруевой и А. П. Смирновым. С учетом всего сказанного имеется полное основание считать, что караабызские и пьяноборские памятники оставлены родственными племенами и что их надо называть двумя локальными вариантами одной археологической культуры.

У карабызских памятников, по сравнению с прикамскими, есть ряд отличительных особенностей, одна из которых проявляется в том, что в карабызских материалах очень ярко прослеживается влияние культуры сарматских племен. Это влияние является прямым результатом тесного общения карабызцев с сарматами, с которыми они близко соседствовали. Другая особенность карабызских памятников состоит в том, что они по территории очень велики и содержат богатый материал. Такой характер карабызских памятников зависел, прежде всего, от географического расположения (относительная близость к южным культурным центрам) и социально-экономических условий.

Одним из основных памятников карабызских племен является Ново-Уфимский (второй) могильник, который занимал территорию в районе Башкирского университета. Памятник был открыт случайно во время земляных работ, и разрушенные при этом погребения доисследовались в течение 10 последних лет. В этом большая заслуга принадлежит директору Башкирского республиканского краеведческого музея Р. Б. Ахмерову, систематизировавшему первые находки и определившему культурную принадлежность памятника. Самые древние захоронения могильника относятся примерно к IV в. до н. э. и связаны с ананьинскими племенами. К этому времени относятся найденные здесь бронзовый топор-клевец, длинный железный меч, трехгранные бронзовые наконечники стрел. В могиле, где был обнаружен меч, найдена еще и золотая шейная гривна.

Если возникновение могильника относится к поздней поре существования ананьинской культуры, то основное время функционирования памятника падает на рубеж нашей эры. Этим временем датируются найденные в могилах ожерелья стеклянных бусин, наконечники копий, стрел, мечей, кинжалы и всевозможные нагрудные украшения. Среди находок встречаются очень редкие экземпляры, к которым относятся скульптурные фигурки львов египетского происхождения, подобные тем, которые были найдены на Средней Каме. Значит, и у карабызцев торговые интересы были устремлены к районам южных цивилизаций, откуда они получали предметы роскоши. В 1956 году студенты университета — в то время еще пединститута, — в одной из разрушенных могил нашли несколько сережек, бронзовых зеркал, служивших одновременно и нагрудны-

Материал погребения, обнаруженного в районе Башгосуниверситета. Пьяноборская культура.

1-4—серьги; 5-12 — бронзовые накладки ремня; 13, 14 — реконструкция деталей поясного ремня и украшения одежды; 15 — браслет; 16 — бронзовая подвеска; 17, 18 — бронзовые зеркала.

ми украшениями — бляхами, и многочисленные ременные накладки преимущественно круглой и прямоугольной форм и передали свои находки археологам. Серьги были отлиты из чистого золота в форме вопросительного знака и золотой проволоки, завернутой в коническую спираль с крючком на конце. Подобная серьга была найдена и в другой могиле, обследованной также студентами в 1963 году.

В 1959 году при копке траншеи под водопровод для первого университетского общежития рабочие наткнулись

на очень богатую могилу. Вместе с человеческими костями они нашли спиралевидные серьги (височные подвески) в форме вопросительного знака, три больших круглых бронзовых зеркала. По рассказам очевидцев, два зеркала-бляхи находились на груди, а третье — в области пояса покойника, где лежали еще и остатки широкого поясного ремня, украшенного бронзовыми накладками. Часть накладок изготовлена в форме сильно стилизованных фигурок животных, в которых некоторые археологи подразумевают голову лошади, а другие — горного козла. У ног покойника найдены остатки верхней одежды или обуви — бронзовые накладки, нашивавшиеся при помощи ушек на обороте и круглых отверстий на концах. Весь этот инвентарь, как и материал всего могильника, в основном, тождествен материалу могильников пьяноборских племен района устья Белой.

Очень богатые и интересные сведения о караабызских племенах были получены в 1962—1968 гг. при исследовании Биктимировского в Бирском и Охлебининского и Шиповского могильника в Иглинском районах.

Биктимировский могильник находится на правом берегу реки Белой, недалеко от села этого же названия. Памятник был обнаружен при сооружении силосной ямы. Бульдозер выворотил и разрушил десятки могил, но, к сожалению, в селе Биктимирово не нашлось ни одного человека, который сообщил бы об этом археологам, чтобы они вовремя смогли исследовать находки. В результате большая часть памятника оказалась безвозвратно утерянной для науки.

Из археологов могильник впервые посетил А. П. Шокуров в 1950 году. Собранные им сведения послужили поводом для организации сюда особой археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством А. Х. Пшеничнюка, проводившей здесь в 1962—1964 гг. большие раскопочные работы.

По особенностям погребального обряда Биктимировский могильник может быть рассмотрен как типичный памятник ананьинской культуры. Население Биктимировского могильника строго соблюдало обычаи ананьинских племен хоронить умерших в вытянутом положении ногами в сторону реки. В ряде могил под бронзовыми вещами сохранились следы древесной коры, указывающие, что трупы обертывались в луб. Как для ананьинской и пьяноборской культур,

так и для Биктимировского могильника характерно отсутствие в могилах глиняной посуды. Лишь в одном случае на глубине 12 см найдено два глиняных сосудика, которые, судя по условиям нахождения, являются остатками поминальных тризн, совершаемых после похорон в честь умершего. Любопытно, что в одной могиле умерший лежал в слегка скорченном положении на левом боку. Подобные единичные погребения встречены в ряде других караабызских и пьяноборских могильников. Учитывая, что из-за скорченности костяков эти погребения отличаются от остальных, В. Ф. Генингом высказано предположение, что в них похоронены представители других племен, которые были захвачены в плен и находились в положении домашних рабов. Надо, однако, отметить, что указанные погребения очень близко напоминают захоронения срубных племен эпохи бронзы. Вполне вероятно, что между ними есть какая-то генетическая связь, и в караабызских и пьяноборских могильниках мы видим самые поздние пережитки одного из характерных элементов погребального обряда срубных племен.

По составу инвентаря погребения Биктимировского могильника четко подразделяются на женские и мужские. Мужские погребения богаты предметами вооружения, из которых самыми распространенными являются железные и бронзовые трехлопастные наконечники стрел. В погребениях найдены также железные наконечники копий, кинжал, удила, ножи и другие предметы. В одной из могил найден однолезвийный меч или кинжал, согнутый острием вовнутрь наподобие косы. Это редко встречающееся оружие, в Башкирии оно впервые было обнаружено в 1957 году М. Х. Садыковой в Старо-Кишкинском курганном могильнике сарматских племен. В трех мужских погребениях встречены характерные для пьяноборской культуры спиралевидные серьги из золота. Эти находки указывают, что серьги носили не только женщины, но и мужчины.

Особенно пышным был наряд биктимировских женщин. Благодаря тому, что состав женских украшений был многочисленным и относительно устойчивым, в нем довольно отчетливо проявляется все своеобразие культуры караабызских племен. Биктимировские женщины украшали себя золотыми, серебряными и бронзовыми серьгами, а также перстнями, браслетами различных форм. В погребениях женщин во множестве встречаются бусы из стекла и раз-

личных драгоценных камней — лигнита, сердолика и т. д. Все бусы, как известно, на месте не производились, а поступали сюда из южных районов в результате торговли.

Среди находок из женских могил Биктимировского, как и ряда других караабызских могильников, особенно интересными являются нагрудные украшения и широкие поясные ремни. В нескольких богатых могилах были найдены опускающиеся вдоль плеч остатки широких ремней, украшенных вперемешку круглыми гладкими и четырехугольными гофрированными пластинками из серебра и бронзы. На концах этих ремней подвешивались различные металлические подвески — бляхи со стилизованными изображениями животных или гладкие пластинки.

Широкие поясные ремни у биктимировских женщин также сплошь украшались различными металлическими накладками, среди которых наиболее распространенными являются накладки с зооморфными изображениями в виде головы лошади или горного барана. Особый интерес представляют находки больших круглых бронзовых блях, использовавшиеся как украшения поясных ремней. Одна поверхность блях хорошо отполирована и покрыта орнаментом из концентрических кругов и лепесткообразного изображения в центре. Все бляхи по бокам имеют два небольших круглых отверстия, через которые железными шпеньками прикреплялись к поясному ремню или застегам. Бронзовые бляхи первоначально были отлиты как зеркала, и Биктимировский могильник дает пример использования их не по прямому назначению. Так, например, на многих бляхах видны следы намеренного отрубания черешка рукоятки. Эта важная деталь, а также нахождение блях в составе поясного набора наводят на мысль о том, что у караабызского населения не было особой потребности в пользовании указанными предметами по назначению. Такой характер находок заставляет предположить, что центр производства блях-зеркал находится за пределами расселения караабызских племен, и к ним они попадали в результате торгового обмена. Вероятно, они изготовлялись в расчете на сбыт среди кочевых сарматских племен южных степей, где зеркала пользовались большим спросом. Интересно отметить, что при погребении умершие не опоясывались, и поясные ремни клались рядом с трупом или прямо на него. Эта важная деталь погребального обряда караабызских племен продолжала позднее долго существовать у населения Западного

Приуралья первой половины и середины 1 тысячелетия нашей эры. С другой стороны, данный факт вместе с подобными другими говорит о том, что караабызские племена сыграли важную роль в этно-культурных образованиях более позднего периода на данной территории.

Хорошая сохранность и богатый материал погребений позволили А. Х. Пшеничнюку реконструировать примерный костюм биктимировских женщин. Собранные материалы позволили исследователю высказать предположение, что описанные поясные и нагрудные широкие ремни носились поверх одежды типа халата, украшенного на плечах и по подолу многочисленными бронзовыми обоймицами различных форм. На поясных ремнях спереди висели тонкие ремешковые подвески, на которые нанизывались бронзовые пронизки и подвешивались различные предметы, например, небольшой колокольчик. Чтобы при ходьбе колокольчик мог звенеть, к нему привязан бронзовый наконечник стрелы.

Ранние погребения Биктимировского могильника относятся к IV—III вв. до н. э. Этим временем, в частности, датируются погребения, в которых найдены металлические подвески с изображением фигур оленя. Указанные предметы, как и некоторые другие находки с зооморфными изображениями, относятся к числу широко распространенных предметов вышеупомянутого искусства «звериного» стиля скифо-сарматского периода. Биктимировский могильник продолжал функционировать как кладбище и позже III в. до н. э., вплоть до начала нашей эры.

Другим хорошо изученным памятником караабызских племен является Охлебининское городище. Оно расположено на правом высоком крутом берегу реки Белой, при впадении в нее реки Сим и занимает территорию более 20 га. С пологой стороны площадь городища обнесена рвом и двухметровым земляным валом. Городище впервые было исследовано в десятых годах нашего столетия В. В. Гольм-стем, собранный ею небольшой вещевой материал хранится сейчас в Москве, в Государственном Историческом музее.

В 1963 году городище посетили студенты-археологи Башкирского государственного университета. В обнажении берега они обнаружили человеческие костяки, трехгранные бронзовые наконечники стрел, предметы, похожие на серьги, бронзовые бусы, бляхи от поясов. Возраст этих находок определяется II—I веками до н. э. По следам указанных находок, случайно встретившихся студентам, в 1965 году

начала работать специальная археологическая экспедиция, руководимая А. Х. Пшеничнюком. В результате широких раскопок обследовано 115 погребений, собран богатый материал, научное значение которого далеко выходит за рамки истории караабызской группы племен.

Раскопки 1965 года показали, что история древнего населения городища была очень сложной. Основано оно было, по крайней мере, в IV веке до новой эры, непрерывная жизнь продолжалась в нем в течение целого тысячелетия. К начальному периоду городища относятся обнаруженные при раскопках тысячи черепков посуды, кости животных. В то же самое время был и закопан клад из золотых вещей — подвесок, пластинок, бус, — который был найден при раскопках в культурном слое.

После первых веков нашей эры в жизни обитателей городища произошли какие-то важные события, о которых пока у археологов имеются весьма ограниченные сведения. В это время обитатели обновили линии укрепления городища. Так, например, был насыпан новый вал и выкопан ров в юго-западной части городища, где раньше находилось кладбище. С этого времени несколько изменяется материальная культура обитателей. Появляются иные формы керамики и другие предметы (например, железный плоский наконечник стрелы), характерные уже для новой эпохи — середины I тысячелетия нашей эры. Интересно также отметить, что в прибрежной части городища обитателями было вырыто несколько ям хозяйственного назначения, которые частично разрушили захоронения предшествующего времени. Значит, к данному времени насельники городища либо забыли про кладбище предков, либо на нем появились новые люди, для которых необязательно было бережное отношение к этим могилам.

Могильник занимает довольно большую площадь, где за один полевой сезон удалось обследовать лишь 115 погребений. Могилы располагаются очень густо, часто нарушая друг друга. Одной из особенностей устройства могил является обычай обкладывать их стенки, преимущественно у дна, большими известняковыми валунами. Некоторые могилы, принадлежащие, вероятно, знатным людям, оборудовались камнями особенно тщательно. В положении умерших по сторонам света особенного порядка не наблюдается, но все же многие из них (72) лежат ногами к реке. А это яв-

лялось характерной чертой устройства могильников ананьинской культуры.

По особенностям материала погребения Охлебининского могильника подразделяются на две хронологически последовательные группы. К числу ранних относится 10 погребений, которые синхронны с ранними погребениями Биктимировского могильника и датируются IV—III вв. до н. э. и дают, в основном, сходный материал. В них найдены серьги (или височные подвески), различные застёжки, накладки, в том числе с зооморфными изображениями, гривны, перстни, бронзовые трехлопастные наконечники стрел. В одном погребении найден бронзовый шестигранный втульчатый топор. Любопытным является случай, когда в двух позвонках и бедренной кости взрослого человека из погребения № 94 обнаружили застрявшие бронзовые наконечники стрел. Участие в межплеменных войнах очень дорого обошлось этому мужчине (?) и он, очевидно, умер в результате полученных тяжелых ранений. В целом по культуре ранние погребения Охлебининского могильника тесно примыкают к ананьинским памятникам территории Башкирии и других районов Прикамья.

То же самое можно сказать и о поздних погребениях, датируемых в основном рубежом нашей эры. Среди материалов из этих погребений имеется много признаков, которые являются общими для карабызских и пьяноборских племен. К ним можно отнести вышеописанный погребальный обряд, а также спиралевидные и гладкие височные подвески пьяноборского типа, наборы пряжек поясных ремней, часть ременных накладок и т. д. Но Охлебининские погребения отличаются рядом особенностей, которые объясняются пограничным характером расположения самого памятника. Так, например, в отличие от Биктимировского могильника, умершие были погребены с застегнутыми поясами, также украшенными бронзовыми накладками и большими бляхами-зеркалами. Во многих погребениях встречаются кости барана, остатки заупокойной пищи. Пожалуй, самой важной особенностью поздних захоронений Охлебининского могильника является наличие во многих из них небольших глиняных сосудов, в которых ставилась пища умершему. Как уже мы отмечали, глиняная посуда в ананьинских и пьяноборских могильниках встречается как редкое исключение, а в Охлебининском могильнике найдено сразу 50 сосудов. Часть их по форме и размерам относится к числу

типично карабызо-пьяноборских, и нахождение их в могилах можно было объяснить как проявление отмеченного выше исключения. Однако сосуды составляют характерную черту материальной культуры могильника. Вдобавок, многие сосуды (23 экз.) украшены орнаментом, который не встречается на карабызо-пьяноборских памятниках и связан с памятниками несколько другого типа, известными в литературе как убаларские.

Убалар, давший название особой группе керамики, является своеобразным памятником, характер которого еще не совсем разгадан археологами. Расположен он в одном из труднодоступных ущелий Урала, на поляне, носящей название Убалар (курганы). Памятник состоит более чем из 20 курганообразных насыпей, цепочкой расположенных вдоль берега небольшой речки, который в настоящее время полностью застроен рабочим поселком Убалар. При первоначальном осмотре памятника, произведенном в 1956 году, у меня не было сомнения в том, что эти насыпи сделаны над могилами древних людей. Однако данное мнение поколебалось после раскопок М. Х. Садыковой одного из холмиков в 1957 году. Раскопками тогда было установлено, что так называемая насыпь состоит из выбросов золы, обломков керамики, костей животных и других предметов, но не содержит никаких следов человеческих захоронений. Но почему же тогда памятник носит название убалар, а на месте одного из холмиков при строительстве дома, судя по рассказам очевидцев, найден железный наконечник копья и, как будто, следы человеческой могилы? Если это не курганы, то, может быть, насыпи являются остатками какого-то культового сооружения, наподобие молельной, которые до недавнего времени существовали у марийцев на территории Башкирии. У марийцев, сохранивших почти до наших дней свою древнюю языческую религию, существовали священные места, куда каждый год приходили для совершения различных обрядов ради получения благословения всевышнего на предстоящее важное мероприятие. Здесь же ими совершалось жертвоприношение. Подобные культовые места были известны многим древним племенам Среднего и Северного Урала и других территорий, и существование их у части племен Южного Урала в описываемое время для нас не должно казаться необычным. Если убаларский комплекс памятника не является могильным, то второе предположение мне представляется более приемлемым. Чтобы

внести какую-нибудь ясность в данный вопрос, требуются дополнительные раскопки на этом загадочном памятнике.

На правобережье Белой в районе устья реки Зилим в настоящее время известно несколько поселений, которые дают керамический материал, полностью идентичный керамике памятника Убалар. Судя по этому материалу, население, оставившее памятники типа Убалар, существенно отличалось по культуре от карабызских племен, которые во много раз были многочисленнее первых. Но кто же были эти убаларцы? Если попытаться проследить развитие керамики убаларского типа, то нетрудно убедиться в том, что по форме сосудов и особенно орнаменту она является дальнейшим развитием керамики сарматских памятников более ранних его времен на этой территории. В частности, ближайшим прототипом убаларской керамики можно считать сарматские сосуды Шиповского, Курмантаевского, Табынского и ряда других городищ. Выше было уже отмечено, что по материалам этих памятников прослеживается оседание части сарматских племен в условиях горно-лесного Урала. Памятники убаларского типа, вероятно, отражают дальнейшую эволюцию культуры и истории этой сарматской по происхождению группы населения. Длительное сосуществование ее на одной территории с карабызскими племенами должно было способствовать их взаимному этно-культурному сближению. Этот процесс сближения, видимо, археологически отражен в материалах Охлебининского могильника, содержащих много сармато-убаларских элементов.

В непосредственной близости от Охлебининского могильника имеется еще один памятник, культура которого также носит сильно смешанный характер. Это — Шиповский могильник на окраине одноименной деревни в Иглинском районе, исследованный А. Х. Пшеничнюком в 1967—1969 гг. На этом могильнике, также занимающем большую площадь, раскопано более 100 могил. В них люди похоронены по обычаям ананьинских и пьяноборских племен: те же мелкие могильные ямы простой конструкции, и покойники преимущественно лежат ногами в сторону реки. Проведенные исследования позволили установить, что над самыми ранними погребениями, датруемыми IV—III вв. до н. э., имелись небольшие насыпи диаметром от 8 до 12 м при высоте 20—40 см. Курганы содержали по несколько погребений, где умершие также лежат ногами к реке. В погребениях найдены наконечники стрел, височные подвески,

различные бронзовые накладки, в том числе с зооморфными изображениями. Наличие курганных насыпей намного отличает эти погребения от одновременных захоронений Охлебининского и Биктимировского могильников, и сближает с сарматскими курганными могильниками. С другой стороны, эти курганы резко отличаются от всех известных сарматских по устройству, которое у последних было очень сложным. Но несмотря на это, возникновение столь необычных курганных захоронений, вероятно, следует объяснять как результат активного воздействия обитавших в этих местах сарматских племен. Воздействие могло осуществляться по-разному. Так, например, оно могло проявиться в том, что оседлое ананьинское население долгое время находилось в подчиненном положении у сарматов, и они переняли у них некоторые представления о загробной жизни, что отразилось в появлении над их могилами небольших насыпей. А. Х. Пшеничнюком высказано другое предположение, согласно которому эти могилы принадлежат племенам южного происхождения, оседавшим на месте, а затем принявшим участие в формировании культуры карабызских племен. В том и другом случае речь идет о тесных контактах оседлых племен с кочевниками.

Поздние погребения Шиповского могильника почти ничем, в основном, не отличаются от других вышеописанных карабызо-пьяноборских памятников. Они также богаты нагрудными украшениями, частями поясных наборов и оружием, имевшими широкое распространение у населения территории Башкирии в последние века до н. э. Но в Шиповском могильнике выявлено значительно больше могил, которые датируются первыми двумя столетиями нашей эры. Поэтому в материалах этих погребений встречены новые, неизвестные до сих пор находки. Среди них имеются гладкие круглые пряжки для поясных ремней, желтоватые, красные и синие бусы из стекла. Эти предметы получили особенно широкое распространение на Южном Урале и в Поволжье во II—IV вв. н. э. В одной женской могиле найден пояс, сплошь украшенный ромбовидными накладками. Забегая вперед, надо отметить, что подобные пояса часто встречаются в погребениях Бирского могильника, относящихся к V—VII вв. н. э.

Гунны являются народом, сыгравшим большую роль в истории народов Средней Азии, Сибири и Восточной Европы. По мнению многих историков и языковедов, это были тюркоязычные племена, которые сыграли важную роль в древнейших этапах этногенеза многих тюркских народов. Гунны длительное время обитали в южно-уральских степях и считались главной политической и военной силой, подчинившей себе все местные и соседние племена. К гуннскому времени восходят древнейшие этапы этногенеза многих народов. Так, например, судя по историческим преданиям, происхождение некоторых башкирских народов связано с именем вождя гуннов Валамиром. В данном разделе мы приводим некоторые общие сведения о гуннах.

Мощный союз племен гуннов возник в 3 веке до н. э. в Забайкалье и в монгольских степях. Возвышение гуннов над соседними народами связано с именем хана Модэ. Исторические документы сохранили интересные сведения о нем.

Модэ обладал сильной волей и изворотливостью ума. Родился он в ханской семье. Отец, желая оставить трон любимому младшему сыну, с детства отдал Модэ заложником соседним враждебным племенам. Узнав о неблагоприятном поступке отца, Модэ украл коня и вернулся в свою страну. Хан, обрадованный храбростью и мужеством сына, поставил его во главе племени, насчитывающего 10000 человек. Модэ тотчас же организовал войско, обучил его стрельбе из лука, джигитовке и военной дисциплине.

Желая испытать преданность своих воинов, Модэ приказал им застрелить своего любимого скакуна. Тем, кто пожалел коня и не стал стрелять, Модэ отрубил головы. Позже такой же эксперимент он провел на любимом скакуне отца и своей молодой, красивой жене. Убедившись в преданности воинов, Модэ во время охоты стреляет в отца, и в одно мгновение его отец оказывается пронзенным сотнями стрел. Затем Модэ расправляется с младшим братом, мачехой и отказавшимися подчиниться старейшинами и становится во главе всех гуннских племен.

Модэ всю жизнь проводит в походах и войнах и в короткий срок создает большую империю, которая могла соперничать даже с Китайской империей. Западные границы его империи заканчивались в степях Сибири и Средней Азии. После смерти Модэ его сыновья долгое время ус-

пешно справлялись со своими внешними врагами, но истощенная бесконечными войнами империя начинает приходить в упадок, все труднее становится защищать ее огромные просторы. В 1 веке до н. э. в результате наступления китайских войск союз гуннских племен был разгромлен. Часть гуннов оказалась подчиненной Китаю, другая бежала на запад — в степи Средней Азии и Сибири. По сведениям некоторых письменных источников в указанное время гунны бродили по Южному Уралу в поисках женщин. Повидимому, в данном случае речь идет о спасшихся бегством гуннах, которые в стремлении обзавестись семьей вынуждены были искать невест в местных племенах.

В начале нашей эры имя гуннов часто начинает упоминаться историками западной Европы. Например, автор 1 века Дионисий знал гуннов, живших на берегах Каспия. Об этом же упоминает автор 1 века Птоломей. После Птолемея имя гуннов по каким-то причинам на два столетия исчезает из исторических документов и вновь появляется лишь в восьмидесятих годах IV века. Судя по документам, около 370 года гунны, под предводительством Атиллы, появившись из степей Южного Урала, пересекают реку Волгу, переправляются на ее правый берег и быстро завоевывают Северный Кавказ и Причерноморье, а в долине Дуная образуют новый свой союз племен в форме государства. Но этот союз оказался недолговечным, несколько десятилетий спустя он распался под давлением местных племен.

Завоевание гуннами Европы сопровождалось жестокими преследованиями, на пути их оставались сожженные города и горы трупов. Вероятно, поэтому римские авторы оставили о гуннах документы, пронизанные унижающим тоном. Живший в конце IV века Аммиан Марцеллий, например, так писал о них: «...превосходят всякую меру дикости... у них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены им ткнут жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше... Они одеваются в одежды холщевые, или сшитые из

шкурки лесных мышей, у них нет различия между домашней и выходной одеждой... Головы прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами... Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство, вследствие необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь... Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются». Из приведенного исторического документа становится очевидным, что весь образ жизни гуннов определялся кочевым скотоводством.

Таким образом, гунны в свое время являлись активной политической и военной силой, сыгравшей решающую роль в судьбах многих народов Азии и Восточной Европы. Несмотря на это, история гуннов пока разработана очень слабо. Более того, следы пребывания и конкретная история западных гуннов до сих пор выпадает из поля зрения исследователей. Это объясняется тем, что ученым пока среди массы накопленного археологического материала не удастся выделить памятники и комплексы вещей, принадлежащие собственно гуннским племенам. На этом основании исследователи полагают, что гунны после переселения в Среднюю Азию, Южную Сибирь и Южное Приуралье полностью были ассимилированы местным населением и приняли их материальную культуру.

А. П. Смирнов и ряд других археологов считают, что в связи с приходом гуннов в Южное Приуралье и Поволжье широкое распространение получает обычай деформации черепов, простые могилы и досчатые гробы в них. Эти новые черты в культуре южно-уральского и поволжского населения являлись характерными для более ранних собственно гуннских могильников в районе Забайкалья, что дало археологам возможность проводить подобные сопоставления. А. П. Смирнову также принадлежит другая мысль о том, что с гуннами связано украшение одежды и утвари (дерево) тонкими золотыми или позолоченными накладками. Надо отметить, что все эти высказывания ученых о гуннах пока не выходят за рамки научных гипотез и требуют доказательств на новом обширном археологическом материале.

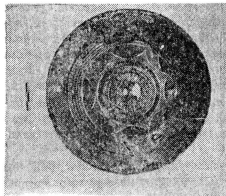
В условиях Южного Урала и прилегающих к нему районов плохо изученной остается история не только собственно гуннских племен, но и местного кочевого населения это-

го времени. Поэтому пока мы не можем конкретно судить, какие существенные изменения произошли в культуре, верованиях и погребальных обрядах и других сторонах жизни местного населения после нашествия гуннов и подчинения им. Мы сталкиваемся с одним из парадоксальных явлений в археологической науке. Казалось бы, население края по сравнению с IV—II вв. до н. э. на рубеже нашей эры должно численно увеличиться и, соответственно, должно было возрасти количество памятников. Однако в действительности мы видим другое.

На Южном Урале для рубежа нашей эры исследователи отмечают не более 60 погребений против многочисленных грандиозных курганных сооружений сарматов с сотнями могил. Часть археологов такое уменьшение количества памятников склонна объяснить тем, что население Южного Урала в это время было очень редким, что обусловлено уходом значительной его части в завожские степи и на север. Хотя последнее, может быть, имело место, но едва ли это является единственным объяснением малочисленности известных памятников этого времени.

Античный автор Дионисий пишет о гуннах в Северном Прикаспии уже в начале нашей эры. Однако вряд ли эта дата означает время прихода сюда передовых гуннских отрядов. Я полагаю, что это произошло на много лет раньше. Во всяком случае имеется археологическое подтверждение того, что в культуре южно-уральского населения в послепрохоровское время (IV—II вв. до н. э.) появляются новые черты. Так, например, в это время прекращает свое функционирование основная часть сарматских кладбищ-курганов. В этом трудно не увидеть происшедшие изменения на карте расселения родо-племенных групп местного населения. На рубеже нашей эры по всему Южному Уралу появляется новая форма могил — квадратные ямы, в которых умершие лежат по диагонали. Такие могилы на территории Башкирии обнаружены, например, под курганами близ деревни Уметбаево в Стерлибашевском районе, раскопанными М. Х. Садыковой и автором этой книги.

Было раскопано 13 курганов, большинство которых было ограблено еще в древности. Несмотря на это, удалось собрать небольшую коллекцию глиняных сосудов, в том числе кувшинов с ручками и ряд других предметов, датированных ориентировочно рубежом нашей эры. К этому же времени восходит засыпка основной части Уязыбашевских и

Серебряное зеркало из Темясовского кургана № 3. II—III вв. н. э.

Чумаровских курганов в Миякинском районе Южной Башкирии, исследованных в последние годы А. Х. Пшеничниоком. Для всех перечисленных памятников, по сравнению с предшествующим периодом, характерным являются в целом небольшие размеры насыпей и немногочисленность погребений под каждой из них (от одного до трех), сероглиняные невысокие горшки и кувшины. Для описываемого времени оригинальным памятником являются курганы близ

села Темясово в Баймакском районе, раскопанные в 1970 и 1971 гг. нашей экспедицией. Памятник ранее был открыт М. Х. Садыковой. Нами было раскопано 4 кургана, два из которых оказались наиболее интересными. Оба они содержали по коллективному погребению, где похоронены по шесть и семь человек. Среди погребенных имеются подростки. Большинство их лежит вытянуто в ряд, лишь в одной могиле — два, в другой — один, костяки находятся у ног остальных. Обращает на себя внимание расположение рук нескольких костяков в четвертом кургане: руки слегка согнуты в локтях и кисти лежат на уровне плеч, то одна рука согнута, а другая запрокинута за голову. Такие групповые захоронения для культуры кочевников Южного Урала эпохи раннего железа очень редки, и для объяснения их происхождения требуются новые материалы. Темясовские курганы интересны также вещественным материалом. Здесь найдены такие уникальные предметы, как бронзовый колокольчик с двуликим изображением головы человека на ручке, серебряное зеркало с богатым орнаментом на одной поверхности, различные формы фибулы, золотые серьги со стеклянными вставками, ожерелья, ручные браслеты из маленьких стеклянных бусин и много других предметов, относящихся к первым векам нашей эры.

Значительная часть изменений в культуре населения Южного Урала и частичный его уход в заволжские степи

на рубеже II—I вв. до н. э. должны быть поставлены в прямую связь с приходом сюда ранних гуннских племен. Появившиеся после этого новые могильные сооружения как местного населения, так и собственно гуннов пока археологами в полной мере не открыты.

Аналогичная картина наблюдается и в последующее время, в II—IV вв. На всем Южном Урале пока известно лишь около 70 могил, относящихся к этому времени. Важно отметить, что в этих могилах встречены досчатые гробы. Более трети погребенных имели деформированные головы. Деформация черепов является одной из загадочных сторон культуры древнего населения. Она получалась в результате накладывания в детском возрасте на голову в области лба тугой широкой матерчатой или кожаной повязки,

Бронзовый колокольчик из Тemyсовского кургана № 3. II—III вв. н. э.

которая не снималась на протяжении многих лет. На ряде черепов наблюдаются следы даже двух таких повязок. В результате череп получал ненормальное развитие и приобретал удлинённую форму. Что послужило причиной появления такого странного обычая—сейчас объяснить трудно, но он широко распространён у племен евразийских степей первого тысячелетия нашей эры. Ученые высказывают мнение, что такие удлинённые головы у древних племен считались модными.

На территории Башкирии памятников кочевых племен II—IV вв. пока известно очень мало. Единственным хорошо изученным памятником этого времени считается часть погребений курганного могильника вблизи деревни Салихово (Ишимбайский район), исследованного К. В. Сальниковым и С. М. Васюткиным. Курганы невысокие и маленьких размеров, в насыпях многих из них встречены остатки ка-

менных кладок. Могилы простой конструкции, но в двух случаях встречены могилы с подбоем в западной стенке и ступенькой вдоль длинной. Костяки лежат вытянуто, на спине, головой на восток и север. Четыре черепа носили следы искусственной деформации. По этим признакам Салиховские курганы существенно отличаются от ранее известных сарматских и отражают новый этап в развитии культуры южно-уральского кочевого населения. От сарматской керамики отличается и найденная в могилах глиняная посуда, для которой характерны небольшие размеры. Некоторые археологи Южного Урала, например К. Ф. Смирнов, сейчас склоняются к мысли, что население Салиховских курганов испытывало сильное влияние тюркоязычных племен, гуннов.

ТУРБАСЛИНЦЫ

Турбаслинцами условно называют группу племен, которые в V—VII века сыграли большую роль в истории Южного Урала. Слово «турбаслинцы» происходит от названия села Ново-Турбаслы Благовещенского района, вернее, от большого курганного могильника, расположенного на территории этого села.

В 1957—1958 годах мне довелось руководить археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР, в результате которой было раскопано и исследовано около сорока курганов на этом могильнике. Во время раскопок можно было слышать много интересных историй от старожилов села.

— Когда мы были детьми, — рассказывали старики, — приехал из Москвы какой-то человек. Он выкопал здесь много человеческих черепов. Эти черепа он хранил в сарае хозяина, у которого снимал квартиру. Ночами эти черепа, превращаясь в живых людей в саванах, входили в сон жителей села.

В путешествиях по Башкирии нам приходилось слышать много таких легенд. Но человек, о котором шла речь, нам был уже знаком. Это был видный ученый, писатель и краевед России Ф. Д. Нефедов (1838—1902). В 1870 годах на Урале и в Прикамье он исследовал сотни курганов.

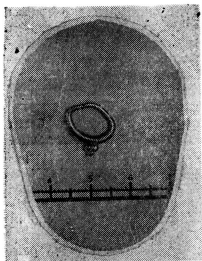
По своим размерам Ново-Турбаслинские курганы небольшие. Самые большие из них достигают 16—22 м в диаметре и 80 см в высоту. Под маленькими курганами до восьми—десяти метров в ширину и двадцати—сорока санти-

метров в высоту обычно находилась одна могила, а курган был обычной земляной насыпью над ней. Под большим курганом находилось несколько захоронений. Умершие были похоронены в длинных и глубоких ямах головой на север, в вытянутом положении. В изголовье покойников, в узкой стене могил выкапывалась глубокая яма в виде ниши, куда ставились еда в горшке, часть конской туши.

Между некоторыми турбаслинскими курганами были найдены глубокие ямы округлой формы. Объяснить назначение этих ям трудно, на мой взгляд, они связаны с погребальными обрядами турбаслинцев. Обычно в этих круглых ямах обнаруживаются угли, зола, черепки глиняных горшков. Возможно, в них ставилась пища для покойников, помимо той, что имелась в могилах. Так сказать, на всякий случай.

Турбаслинцы при похоронах возле могилы часто разжигали большой костер. Остатки такого кострища были найдены в кургане под номером девять, оно было круглой формы, два метра в диаметре и толщиной десять — пятнадцать сантиметров. А в восемнадцатом кургане такой костер был разведен прямо над могилой. Костер, по-видимому, был таким большим и так долго горел, что земля на один метр вширь и вглубь прогорела, обретя красноватый оттенок. В двенадцатом кургане большой костер был разведен возле могилы, над круглой ямой.

Как видно, в похоронных обрядах древних уральских племен огонь играл важную роль. Огонь, по их мнению, должен был очистить умерших от земных грехов. К тому же, наши древние предки считали земное существование лишь скоротечной частью всей жизни человека, ограниченной коротким сроком, и полагали, что настоящая жизнь начинается лишь со смертью, после переселения на тот свет. Поэтому каждый готовил себя заранее для загробной жизни. Причем в некоторых племенах смерть сородичей считалась чуть ли не праздником — ведь покойник избавлялся от полной трудностей и лишений земной жизни, перейдя в счастливый подземный мир, на его похоронах царил радость. Остатки таких явлений, например, ученые наблюдали у некоторых туземных племен Америки и Австралии в XVII—XIX веках. Кто знает, возможно и турбаслинцы возле костров в честь проводов своих соплеменников на «тот свет» устраивали пляски, песни, соревнования, молились.

Золотая серьга из Ново-Турбаслинского кургана. VII в.
н. э.

Для своего времени культура турбаслинских племен находилась на сравнительно высокой ступени развития. Встречающиеся в могилах кости животных, удила и другие находки свидетельствуют о том, что в их хозяйстве большую роль играло скотоводство. Однако турбаслинцы были знакомы и с земледелием. Подтверждают это найденные в пятом кургане жаренные хлебные зерна, из которых варили кашу. В могильниках не было никаких предметов, которые указывали бы на занятие турбаслинцев охотой и рыболовством, но надо полагать, что на Урале, богатом дичью и

рыбой, и этот вид хозяйства давал добавочную пищу на стол.

Особенности турбаслинской культуры хорошо запечатлены на их глиняной посуде, основную часть которой составляют большие горшки с чашеобразным дном, лишенные всяких украшений. В турбаслинских могилах найдено около тридцати таких горшков. Встречаются также большие горшки с плоским дном.

Очень интересен горшок, найденный в первой могиле десятого кургана. Он небольшой, с высоким горлом, ровным дном, тонкими стенками. На горлышке шириной в пять сантиметров имеется узорчатая сетка из пересекающихся друг друга коротких: черточек и горизонтальных линий. Дно горшка украшено таким же пестрым узором.

Различные украшения, найденные в турбаслинских курганах, показывают, что погребенные в них люди знали различные приемы обработки металла: литье, чеканка и т. п. Были найдены, например, такие предметы, как золотая серьга, десятки подвесок для одежды и поясов, серебряная чашка, железный нож, обломки меча, мундштук от удил. В двадцатом кургане были обнаружены золотые пластинки, позолоченное сверху серебряное изображение головы че-

ловека. В другой могиле найдена бронзовая пластинка, изображающая в полный рост мужчину. Хотелось бы отметить, что из семидесяти раскопанных могил только три оказались нетронутыми, а остальные были разграблены еще в древности. Не коснись их рука древних кладоискателей, они сохранили бы для науки много интересных материалов.

Стеклянные и янтарные бусы турбаслинцы покупали у своих южных и западных соседей.

Все найденные металлические украшения, янтарные и стеклянные бусы отнесены археологами к V—VII векам.

Турбаслинские курганы не являются в своем роде единственными в центральных районах Башкирии. Около сотни похожих на них курганов имеется на территории города Уфы, слева от автодорожного моста через железную дорогу по пути в Орджоникидзевский район, в лесу, по обе стороны железной дороги. Несколько курганов осталось на территории коллективных садов, вытянувшихся вдоль железнодорожного полотна. Курганы открыты недавно и исследовались рядом археологов. По устройству и составу находок уфимские курганы аналогичны турбаслинским. Умершие похоронены в глубоких ямах головой на север. В изголовье многих умерших, в глубоких нишах находились большие глиняные горшки с пищей и части конских туш. В могилах обнаружены янтарные бусы, серебряные серьги, бронзовые позолоченные пряжки от поясных ремней и много других интересных предметов. Возраст всех этих находок определяется в пределах V—VI вв.

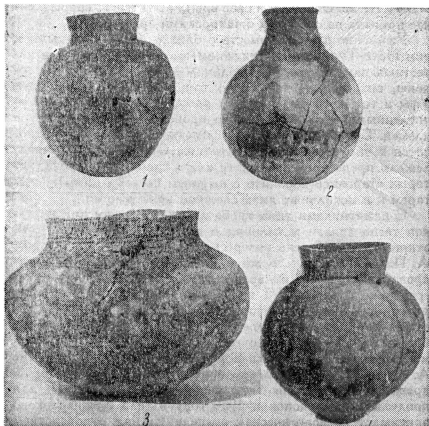
С культурой Ново-Турбаслинских и уфимских курганов перекликается богатый материал многочисленных погребений, выявленных в различные годы на территории города Уфы, в кварталах по ул. Пушкина, Социалистической, Фрунзе и Тукаева. Эти курганы сейчас полностью разрушены или же находятся под мостовыми улиц, но еще в XVIII—XIX вв., когда Уфа была небольшой, они были хорошо различимы. Красеведы того времени писали, что «на территории г. Уфы имеется множество курганов». На один из подобных курганов случайно наткнулись в восьмидесятых годах XVIII в., когда закладывали фундамент для дома губернатора (Тукаевская улица, здание 3-й детской больницы). Тогда было найдено несколько килограммов золотых вещей, которые уфимским губернатором Якоби (?) в качестве дара были отправлены Екатерине II. Упомянутая в археологической литературе золотая монета V ве-

ка, наверное, была найдена в составе этого «клада». Такие богатые погребения встречены также в 30-х годах нашего столетия.

Например, в 1936 году при закладке фундамента под здание Медицинского института были обнаружены три богатые захоронения женщины, мужчины и ребенка. Мужская могила в ходе строительства была сильно разрушена, и из нее удалось извлечь лишь несколько железных наконечников стрел, маленькие золотые розетки, шелковую материю (рубашка?) и куски железной кольчуги. Женская могила оказалась особенно богатой. Покойнице было 25—30 лет, она была похоронена в могиле глубиной 1,90 м головой на северо-восток. Сверху она была покрыта тонкой материей, украшенной мелкими серебряными накладками. В могиле нашли около 30 золотых, более 10 серебряных и бронзовых подвесок, использовавшихся как нагрудное украшение. Самыми ценными являются несколько больших золотых колотов-подвесок, также украшавших грудь или шею погребенной.

Погребения из-под здания медицинского института оказались оригинальными не только по степени богатства материала. Не менее интересным также является то, что две могилы находились в специальном сооружении типа склепа или катакомбы. Судя по рисунку, сделанному участником раскопок М. И. Касьяновым или Б. А. Коишевским, склеп имел форму прямоугольника со слегка сводчатым потолком. К нему вел длинный узкий коридор, спускающийся под углом примерно 45°. Между камерой склепа и спускным коридором была сделана перегородка из известняковых плит.

Описание могильного сооружения в своем роде не является единственным из числа раскопанных в Башкирии. Записи, оставленные уфимскими краеведами в 70-х годах XIX в. и позже, указывают, что подобное встречалось и в ряде других пунктов Уфы. К примеру, можно привести курган, раскопанный Р. Г. Игнатьевым на территории современного мусульманского кладбища. В нем он нашел остатки трупосожжения, над которыми был устроен свод из плиточного камня. Другой подобный склеп был обнаружен в 1879 году, когда рабочие некоего купца Ларионова, производя добычу камня, наткнулись на каменный склеп, где нашли меч, серебряную чашу и другие ценности. В данном

Сосуды из Ново-Турбаслинских курганов (1, 2, 4) и Бирского могильника (3). V—VII вв. н. э.

случае речь, безусловно, идет о древнем погребении, относящемся к одному типу с вышеописанными.

Несколько скромнее был инвентарь погребений, обнаруженных в 1939 году на территории нынешнего здания Башкирского театра оперы и балета. Здесь найдены бронзовые серьги, янтарные, стеклянные залоченные бусы, маленькие колокольчики, серебряные и золотые предметы. Аналогичные вещи находят также в разрушенных погребениях, случайно открытых после войны на ул. Социалистической и К. Маркса. Надо подчеркнуть, что первой научной характеристикой материала из уфимских погребений мы обязаны Р. Б. Ахмерову, которым определен возраст находок

VI—VIII вв. Эта дата, в свое время вызвавшая споры, сейчас принята почти всеми башкирскими археологами.

Уфимские курганы вместе с близко расположенными к ним Ново-Турбаслинскими занимают особое место среди известных памятников Приуралья V—VII вв. С одной стороны, они свидетельствуют о том, что район устья реки Уфы в то время был центром расселения довольно многочисленных, но родственных по происхождению и культуре племен. С другой, особенно уфимские погребения не относятся к числу рядовых памятников. Они, видимо, принадлежали представителям знати этого племенного союза, которых старались хоронить с пышным погребальным инвентарем и в могильных ямах сложной конструкции.

С памятниками типа турбаслинских и уфимских курганов тесно связан могильник в селе Кушнаренково. Честь открытия этого очень интересного памятника принадлежит А. П. Шокурову, который в 1965 году при осмотре водопроводной траншеи обнаружил несколько разрушенных погребений, примерно VI в. Погребения дали чрезвычайно редкие для этого времени вещи: плоскодонный сосуд с богатым орнаментом, аналогичный сосуду из 10 Ново-Турбаслинского кургана, другой плоскодонный, но без орнамента сосуд и металлические украшения. Открытие А. П. Шокурова привлекло внимание всех исследователей древностей Башкирии I тысячелетия нашей эры, и для продолжения раскопок в 1959 году в село Кушнаренково приезжает археологическая экспедиция под руководством М. С. Акимовой и В. Ф. Генинга. Экспедиция провела здесь большие земляные работы и исследовала еще около 30 погребений.

Над могилами Кушнаренковского могильника не было никаких земляных насыпей, но по своему устройству, положению костяков и составу находок, особенно керамики, они близки ново-турбаслинским и уфимским. Умершие лежали на дне глубоких ям, вдоль длинных стенок некоторых могил имелись широкие заплечики. В могилах часто встречались кости лошади, а также предметы из серебра (серьги, подвески), стекла и янтаря (бусы). В Кушнаренковском памятнике обнаружен редкий для территории Башкирии I тысячелетия нашей эры обряд погребения: в нескольких могилах умершие были кремированы. Тело сжигалось в стороне, и в могилу укладывали лишь мелкие кости, уцелевшие в костре. Если вспомнить обычай турбаслинцев раз-

жигать рядом с могилами ритуальные костры, то такое явление для кушнаренковских могил не должно показаться случайным. Однако остается загадкой, почему у одного и того же населения для похорон некоторых людей применялся другой обряд. Возможно, эти кремированные люди были из другого племени или при жизни совершали какие-то проступки, из-за которых их в данном случае надо было выделять от остальных сородичей. Попутно отметим, что второй аналогичный случай трупосожжения нами встречен в 1961 году при исследовании могильника VI в., на улице Пушкина-Галанова в Уфе, недалеко от того места, где в прошлом веке Р. Г. Игнатьев раскопал курган с трупосожжением в каменном склепе. В одной глубокой могиле в куче найдены мелкие кальцинированные кости и обломки большого разбитого глиняного сосуда. Эти факты свидетельствуют, что этнический состав турбаслинцев, в том числе и похороненных в Кушнаренковском могильнике, был неодинаков, и потому сложными были у них религиозные верования.

Другой могильник, близко напоминающий Кушнаренковский, был исследован нашей экспедицией в том же Кушнаренковском районе, в трех километрах от села Кувыково. Он располагался на левом берегу бывшего русла реки Белой, и на поверхности земли не имел никаких признаков. О памятнике нам стало известно со слов местных жителей, которые при проведении земляных работ на его территории находили различные древние вещи. В яме, выкопанной в форме траншеи, нами была встречена могила. Человеческий костяк истлел, но, судя по расположению находок, он головой был обращен к северу. В могиле находился один большой горшок, несколько железных наконечников стрел ромбовидной формы, бронзовые позолоченные пряжки от поясного ремня и обуви и накладки ремней из тонких золотых пластин. Все эти вещи относятся к V—VII векам нашей эры.

Необходимо подчеркнуть, что на той же территории, где располагаются могильники типа Ново-Турбаслинских курганов, находится около 20 поселений, выделяемые в особую группу под названием «романовской». Группа получила свое название от поселения Романовка близ одноименной деревни, недалеко от города Уфы, на левом берегу реки Белой. Небольшие раскопки, осуществленные разными исследователями, показали, что романовские поселения характери-

зуются довольно устойчивым и однообразным материалом, состоящим из обломков грубых плоскодонных горшков маленьких и средних размеров. Преобладающая часть горшков лишена всякой орнаментации, а остальная часть по краю невысокого горла украшена косыми насечками. Эти своеобразные по форме горшки в районе устья реки Уфы появляются внезапно где-то после IV в. н. э., и это явление археологи единодушно связывают с приходом сюда новой группы населения. Но откуда пришли эти племена? Этот вопрос также является предметом спора башкирских археологов. Причины разногласий состоят не только в плохой изученности романовских поселений, но и в том, что неорнаментированные плоскодонные горшки в то время имели очень широкое территориальное распространение и их трудно связать пока с какой-либо определенной группой племен. Так, например, подобные горшки составляют характерную черту материальной культуры позднегородецких племен, обитавших в Среднем Поволжье. В середине I тысячелетия нашей эры здесь складывается именьевская культура, одной из особенностей которой также являются горшки описанного типа. На этом основании часть археологов (А. Н. Смирнов, С. М. Васюткин) полагает, что на романовских поселениях жили племена, пришедшие из районов Среднего Поволжья.

Романовские поселения расположены в непосредственной близости от описанных выше курганов-могильников. Кроме того, плоскодонные горшки романовского типа встречаются в ряде могил Ново-Турбаслинских и Уфимских курганов, которые ничем среди остальных не выделяются и составляют неотъемлемую часть их материальной культуры. С учетом сказанного можно допустить, что обе эти группы памятников тесно связаны между собой и оставлены одной родственной группой племен.

При сопоставлении керамики поселений и курганов создается впечатление, что курганная керамика более архаична, т. е. древнее, нежели поселенческая. Такое незначительное различие, возможно, говорит о том, что романовские поселения возникли некоторое время спустя после появления скотоводческих турбаслинских племен. Таким образом, романовские поселения свидетельствуют о дальнейшем процессе оседания пришлых племен в данном районе и потере ими некоторых черт, свойственных кочевникам-скотоводам. Турбаслинские племена явились потомками кочевого

населения Южного Урала рубежа и первых веков нашей эры. Это подтверждается тем, что весь комплекс культуры турбаслинских племен, по всем основным признакам тесно связан с культурой населения южно-уральских степей сарматского и последующего времени. Так, например, самая характерная черта материальной культуры — глиняная посуда турбаслинцев по форме повторяет сарматскую. К сарматской культуре восходят также многие элементы погребального обряда турбаслинцев. Сюда можно отнести могильные ямы с нишами в узких или заплечиками вдоль длинных стенок.

Турбаслинские племена с южно-уральским населением предшествующего времени были близки также и антропологически. Как показывают исследования антрополога М. С. Акимовой, в Ново-Турбаслинских, Уфимских курганах и Кушнаренковском могильнике похоронены люди чисто европейного типа, который генетически тесно связан с сарматским населением Южного Урала и Поволжья. Однако нельзя сказать, что турбаслинские племена по физическому типу, как и в культурном отношении, были однородными. Например, в одном из уфимских курганов найден череп человека с сильно выраженными монголоидными признаками. Этот факт говорит о том, что среди турбаслинцев были представители племен и иного происхождения. Говоря о южно-уральском происхождении турбаслинских племен, нельзя не обратить внимание на одну из самых слабых сторон доказательств, а именно, наличие хронологического разрыва в несколько столетий между сопоставляемым материалом двух эпох. Это объясняется прежде всего слабой изученностью культуры населения Южного Урала V—**W** вв. Но сходство культур турбаслинцев и сарматских племен, в плане возникновения первой, настолько очевидно, что, на первый взгляд, большого хронологического разрыва между ними не наблюдается. Однако, если предположить, что потомки этого же населения, в основном, продолжали обитать в южно-уральских степях и в первые столетия нашей эры, то мнение о южном происхождении турбаслинцев приобретает характер доказанной гипотезы.

Турбаслинские племена, прежде чем осесть на территории нынешней Башкирии, вели кочевой образ жизни. Это подтверждается чисто кочевническим характером инвентаря турбаслинских могил (кости лошади, в том числе голо-

вы и конечностей, удила и т. д.). Вполне уместно возникает вопрос: почему турбаслинцы покинули веками обжитые степные края и переселились в лесостепные районы, малопригодные для кочевого скотоводства.

Появление турбаслинских племен на территории Башкирии совпадает с началом массового вторжения гуннских орд в Восточную Европу. Большая часть степных кочевников Южного Урала, видимо, была поглощена гуннами и приняла участие в их походе. Но определенная часть, опасаясь быть ограбленной гуннами и стремясь сохранить свою самостоятельность, безусловно, была вынуждена отступить в горно-лесные районы. Такое массовое переселение кочевых племен на север в это время наблюдается вплоть до Верхней Камы, что подтверждается появлением непривычных для этих мест курганных могильников. Переселение турбаслинцев в долину реки Белой явилось лишь небольшим эпизодом этого «великого переселения народов», связанного с нашествием гуннов.

На каком же языке говорили турбаслинские племена? В процессе изучения материала из турбаслинских памятников мною было высказано мнение о том, что носители этой культуры говорили на древнетюркском языке. Однако оно разделяется пока лишь немногими археологами, и многие склонны считать их ираноязычными. В данном случае сходство культуры сарматов и турбаслинцев моими оппонентами используется как доказательство тождества их языка. Это разногласие является результатом неодинакового толкования таких понятий, как археологическая культура и язык древнего населения. В археологической науке общепринятым является мнение, что эти два понятия не всегда совпадают. Это несоответствие должно наблюдаться, прежде всего, на материалах культуры племен кочевого мира, где смешение различных этнических групп шло особенно интенсивно. В результате одинаковая материальная культура могла сложиться у племен, говорящих на разных языках.

Вывод о тюркоязычности турбаслинских племен сделан на основании следующих соображений. Турбаслинские племена переселились из степного Южного Урала, где тюркоязычные племена (в том числе и ранние гунны) обитали в течение многих предшествующих веков. В плане сказанного является вполне вероятным предположение, что предки турбаслинцев, общаясь с указанными тюрками, могли перенять

их язык. Во-вторых, культура и жизнь турбаслинцев развивалась под сильным влиянием гуннов и в тесном с ними контакте. Здесь вторично можно вспомнить случай обнаружения монголоидного черепа из уфимских курганов. Такое тесное общение с гуннами, вне всякого сомнения, не могло не оставить заметный след на их языке. При изучении языка турбаслинцев необходимо иметь в виду дальнейшее развитие истории турбаслинцев и их роль в сложении этнических групп последующего времени.

БАХМУТИНЦЫ

Пожалуй, ни одна тема древней истории Башкирии не привлекла так много внимания исследователей, как история бахмутинских племен. Этот интерес во многом был предопределен исследованиями А. В. Шмидта в 1928 году, который бахмутинцев рассматривал в качестве ближайших предков мадьярских племен, в самом конце X в. завоевавших Среднедунайскую низменность и основавших там первое венгерское государство. До сих пор материалы из бахмутинских памятников широко привлекаются в отечественной и зарубежной (венгерской) археологической литературе, посвященной изучению истории древних мадьяр.

Бахмутинцами условно названы племена, которые составили основное население территории Северной Башкирии, Южной части Пермской области и Средней Камы во II—VII вв. н. э. Это название происходит от деревни Бахмутино на берегу реки Уфы, в Нуримановском районе Башкирской АССР.

Впервые Бахмутинский могильник науке стал известен после 1911 года, когда на нем побывали московские археологи В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдинг. Эта поездка была предпринята после получения ими сведений о находках древних вещей и человеческих костей в обрыве берега реки Уфы, часть которых была собрана местными жителями. О характере произведенных В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдингом работ на могильнике данных не сохранилось. Коллекция собранных ими вещей, правда, без распределения на комплексы, затем поступила в Государственный исторический музей в Москве.

Небольшие исследования на Бахмутинском могильнике в начале 20-х годов произвел башкирский краевед

М. И. Касьянов, внесший определенный вклад в развитие археологических исследований в те годы. М. И. Касьянов — один из первых советских археологов-энтузиастов—в течение ряда лет совершил разведку по побережью рек республики и обнаружил большое количество новых памятников.

В 1928 году Бахмутинский могильник был подвергнут широким научным раскопкам археологической экспедицией АН СССР под руководством А. В. Шмидта. Экспедицией, в частности, было исследовано около 30 могил, отнесенных А. В. Шмидтом к V—VII вв. По мнению исследователя, в данном могильнике были похоронены представители племен, которые широкой массой заселили территорию Северной Башкирии и прилегающих к ней районов Среднего Прикамья. Таким образом, несмотря на сравнительную малочисленность собранного материала, А. В. Шмидт не ограничился указанием возраста памятника, как часто бывает в таких случаях, а определил примерную территорию распространения культуры и сделал выводы об ее этнической принадлежности. Как увидим дальше, выводы А. В. Шмидта, в основном, оказались верными и подтвердились в результате больших раскопок, осуществленных за последние годы на бахмутинских памятниках. Это свидетельствует о научном предвидении А. В. Шмидта, свойственном крупным ученым.

Большое место истории бахмутинцев отводится также в трудах советского археолога А. П. Смирнова. Изучив все ранее собранные материалы по бахмутинской культуре, он подтвердил правильность выводов А. В. Шмидта. А. П. Смирнов одним из первых выступил с утверждением, что бахмутинские племена являются потомками местных пьяноборцев. В 1952 году он в монографическом плане описывает историю племен бассейна рек Камы и Белой, а в 1957 году выпускает труд «Железный век Башкирии», где впервые дал систематизированное и полное изложение древней истории Башкирии. В 1969 году археологическая общественность нашей страны отметила 70-летие этого крупного ученого. В связи с этим он был награжден высшей наградой республики Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Башкирской АССР. В тексте грамоты сказано: «За выдающиеся заслуги в разработке научных основ археологической науки Башкирии и подготовке кадров археологов». В этих словах выражена глубокая признательность всех башкирских коллег и всех любителей древности

А. П. Смирнову за его заслуги в развитии археологической науки в Башкирии.

Крупные исследования по изучению истории бахмутинских племен провел В. Ф. Генинг. В течение 1953—1958 гг. он на территории Удмуртской АССР и Пермской области осуществил раскопки Мазунинского, Сайгатского, Ижевского могильников и выявил десятки новых памятников, которые дали интересные сведения о жизни среднекамской группы бахмутинских племен. Наконец, следует упомянуть работы башкирских археологов последних лет на ряде бахмутинских памятников в Башкирии. В частности, мною были раскопаны Бирские могильник и городище, Каратамакский, Бахмутинский могильники, Кансиарское, Юмакаевское городища, Новотурбаслинское селище и другие. Весьма успешными были раскопки С. М. Васюткина на Старо-Кабановском, Ангасякском могильниках, а Г. И. Матвеевой на Кувыковском и Юмакаевском городищах.

На сегодняшний день история бахмутинских племен изучена сравнительно лучше, чем история других групп племен, обитавших на территории Башкирии.

Бахмутинские племена в Западном Приуралье обитали во II—VII вв. По особенностям материала этот период времени условно разделяется на ранний (II—IV, а по мнению других археологов III—V вв.) и поздний (V—VII вв.) этапы.

На раннем этапе (II—IV вв.) бахмутинская культура очень близка культуре местных карабызо-пьяноборских племен. На этом основании можно считать, что культура бахмутинских племен указанного этапа сложилась на базе культуры пьяноборцев.

В ранних бахмутинских памятниках можно увидеть много черт, являющихся общими для обоих этих народов. В этот период, например, бахмутинцы, подобно пьяноборцам, всех умерших соплеменников хоронили в неглубоких могилах простой формы. В одной могиле часто встречаются парные, тройные и более захоронения. В Каратамакском могильнике, например, в одной могиле было похоронено даже пять человек — двое взрослых и трое детей. В могилах редко встречаются глиняные сосуды.

Находки из раннебахмутинских могил также очень близко напоминают пьяноборские. В качестве одного из примеров можно сослаться на височные подвески бахмутинских женщин, которые являются несколько видоизмененной фор-

мой пьяноборских серег — височных подвесок. Бахмутинские женщины, как и пьяноборские, такие подвески носили по несколько штук подвешенными к головному убору. Наблюдается определенная близость в наборе украшений поясных ремней (накладки) и ожерелий бусин. Глиняные горшки хотя встречаются редко, но по форме, размерам и орнаменту повторяют пьяноборские. Однако все приведенные примеры еще не говорят о том, что бахмутинская культура на раннем этапе ничем не отличалась от пьяноборской. Такое мнение было бы ошибочным. Бахмутинская культура, хотя и была продолжением традиционных элементов в материальной и духовной культуре пьяноборцев, отличалась от нее многими признаками. Это вполне естественно, потому что жизнь, культура никогда не останавливаются в своем развитии, каждый наступающий день чем-то обновляет их, меняет формы вещей. Этапы развития материальной культуры бахмутинских племен хорошо отражены в археологических материалах.

Одной из первых своеобразных черт бахмутинской культуры считается появление в мужских захоронениях женских украшений. Если в женских могилах эти предметы украшений находятся в обязательном для них порядке, то есть там, где их носили при жизни, то в мужских захоронениях они находятся у изголовья или сбоку умершего в специальных берестяных коробках или же просто собраны в кучу. Среди них бусы, браслеты, женские шейные нагрудные украшения, височные подвески и другие «ювелирные» изделия. Часто встречаются изображения медведей, подвешиваемые на концах поясов.

Эти особенности, свойственные всем могильникам бахмутинцев, на территории Башкирии, возможно, начали появляться у пьяноборцев. В качестве примера можно привести погребение третьего Кушулевского могильника, где бусы и височные подвески кучей лежали в изголовье мужского костяка. Здесь уместно было бы вспомнить и некоторые погребения Шиповского и Охлебининского могильников, в которых богатые украшения были насыпаны кучей либо в ногах, либо в изголовье умерших. Это явление, случайное для пьяноборского населения, становится закономерным у бахмутинцев, превращается в обязательный элемент, который отличает их могильники от могильников всех остальных современных им племен.

Помещение в мужские могилы женских украшений, при-

чем в строго установленном порядке, трудно объяснить, но в то же время обычаи некоторых племен могут пролить на него свет. В этой связи интересен обычай гуннов Забайкалья и Монголии. Женщина после смерти своего мужа обязана была отрезать свои волосы и положить их в могилу рядом с мужем. Женщина как бы приносила мужу посмертный подарок, сопровождающий его в пути на «тот свет»: она как бы давала знать, что и в потустороннем мире она будет верна своему властелину. Этот погребальный обряд, показывающий зависимое положение женщин в гуннском обществе, может быть, в какой-то форме повторяется у бахмутинцев, когда женщины самые ценные свои вещи оставляли в могилах умерших мужей. В таком случае появление женских украшений в могилах мужчин отражает социальные явления бахмутинских племен.

Среднекамская группа памятников бахмутинской культуры содержит материал, в целом аналогичный вышеописанному.

Для читателя будет интересно узнать, что вопросы о территории расселения и происхождении бахмутинских племен до недавнего времени вызывали оживленную дискуссию среди археологов. Спорными они остаются еще и в настоящее время.

Разногласия среди исследователей появились после работ В. Ф. Генинга на Средней Каме. В результате сопоставления вновь накопленных материалов из бахмутинских памятников с территории Башкирии и Средней Камы он приходит к выводу об их культурных различиях и выделяет для Средней Камы особую мазунинскую культуру, синхронную бахмутинской. Второй важный вывод В. Ф. Генинга состоял в том, что обе эти культуры он считал неместными и приписывал их племенам, которые как будто пришли из Южной Сибири. Выводы исследователя были неожиданными, так как не согласовывались с имеющимся археологическим материалом, но, несмотря на это, они получили широкое признание среди уральских археологов. После появления работ В. Ф. Генинга, где указанные выводы получили развернутое изложение, на территории Башкирии были раскопаны новые бахмутинские памятники, давшие неоспоримый материал, который указывал на тесные генетические связи бахмутинской культуры с карабызо-пьяноборской и о культурном родстве среднекамских и бельсковских бахмутинских племен. Результаты этих новых

исследований были изложены в ряде моих работ, посвященных бахмутинской культуре. Эти выводы вызвали в свое время резкие возражения со стороны многих уральских археологов и прежде всего В. Ф. Генинга. Так, например, по этому поводу В. Ф. Генинг в 1961 году писал: «...в целом ряде случаев исследователи (автор имеет в виду А. П. Смирнова и Н. А. Мажитова) держатся еще за традиционные ультраавтохтонистские концепции, выводя одну культуру за другой иногда путем самых грубых сопоставлений, не выдерживающих критики».

Эти же спорные вопросы явились предметом исследования в кандидатских диссертациях двух башкирских археологов С. М. Васюткина и Г. Т. Матвеевой, которые пришли к аналогичным выводам, изложенным выше. Под влиянием неоспоримых научных доказательств В. Ф. Генинг в 1969 году был вынужден отказаться от своих прежних выводов, что нашло отражение в докладе, прочитанном в Уфе на научной сессии по этногенезу башкир. Теперь он, вслед за Г. И. Матвеевой, к мазунинской культуре относит все ранние бахмутинские памятники с территории северной Башкирии, признает видную роль карабызских (пьяноборских) племен в сложении раннебахмутинских племен. Это показывает, что различие здесь чисто терминологическое, так как авторы в целом восприняли выводы, изложенные в работах других археологов.

После IV в., когда в район среднего течения реки Белой проникают южные кочевые турбаслинские племена, существенно меняется характер находок в бахмутинских могильниках, появляются новые формы вещей. Судя по этим изменениям, жизнь бахмутинцев в V—VII вв. прошла под активным воздействием турбаслинских племен. То, что две резко различные по происхождению группы племен обитали в близком соседстве, а местами даже смешанно на одной территории, приводило, как мы предполагаем, к этническому смешению этих племен. Если исходить из археологического материала, то правильным будет еще другое заключение: бахмутинцы в это время жили в политическом подчинении у турбаслинцев. Чтобы лучше пояснить эти мысли, высказанные о бахмутинцах, приведу несколько примеров.

Могильник на первом высоком берегу реки Белой около Бирска на сегодняшний день считается самым большим и хорошо изученным памятником бахмутинских племен. Судя по неполным сведениям, захоронения на кладбище нача-

лись во II—III веках и непрерывно продолжались до VI—VII веков. Таким образом, по материалам Бирского могильника развитие культуры бахмутинских племен можно проследить на протяжении всей их истории.

Первые сведения о Бирском кладбище относятся к 1900 году. В карьере, откуда бралась глина для кирпичного завода, было обнаружено несколько захоронений и в них стеклянные бусы, бронзовые височные подвески и другие предметы. Находками заинтересовался археолог Н. Н. Булычев, который опубликовал их в своем научном труде. При исследовании места находок в 1958 году совершенно случайно нами было сделано одно очень важное наблюдение.

Бирский могильник полностью расположен на территории плодово-ягодного совхоза. Чтобы оградить яблони от скота, здесь была вырыта глубокая траншея, которая на протяжении пятисот метров пересекла множество человеческих могил. При первом посещении нам пришлось изучить эти разрушенные могилы и дополнительно раскопать их. В одной из могил, например, был обнаружен длинный меч и несколько трехгранных железных наконечников стрел. Во второй могиле также была сделана интересная находка. На глубине одного метра лежал костяк обезглавленного мужчины-воина. По-видимому, он был убит где-то в бою, и враги отрезали ему голову, а тело его родные привезли домой и предали погребению на общем кладбище. Труп воина был положен ничком в вытянутом положении, возле него лежало оружие — топор, несколько костяных наконечников стрел, а на поясе — пряжка ремня.

Археологическая экспедиция в 1959—1961 годах произвела на древнем кладбище большие раскопки, исследовала более двухсот могил. Могилы по характеру материалов делятся на две группы.

К раннему периоду бахмутинской культуры (II—IV вв.) относятся более пятидесяти могил. Эти могилы, как правило, неглубокие (сорок — шестьдесят сантиметров), простой формы. Человеческие костяки в них находятся в положении навзничь, головами на северо-запад. Во всех могилах встречаются предметы женских украшений. В качестве примера можно привести украшения из женского погребения № 8. Могила имела в длину два метра пятнадцать сантиметров, в ширину семьдесят, глубину семьдесят пять сантиметров, тело умершей было положено на спину, в направлении на северо-запад. В изголовье находились с

Инвентарь мужского погребения Бирского могильника. Бахмутинская культура. VI—VII вв. н. э.

1 — нож; 2, 3 — пряжки; 4 — накладка ремня; 5, 8-10 — бусы; 6 — фибула; 7 — браслет; 11 — тесло; 12 — ложкарь; 13 — топор; 14-17 — наконечники стрел; 18 — скребель.

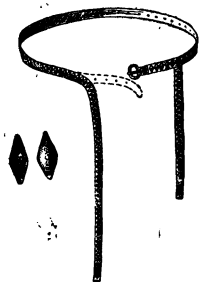
двух сторон по две височные бронзовые подвески, на шее — бусы из ракушек и разноцветного стекла. Справа от умершей в кучке лежали серебряный браслет, бронзовое кольцо, нагрудные украшения и более ста маленьких разноцветных стеклянных бусин.

В мужском захоронении кроме подобных находок обнаруживались железные топоры, наконечники копий, стрел, железные мундштуки от конских поводьев и т. д.

Большинство исследованных могил Бирского могильника относится к V—VII вв. В них сохранился в основном тот же традиционный погребальный обряд, что в ранних, но в то же время замечается появление новых черт. Например, наряду с могилами простых форм, широкое распространение получают могилы с глубокими нишами в северной стенке. Население Бирского могильника во II—IV веках редко ставило в могилы умерших сородичей глиняные горшки с пищей и конским мясом. Но после V века картина меняется. Теперь многих покойников на «тот свет» сопровождают большие глиняные горшки с пищей и части конских туш. Пища, по обыкновению, оставлялась у изголовья покойного в специальной нише.

Глиняные горшки по своим формам и орнаментам различны. Среди них имеются маленькие, с широким горлом наподобие чашек, большие с узким горлом и круглым дном. С наружной стороны горшки орнаментированы маленькими круглыми ямками, но часто встречаются и без них. Около десяти горшков по горлу украшены частыми горизонтальными линиями, перемежающимися отпечатками овальных штампов. Подобных горшков у бахмутинцев раньше не было, появление их на территории Башкирии совпадает с приходом сюда турбаслинцев. Существует мнение, что их принесли южные кочевники, скорее всего, часть турбаслинцев, которые, войдя в тесный контакт с местным населением, участвовали в формировании бахмутинской культуры V—VII вв.

С V века изменяется состав и других находок в могилах. Маленькие бусы из стекла сменяются бусами из янтаря и более крупными стеклянными бусинами. Модными у бахмутинского населения этого времени считались изображения фигур лошадей, нагрудные подвески из меди, серебра и золота, серьги, браслеты со змеиными изображениями на концах. Среди украшений встречаются также и характерные для V—IV вв., но попадаются они уже редко. Это —

Реконструкция пояса бахмутинских племен. Бирский могильник, V—VII вв. н. э.

височные подвески, изображения фигур медведей и ряд других вещей.

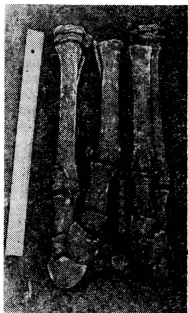
В последний период использования Бирского могильника был широко распространен обычай захоронения женщин с поясами, сплошь украшенными бронзовыми накладками ромбовидной формы. Такой ремень с металлическими накладками нельзя было продеть через пряжку, поэтому для застегивания с внутренней стороны к нему пришивался другой короткий ремень, а свободный украшенный конец в виде подвески спускался на бедра. Такая же подвеска находилась на другом конце ремня, рядом с пряжкой. Описан-

ные пояса являются одной из отличительных черт материала Бирского могильника. Следует отметить, что в ранних бахмутинских могильниках пояса такой оригинальной формы встречаются очень редко, но несмотря на это, можно считать, что они являются дальнейшим развитием карабызо-пьяноборских поясов. Их надо рассматривать как реликвию, доставшуюся бахмутинцам от своих ближайших предков. В связи с этим хотелось бы напомнить, что у карабызо-пьяноборских племен были распространены широкие пояса, украшенные бронзовыми и серебряными накладками; в Шиповском могильнике был найден пояс, в котором также были маленькие ромбические накладки, аналогичные бирским.

Могила V—VII вв. Бирского могильника в отличие от других бахмутинских памятников очень богата материалом.

Бахмутинские племена вели оседлую жизнь, устраивая свои поселения по берегам рек, озер. Раскопки одного из таких селений провела наша экспедиция в 1958 году в трех километрах от села Ново-Турбаслы Благовещенского района, в местечке «Старый дом», на берегу озера. Там были найдены остатки пяти землянок четырехугольной формы

длиною в шесть, шириной четыре-пять метров. Они уходили на глубину одного метра, яма укреплялась деревянным срубом, в зимнее время землянка обогревалась очагами, сложенными на высоте пятидесяти — шестидесяти сантиметров от пола. В каждой из землянок на полу были обнаружены следы золы, обломки глиняных горшков, костяные наконечники для стрел, кости животных и другие предметы. Между землянками были обнаружены две ямы диаметром полтора-два метра, глубиной в полтора метра. Стены ямы некогда были облицованы досками, в них хранилось зерно. Это подтверждается достоверными материалами. Доски и зерно в яме еще в древности обуглились от огня и поэтому очень хорошо сохранились.

Ритуальное захоронение конечностей лошади. Бирский могильник, V—VII вв. н. э.

У бахмутинцев кроме поселений на открытой местности на случай опасности существовали и укрепленные городища. Сейчас известно более пятидесяти таких бахмутинских городищ по берегам Белой, Камы, Уфы и Быстрого Таныпа. Некоторые из них были сделаны с большой затратой труда и по тем временам представляли из себя неприступные крепости. Городище близ села Юмакаево Бураевского района окружено земляным валом большой высоты, другое городище близ села Каратамак того же района обнесено земляным валом четырехметровой высоты. В бахмутинское же время продолжало существовать и вышеупомянутое Сарвихинское городище в Бирском районе. Не исключено, что основные оборонительные сооружения этого грандиозного памятника были построены бахмутинцами.

Хозяйство бахмутинцев было многоотраслевым. Они занимались земледелием — об этом свидетельствуют находки обугленных злаков, имеются об этом и другие сведения. Например, в Каратамакском могильнике было найдено три

железных серпа, на многих городищах встречаются обломки каменных зернотерок. Другим основным видом хозяйства было скотоводство. По собранным сведениям известно, что у бахмутинцев, особенно начиная с V века, преобладало коневодство. Мы это видим на примере увеличения находок костей лошади в погребальных ~~сооружениях~~ ^{захоронениях} бахмутинцев. Они при похоронах своих соплеменников обязательно оставляли в могиле конское мясо, конские железные удила. В Бирском могильнике среди могил, относящихся к V—VII векам, часто встречаются кости лошадей — черепа, бабки, и т. п. По всей вероятности, коней приносили в жертву, обязательную для сопровождения умершего на тот свет. По обычаям тех времен лошадь закалывали, мясо приносилось в жертву или съедалось на погребальной тризне, а оставшиеся кости и шкуру закапывали в яме рядом с могилой покойного. Считалось, что кости и шкура на том свете вполне заменят умершему верховую лошадь.

КАРА-ЯКУПОВСКИЕ ПЛЕМЕНА

На территории левобережья Белой, ограниченной, примерно, реками Дема и Сюнь, для второй половины 1 тысячелетия нашей эры выделяется еще одна группа памятников, отличающаяся своеобразием материала. Эти памятники начали выявляться лишь в последние 10 лет и пока изучены очень слабо. Но уже собранные материалы убедительно овидетельствуют, что обитатели этих памятников сыграли важную роль в ранне-средневековой истории Южного Урала.

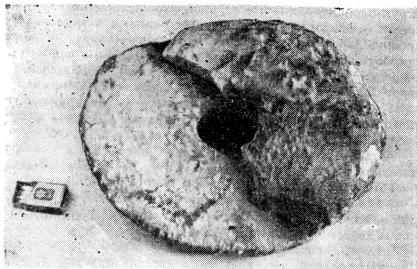
Характерными памятниками указанной группы являются Кара-Якуповское и Старо-Калмашевское городище. Первое городище расположено на высокой горе, на правом берегу реки Дема, недалеко от деревни Кара-Якупово Чишминского района. Местному населению городище известно как Калатау (город-гора) или Хан-кала (Хан город). С трех сторон городище окружено крутыми склонами, а с западной — защищено рвом и двумя земляными валами. Памятник был открыт в 20-х годах нашего столетия М. И. Касьяновым, а первые научные исследования на нем провела археологическая экспедиция Башкирского университета под руководством Г. И. Матвеевой. Материал раскопок небогат, и довольно однороден. Это — тонкостенные

круглодонные глиняные горшки, украшенные по горлу косыми насечками и круглыми выпуклинами в виде полугорошин. Среди сосудов встречаются экземпляры, орнаментированные по горлу тонкими горизонтальными поясками и чередующимися зонами взаимопересекающихся насечек. На городище найдена бронзовая накладка, примерно, VII—IX вв., железный наконечник стрелы, инструмент для изготовления ложек (ложкарь), глиняные пряслица и обугленные зерна пшеницы-полбы.

Старо-Калмашевское городище находится в Чекмагушевском районе, примерно, в 5 км от деревни Старо-Калмашево и расположено на высоком отроге горы, называемом Хан-кала. Хотя первые раскопки на городище провела наша археологическая экспедиция, но его открытием мы обязаны известному краеведу района Г. В. Воробьеву, который собрал на городище значительный подъемный материал. Попутно нельзя не упомянуть здесь другую заслугу Г. В. Воробьева — он нам передал сведения почти о 20 археологических памятниках в Чекмагушевском районе, что является результатом его многолетних наблюдений и поисков. На этом городище побывала также археологическая экспедиция под руководством Г. И. Матвеевой. В итоге раскопок этой экспедиции на городище был собран значительный керамический материал, который, в основном, повторяет находки с Кара-Якуповского городища.

Остальные памятники Кара-Якуповского типа пока известны лишь по фрагментарным материалам, собранным во время первичного их обследования. Керамика Кара-Якуповского типа, например, обнаружена на городище Уфа-II на территории города Уфы, на Кушнаренковском городище и в ряде мест по рекам Дема и Чермасан. Отдельные фрагменты этой керамики найдены также на памятниках, расположенных на правом берегу реки Белой. Таковыми, в частности, являются Благовещенское городище, Дуванейское и Юмакаевское селища. Эти последние данные указывают, что отдельные группы Кара-Якуповских племен расселялись севернее основной их территории.

По материальной культуре племена, оставившие памятники типа Кара-Якуповского и Старо-Калмашевского городищ, резко отличались от племен Южного Приуралья рубежа и середины I тысячелетия нашей эры. Эти памятники со своеобразной культурой не могли возникнуть внезапно у местного приуральского населения и поэтому, по

Жернова от ручной мельницы. Удмуртское селище, VI—IX вв.
Гаскопки Г. И. Матвеевой.

единодушному мнению археологов, на них обитали племена, пришедшие сюда из Зауралья и из южно-сибирских степей. В районе верхнего и среднего течения реки Иртыш казахскими археологами выявлен ряд поселений с керамикой, в основных чертах повторяющей керамику Кара-Якуповских памятников.

Накопленного археологического материала пока недостаточно, чтобы точно определить время прихода в Западное Приуралье кара-якуповских племен. По-видимому, это событие произошло где-то на рубеже VI—VII вв., хотя конкретного материала, говорящего о нем, нет. При исследовании вопроса о времени существования кара-якуповских племен немаловажную роль может сыграть такой факт, как отсутствие на Кара-Якуповском и Старо-Калмашевском городищах фрагментов керамики бахмутинского типа. Если бы кара-якуповские племена существовали одновременно с бахмутинцами, то близкое территориальное соседство непременно привело бы к их взаимному культурному сближению, что нашло бы отражение в смешанности археологического материала. Отсутствие такой смешанности, безусловно, говорит о том, что кара-якуповские племена не имели продолжительного контакта с населением бахмутин-

ской культуры. С другой стороны, оно может быть рассмотрено как доказательство одновременного, в основном, существования указанных двух групп населения. Действительно, имеются многочисленные находки, которые указывают на то, что жизнь на поселениях кара-якуповского типа протекала в VIII—X вв., т. е. в послебахмутинское время. Одной из таких датирующих находок является вышеупомянутая бронзовая накладка ремня, относящаяся, примерно, к VIII в. н. э.

Большим пробелом в изучении истории кара-якуповских племен являлось отсутствие могильников, которые дали бы более богатый разносторонний материал. Полевые исследования нескольких последних лет оказались обнадеживающими и привели к открытию ряда могильников, которые имеют тесную связь с кара-якуповскими поселениями. Таким, например, является Манякский могильник в Калта-синском районе, где в результате двухлетних раскопок (1967—1968 гг.) собран интересный материал, освещающий историю племен на территории северо-западной Башкирии в послебахмутинский период. С изучением Манякского могильника связаны интересные обстоятельства.

Могильник открыт нашей экспедицией около деревни, на правом берегу реки Быстрый Танып во время археологической экспедиции. В тот день я с одним из помощников осматривал берег реки на участке между мостом через реку и устьем реки Тыхтэм. К концу дня, когда мы уже изрядно устали, неожиданно были найдены на пашне обломки керамики, которые свидетельствовали о некогда существовавшем здесь поселении бахмутинской культуры (II—VII вв.). Обломки керамики были распространены на значительной территории, и мы начали собирать их на пашне, несколько раз просматривая один и тот же участок. Вдруг вместе с обломками керамики был найден маленький, величиной с пятак, сильно сгнивший обломок человеческого черепа. Находка слишком незначительная, чтобы говорить о каком-то открытии. И мы ушли дальше по маршруту, не придав ей особого значения. Но в последующие два дня меня беспокоил вопрос — откуда на территории поселения бахмутинской культуры появился могильник, где, как у ананьинских и пьяноборских племен, захоронения могли быть очень неглубокими. Не найдя утешительного ответа, на третий день мы вынуждены были вернуться для повторного изучения. Только раскопки могли дать ясный ответ

на беспокоившие нас вопросы. Руководство Манякской восьмилетней школы удовлетворило нашу просьбу и для оказания помощи экспедиции выделило один, кажется, пятый класс. Мы с юными друзьями заложили два небольших раскопа, в которых вначале не было никаких находок. Через три часа работы, когда ребята уже сильно устали, в одном раскопе выявился край какого-то пятна, напоминающего очертание могильной ямы и уходящего в стенку раскопа. Ребята, окрыленные надеждой что-то найти, вмиг расширили раскоп. Впоследствии выяснилось, что это была настоящая могильная яма длиной 2 м, шириной 70 см. Случайно обнаруженная могила оказалась самой богатой из всех тех, которые затем исследовались на этом памятнике на протяжении двух полевых сезонов. В могиле находился мужской костяк, положенный вытянуто, на спине, головой на север. В изголовье умершего стояли два целых глиняных сосуда с богатым орнаментом, а рядом лежала плечевая кость лошади и железный нож. Но самые интересные находки были сделаны под костяком. Это длинный железный двулезвийный меч в деревянных ножнах и остатки поясного ремня, украшенного серебряными позолоченными накладками. Найдки позволяли определить возраст могилы примерно VII или началом VIII в. Для нас могила уже представляла большой интерес, так как до сих пор в Северной Башкирии никому не удавалось открыть памятник, который бы рассказал об истории населения края непосредственно в послебахмутинское время. Поэтому в данном случае мы имели полное основание полагать, что такие могилы, если они обнаружатся, дадут материал, освещающий в какой-то степени судьбу послебахмутинских племен. Все это внушало мысль о необходимости проведения на этом месте широких раскопочных работ. Но раскопки могли быть начаты лишь через месяц, после того, как был закончен весь заданный разведочный маршрут. В экспедицию к этому времени в качестве рабочих-землекопов были приглашены студенты-биологи Московского университета под руководством М. С. Акимовой, студенты-историки Башкирского университета и учащиеся старших классов средней школы № 3 города Нефтекамска под руководством преподавателя истории Е. А. Фроловой.

Однако всем этим бескорыстным помощникам экспедиции вначале пришлось пережить много трудных дней, прежде чем добрались до интересных находок. Раскопки, в кото-

рых приняло участие более 30 человек, были продолжены вокруг первой обнаруженной могилы. Твердая земля трудно копалась, ее пришлось разбивать ломами и кирками. Первый день прошел безрезультатно. Затем второй... пятый... девятый. Прокопано много участков, но находок нет. Видя, что работа ведется впустую, нефтекамские ребята начали собираться домой. Тогда мы решились на самую крайнюю меру: при снятии почвенного слоя прибегнуть к помощи бульдозера. Применение бульдозера, скрепера или грейдера при раскопках всегда сопровождается большим риском разрушить исследуемый объект, но в данном случае оно было крайне необходимым. Первые же минуты работы бульдозера принесли нам интереснейшие открытия, и собравшиеся было домой нефтекамские ребята остались в экспедиции еще на 15 дней. Я не могу не упомянуть и бескорыстную помощь работников нефтепромыслового управления «Южарланнефть», начальника управления Ф. Р. Дильмухаметова. В течение двух летних сезонов (1967—1968 гг.), когда наша экспедиция нуждалась в бульдозерах, автомашинах, продуктах питания, короче во всем, — она постоянно могла рассчитывать на поддержку друзей — нефтяников.

На Манякском могильнике было исследовано около 40 погребений.

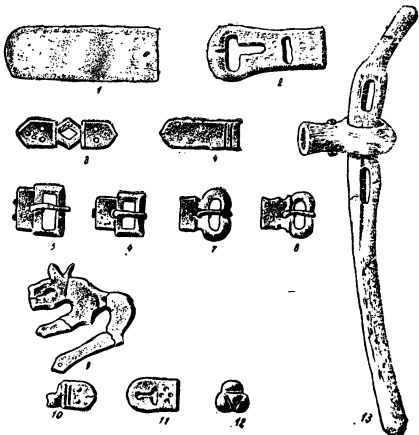
Преобладающая часть раскопанных могил еще в древности была ограблена. В могилах были найдены остатки поясных наборов — серебряные и бронзовые пряжки, накладки, а также предметы украшений — серьги, бусы, шейные и нагрудные подвески. В могилах Манякского могильника обнаружены также костяные накладки сложного лука, костяные и железные наконечники стрел, топор, удила и стремяна. Все эти предметы датируются VII и началом VIII в. н. э.

Основную часть находок составляют глиняные сосуды, которые встречаются в могилах сразу по несколько и делятся по форме на три типа. К первому типу относятся круглодонные горшки, по форме и орнаменту очень близкие горшкам из Кара-Якуповского и Старо-Калмашевского городищ. Могильник и поселения можно рассматривать как комплекс памятников одной родственной группы племен, из Кара-Якуповского и Старо-Калмашевского городищ.

Наиболее распространенным является второй тип посуды, к которому относятся сосуды, по форме и орнаменту

повторяющие сосуды из вышеописанного первого погребения. В археологической культуре эта керамика известна под названием «кушнаренковский» тип — по наименованию Кушнаренковского могильника, где А. П. Шокуровым был найден первый подобный горшок. Нельзя не отметить, что некоторые исследователи (С. М. Васюткин, Г. И. Матвеева), учитывая своеобразие керамики кушнаренковского типа, проявляющееся в резком отличии от керамики турбаслинской и бахмутинской культур, рассматривают ее в качестве признака самостоятельной археологической культуры. Сторонники этого мнения полагают, что указанная керамика принадлежала отдельной группе племен, отличающейся от турбаслинцев, бахмутинцев и им подобных по культуре и происхождению. Однако такое утверждение не является бесспорным. Несмотря на оригинальность формы и орнамента, эта керамика в памятниках Южного Урала V—VII вв. встречается в очень небольшом количестве и всегда в виде незначительной примеси к основному археологическому материалу, который относится либо к турбаслинской, либо к бахмутинской культурам. Эта керамика в таком же незначительном количестве встречена в Старо-Калмашевском городище. Следует также учесть, что территория распространения этой керамики значительно шире, чем та территория, которую занимают памятники указанных трех типов. Эта керамика, кроме того, на Южном Урале существует до X в. и, вероятно, в более позднее время тесно связывается с культурой башкир. Исходя из приведенных соображений, керамику кушнаренковского типа трудно пока связать с какой-либо определенной группой племен. Скорее всего, в северных и центральных районах Башкирии она появилась как разновидность керамики пришедшего в VI—VII вв. населения. Надо отметить, что Манякский могильник является первым памятником, где собрана самая богатая коллекция этой керамики.

Одной из особенностей устройства Манякского могильника является редкое расположение могил. Все раскопанные там 40 могил располагались на значительном удалении друг от друга. Создается впечатление, что над могилами сначала имелись невысокие земляные насыпи, впоследствии полностью разрушенные при ежегодной вспашке. Косвенным материалом, указывающим на курганный характер Манякского могильника, служит Ново-Биккинский курган, раскопанный нашей археологической экспедицией в 1970 го-

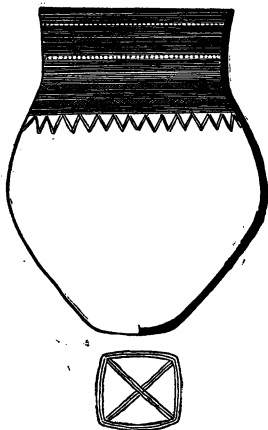
Материал из Ново-Биккинского кургана. VII—VIII вв. н. э.

1, 3, 4, 10-12 — накладки ремня; 2, 5-8 — пряжки; 9 — украшение в виде фигуры лошади; 13 — деталь от удила.

ду у деревни Ново-Биккино в Чекмагушевском районе. Этот курган содержал одну разграбленную могилу, где обнаружены два глиняных сосуда кушнаренковского типа, кости лошади, а также несколько серебряных пряжек и накладок. Рядом с могилой находились небольшая яма, предназначавшаяся, вероятно, для укладки части погребального инвентаря. Здесь находились остатки лука, железные наконечники стрел, удила с костяными псалиями и кости лоша-

ди. Весь этот материал очень схож с материалом Манякского могильника, но отличается лишь наличием небольшой курганный насыпи. Не исключено, что в Ново-Биккинском кургане похоронен представитель племени, обитавшего на Старо-Калмашевском городище (расстояние между этими памятниками около 10 км).

Материалы Манякского могильника освещают определенный этап в развитии истории населения территории северной и северо-западной части Башкирии. Важным является то, что культура этого памятника резко отличается от предшествующей ей бахмутинской культуры, поэтому мы уверенно можем считать, что Манякский могильник оставлен не бахмутинскими племенами, а людьми, которые для этой части территории Башкирии являются пришлым населением. Обращает на себя внимание еще тот факт, что Ма-

Сосуд из Ново-Биккинского кургана. VII—VIII вв.

някский могильник появился на территории поселения бахмутинской культуры после того, как оно было покинуто. Об этом говорят обнаруженные в заполнении многих могил обломки керамики бахмутинской культуры. Если бы бахмутинское поселение существовало после могильника, то обломки керамики этого типа стратиграфически залегали бы в верхних отложениях культурного слоя, и последний не разрушался бы могилами.

Из сказанного становится очевидным, что нашей экспедицией исследованы два памятника (поселение и могильник), находящиеся рядом, которые принадлежат разным по происхождению и культуре племенам. Не говорят ли приведенные наблюдения о смене, может быть, частичной, населения северной Башкирии на рубеже VII в.? Уместно будет вспомнить широко распространенное в археологической литературе мнение, впервые высказанное А. В. Шмидтом о том, что где-то в VII в. бахмутинская культура в Приуралье прекращает свое существование, что связано с уходом ее носителей с данной территории. А. В. Шмидт полагал, что в это время на Средней Каме и в Северной Башкирии произошла значительная смена населения, причины которой он склонен был объяснить приходом сюда новой группы племен. Материалы Манякского могильника в какой-то степени служат подтверждением этого мнения.

ДРЕВНИЕ МАДЬЯРЫ

Древняя история Башкирии вплоть до VI—VII вв. нашей эры была изложена нами, главным образом, на основании археологических материалов. Но уже с VII—VIII вв. в письменных источниках начинают встречаться названия некоторых племен Южного Урала. Будет вернее сказать, что все эти документы появились лишь после X в., но данные, которые в них приводятся, позволяют отнести их сведения к более раннему времени.

Часть письменных документов свидетельствует о том, что в VII—VIII вв. в Западном Приуралье жили древние предки современных венгров — мадьярские племена.

Тысячу лет назад на Северном Дунае возникло венгерское королевство, которое возглавил князь Арпад. Основу первого венгерского государства составляли семь мадьярских племен, вышедших с востока, с земли, расположенной

на левом берегу Волги. Народам Западной Европы появление в Дунайской низменности совершенно чуждых кочевых мадьярских племен показалось странной загадкой, а затем венграм, имеющим свою родину и государство в Карпатах, еще более интересным представлялось разрешение этой загадки. Они создавали увлекательные легенды о причинах и путях переселения своих ближайших предков в Западную Европу, о том, в каких краях они раньше жили, об их воинственной жизни. Ради справедливости следует отметить, что этим легендам в те же времена (X—XII века) была дана правильная оценка. Венгры, когда перешли в католическую веру и овладели культурой книгопечатания, записали и опубликовали часть этих легенд, что является для ученых неоценимым научным источником.

В одной из таких легенд описывается путь древних мадьярских племен на запад. «В 884 году от воплощения господя семь старейшин (руководителей семи племен — Н. М.), которые называются Хетумогер (речные венгры), двинулись со скифской земли к западу. Среди них был предводитель Алмуш сын Уфека из рода короля Магога, муж доброй памяти, господин и советник их со своей женой и сыном своим Арпадом вместе с великим множеством союзных народов. После долгих дней пути по безлюдным местам, они надув свои кожаные мешки воздухом, переправились через Этил (Волгу) и вплоть до самой России на своем пути не встречали ни дорог, ни сел, питались только мясом и рыбой. Чтобы овладеть наследием первого предводителя рода Алмуша-Атилы, они шли от Суздаля к Киеву, а потом через Карпатские горы в Паннонию». Приведенный отрывок легенды, похожей на сказку, дает важные сведения о том, что древние мадьярские племена появились из-за Волги, в нескольких днях пути от нее, примерно с Урала. Эти сведения в целом согласуются с данными других письменных источников и прочих материалов.

В начале XIII века венгерский король посылает специальную посольскую миссию под главенством монаха Юлиана на восток, чтобы разыскать земли древних предков и оставшиеся там родственные племена. Им было дано также задание по возможности распространить там католическую веру.

Юлиан со своими спутниками переплывает Черное море и прибывает в Константинополь. Оттуда, минуя Кавказ, достигает Волги. Путешествие оказалось очень трудным,

Юлиан по пути теряет своих спутников, а сам, нанимаясь к различным караванщикам, добирается до болгар, живших в устье Камы. В столице болгар он встречает одну женщину из мадьярского племени, выданную замуж за болгарина, и после расспросов ее узнает, что племена мадьяр живут в нескольких днях пути от столицы болгар. В скором времени он, получив напутственные наставления этой женщины, выходит в путь и находит на берегах Этила (Идели) своих сородичей. Они рассказали Юлиану, что дунайские мадьяры им родственны и переселились туда из здешних мест. «Они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский», — писал впоследствии Юлиан о своем путешествии.

Погостив немного у братьев по крови, Юлиан спешит домой, чтобы порадовать короля своим открытием. На другой год он снова выходит в дальнюю дорогу к берегам Волги, но достичь цели ему мешает начавшееся нашествие татаро-монголов. Он встречается с вышедшими ранее его товарищами и узнает от них, что монголы разгромили мадьярские племена, многих людей уничтожили, а оставшиеся в живых спаслись бегством, уйдя в страну русов — в Суздаль. Между прочим, 80 лет спустя после Юлиана, в Башкирии побывал другой венгерский монах Иоганка, но у него нет ни одного упоминания о каком-либо встреченном здесь мадьяре. По-видимому, остатки мадьяр действительно во времена нашествия монголов бросили родные края и смешались с другими народами.

Юлиан не оставил ясного указания о том, где он встретил мадьяр и переправлялся ли он через Волгу или нет. Тем не менее, по мнению многих историков, Юлиан встретил древние мадьярские племена в междуречье Камы и Белой. Во-первых, в те времена Кама считалась продолжением Волги и также ^{носила} название Этил, как и Волга в нижнем ее течении. В этом плане упомянутая Юлианом река Этил, по всей вероятности, была Камой в ее среднем течении, то есть там, где в нее впадает Агидель. Во-вторых, помня по древней легенде, что мадьяры жили во многих днях пути восточнее Волги, можно предположить, что Юлиан действительно был в междуречье Камы и Агидели. В-третьих, сведения обоих исторических документов подтверждаются несколькими письменными документами средневековья.

Например, в середине XIII века король Франции направляет к монголам посольство во главе с Гильомом Руб-

руком. В своей рукописи он пишет так: «После 12 дней пути от Волги мы достигли большой реки, называемой Яком. Эта река течет с севера, где находятся земли паскатилов (башкиров). Язык паскатилов одинаковый с венгерским. Они кочевники, не имеющие ни сел, ни городов (скотоводы). Их страна на западе граничит с Великой Булгарией и оттуда, из страны паскатилов, некогда вышли гунны, называемые венграми». Подобные исторические сведения приводит другой западно-европейский путешественник Плато Карпини. Он в своем труде называет территорию Башкирии «Великой Венгрией». Если древние венгерские легенды и записи Юлиана не дают ясных сведений о местонахождении мадьяр, то Г. Рубрук и П. Карпини конкретно указывают на место их древнего пребывания.

То, что древние мадьярские племена жили на Южном Урале, подтверждается также переводом географических названий ряда местностей на территории Башкирии. Например, башкирские языковеды Дж. Киекбаев, А. А. Камалов выявили много таких названий, истоки которых надо искать в венгерском языке. К числу таких названий относятся слова Магаш, Сайрыш, Изэш, Касмарт, Эр, Вэрэш, Вашаш и другие.

Слово «Инзер», которым называется река в Башкирии, по мнению некоторых языковедов (например Дж. Г. Киекбаева) в своем происхождении соприкасается со словом *hунгар*. Если исходить из такого предположения, то башкиры с течением времени передали это слово соответственно своему тюркскому произношению, переназив его на Инзер. К тому же в современной Венгрии существуют такие топонимические наименования, как широко распространенные в Башкирии Сакмар, Тазлар, Токсаба и т. д.

Другим важным доказательством, подтверждающим пребывание древних венгров в Приуралье, является общность в названиях племен венгров и башкир. Так, например, в составе мадьярского союза, завоевавшего в конце IX века территорию Паннонии, находились племена Юрматы, Кесе, Еней, названия которых полностью совпадают с названием соответствующих башкирских племен. Это сходство ученые объясняют тем, что какая-то часть башкир вместе с мадьярами ушла на запад, а другая осталась на Урале. Если иметь в виду письменные источники и другие материалы, то с этим мнением нельзя не согласиться.

Еще недавно под редакцией профессора Дж. Г. Кiekбаева вышли в свет на башкирском языке венгерские народные сказки. По мнению Дж. Г. Кiekбаева в сказках башкирского и венгерского народов много схожего в сюжетах, содержании, в именах героев и в названиях родов и племен.

Следует отметить, что известный венгерский языковед Петер Хайду в результате своих исследований пришел к выводу, что многие названия растений и животных на венгерском языке (например, терпе — еж) сохранились с тех времен, когда древние мадьяры проживали на Каме.

Приведенные выше данные различных наук свидетельствуют о том, что обитание древне-мадьярских племен в предгорьях Южного Урала, видимо, является историческим фактом.

Сведениями о древних мадьярах среди уральских археологов впервые заинтересовался А. В. Шмидт. Изучив бахмутинскую культуру, он указывает, что она просуществовала на Южном Урале лишь до VII века. Внезапное исчезновение бахмутинской культуры, по мысли А. В. Шмидта, было вызвано уходом ее носителей с данной территории. Таким образом, уход бахмутинских племен с Урала по времени совпадает с появлением древних мадьяр на берегах Волги. Как уже говорилось выше, уход бахмутинцев с территории Приуралья не рассматривается нами как единовременный акт. По мнению А. В. Шмидта, в это время отсюда уходит и часть верхнекамского населения. Эта мысль, высказанная в форме гипотезы, получила затем поддержку в трудах многих советских археологов (Р. Б. Ахмеров, О. Н. Бадер, В. Ф. Генинг, Е. И. Горюнова, Г. В. Юсупов и многие другие). Мысль о пребывании древневенгерских племен в Приуралье вошла также во многие обобщающие труды по древней истории нашей страны. В качестве примера могут служить «Очерки истории СССР III—IX вв.», изданные в 1958 году институтом истории и Институтом археологии АН СССР.

А. В. Шмидт жил и работал в 30-х годах, и в сравнении с тем временем бахмутинская культура сейчас изучена более основательно. В настоящее время выявлено еще несколько групп племен, живших одновременно с бахмутинцами, о которых ничего не было известно А. В. Шмидту. Однако, как бы ни обновлялись и ни обогащались археологические материалы и сведения, высказанная А. В. Шмидтом

гипотеза в отношении бахмутинской культуры, в основном, остается приемлемой и сейчас.

На территории Башкирии и на Средней Каме среди десятков бахмутинских памятников нельзя встретить ни одного, возраст которого переваливал бы за VII век. Утвердительно можно сказать, что бахмутинская культура на Урале просуществовала лишь до начала VIII века. Внезапное исчезновение большой группы родственных племен невозможно, поэтому прекращение развития бахмутинской культуры и ее исчезновение можно объяснить лишь переселением этих племен на другую территорию. А уход бахмутинцев с Урала совпадает со временем появления на Волге мадьярских племен. Если с доверием отнестись к топонимическим материалам и письменным документам и согласиться с тем, что мадьяры жили на Южном Урале, трудно не признать тесной связи их предков с бахмутинскими племенами.

К отличительным чертам культуры первых мадьяр можно отнести многочисленные кожаные мешки, богато украшенные геометрическими узорами, покрытые серебряными накладками пояса. Эти пояса по своей форме очень напоминают пояса бахмутинцев из Бирского могильника. Они так же, как и бирские пояса, пристегиваются к пряжке пришитым с внутренней стороны коротким ремешком, а украшенный металлическими накладками конец пояса свешивается кистью вниз. В культуре бахмутинцев и мадьяр IX в. имеется также некоторое, правда, отдаленное сходство и в погребальном обряде (грунтовый характер могил, кости лошади и т. д.).

Следует отметить, что сходство между культурами бахмутинцев и древних мадьяр проявляется меньше, чем обычно бывает между племенами, тесно связанными друг с другом по происхождению. Но в данном случае нельзя забывать о том, что ушедшие с Урала и пришедшие на Дунай мадьяры не состояли сплошь из бахмутинских племен. Если исходить из современных этим событиям исторических источников, будет правильнее полагать, что бахмутинцы составляли лишь небольшую часть этого союза. Вполне возможно, что к этому союзу племен, наряду с бахмутинцами, частично примкнули также турбаслинцы и другие жившие рядом с ними приуральские племена. Во-вторых, между бахмутинцами и культурой первых мадьяр имеется промежуток времени в два столетия. Период между уходом мадья-

яр с Урала и появлением их на Дунае для ученых пока остается загадкой, потому что среди многочисленных археологических материалов трудно выделить черты, свойственные только одним мадьярам. А это в свою очередь служит причиной того, что нынешние ученые не могут дать конкретные сведения о первоначальной территории расселения древних мадьяр, об их жизни и культуре. Но, несмотря на это, данный период для союза мадьярских племен оказался очень важным в деле формирования их политического и культурного облика. В эти века мадьяры жили на Волге и на Дону, общаясь с хазарами и подчиняясь им. В этот же период в мадьярский союз вливаются отделившиеся от Хазарского государства несколько хазарских племен, которые разговаривали на тюркском языке.

Мадьяры долгое время кочевали по Днепру, северным берегам Черного моря. Как свидетельствуют письменные источники, страна мадьяр перед их приходом в Паннонию находилась на правом берегу Волги и называлась Леvedией-Этелькузой. В это время мадьяры на стороне Византии принимают участие в многочисленных походах против дунайских болгар. Однажды они, погрузившись на греческие корабли, переправляются через Черное море в страну болгар, захватывают ее, грабят, берут много пленных, которых продают в рабство грекам. Булгарский царь после нескольких поражений на поле битвы вынужден склонить голову перед мадьярами. Однако коварный царь Симеон, вынашивая планы мести, на всю жизнь остается врагом мадьяр и впоследствии заключает против них союз с печенегами. В тот момент, когда все военные силы мадьяр находились в далеком походе, объединенные силы болгар и печенегов обрушиваются на страну мадьяр, опустошают ее, умерщвляют часть населения, а остальные в ужасе спасаются бегством. Вернувшиеся из похода мадьяры застают свою страну в ужасном положении и решаются перенести ее в другое место. Это событие происходит летом 895 года, а осенью того же года мадьяры завоевывают Паннонию — нынешнюю территорию Венгрии. Булгары и печенеги всех молодых мадьярских женщин либо умертвили, либо угнали с собой в полон. Поэтому мадьяры, захватив себе новую территорию, начинают испытывать нужду в женском населении. С целью заполучить себе хозяек и жен они неоднократно организовывают набеги на соседние славянские племена.

Естественно, что в таких политических условиях, когда более двухсот лет жизни ушло на бесконечные боевые походы, национальная культура мадьяр, после ухода с Урала и до появления их на Дунае претерпела значительные изменения. С учетом сказанного нельзя придавать большого значения разнице в культуре племен Западного Приуралья VI—VII вв. и дунайских мадьяр X в. На эту разницу, видимо, следует смотреть как на необратимый результат воздействия двух столетий на культуру этих родственных групп племен.

Из вышеизложенного ясно, что теория о пребывании древнемадьярских племен в Южном Приуралье располагает широким кругом научных доказательств. Но насколько долго древние мадьяры жили в этом районе, письменные источники молчат, и решение его, как и всей проблемы о древних мадьярах, во многом зависит от будущих археологических исследований, которые должны четко выявить древнемадьярскую культуру и истоки ее формирования. Пока этот вопрос остается предметом острых разногласий среди уральских археологов.

Как известно, А. В. Шмидт в своих исследованиях этот вопрос о происхождении приуральских угорских племен (бахмутинских) не затрагивал. В начале 50-х годов О. Н. Бадером было высказано мнение, что в IV—V вв., в период «Великого переселения народов», в Верхнее Прикамье из-за Урала проникают угорские племена. Хотя О. Н. Бадер под этими уграми еще не подразумевал древнемадьярские племена, но впоследствии именно это мнение было перенесено на племена бахмутинской культуры на Средней Каме и в Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры, которые археологами признавались пришельцами из Сибири. Автором такого расширительного толкования мнения О. Н. Бадера и горячим его защитником в настоящее время является В. Ф. Генинг. В ходе наших работ по изучению бахмутинской культуры, нами было доказано, что она возникает на основе культуры местных племен предшествующего времени. Исходя из предположения, что бахмутинские племена, действительно имеют отношение к древним мадьярам и своим происхождением прямо связаны с местными караабызо-пьяноборскими племенами, нами была высказана мысль, что последние в этноязыковом отношении могли быть древними уграми. Аналогичного мнения по этому вопросу придерживался

Г. В. Юсупов. Надо подчеркнуть, что вначале это мнение резко оспаривалось археологами Урала и Поволжья, они отстаивали идею прихода угров в Западное Приуралье в середине I тысячелетия из южно-сибирских степей. Если идея пребывания древних мадьяр в Западном Приуралье, в целом верна, то интерпретация имеющегося здесь археологического материала в поисках истоков их культуры должна привести любого археолога к выводу об обитании древних угров на этой территории сравнительно долгое время. Об этом свидетельствуют кроме археологического материала и данные топонимики, выявляющей большой пласт древнеугорских названий. Он не мог образоваться, если предположить, что древнеугорские (мадьярские) племена в Южном Приуралье находились в течение короткого времени.

Эти рассуждения не могли не учитываться другими археологами и не оказаться в выводах их исследований. В этом отношении за последние годы идея угроззычности приуральского населения (или части его) задолго до нашей эры приобрела новых сторонников. Так, например, К. В. Сальников недавно пришел к убеждению, что черкаскульские племена эпохи бронзы, широким массивом заселявшие среднее и нижнее течение реки Белой и ее притоков, говорили на древнеугорском языке.

Роль черкаскульских племен в формировании культуры эпохи раннего железа пока еще не очень ясна, но вывод об их угроззычности ставит на реальную основу проблему о ранних уграх в Южном Приуралье в целом. Среди сложного по составу материала археологических памятников карабызо-пьяноборских племен с территории Башкирии угорский комплекс выделяет сейчас и А. Х. Пшеничный. Он считает, что памятники убаларского типа составлены угроззычными племенами. Все эти мысли и рассуждения пока не выходят за пределы рабочих гипотез и должны быть проверены на большом новом археологическом материале.

РАННИЕ БАШКИРЫ

Примерно половина вопросов, которые задаются археологу местным населением, связана с происхождением современных народов. Содержание таких вопросов определяется

в зависимости от того, где проходит работа археолога. В условиях Урала они связаны, прежде всего, с происхождением башкир, татар, удмуртов, мари, коми и т. д. Повышенный интерес к этому вопросу вполне объясним: каждый хочет узнать истоки своего народа, кто были его древнейшие предки и т. п. С другой стороны, изучение древнейших археологических культур, истории племен, установление закономерностей развития этногенетических процессов должны завершаться определением, хотя бы основных этапов и характера происхождения народа, который является коренным населением той или иной территории. В этом состоит одна из главных задач археологической науки, изучающей древнейшее прошлое человеческого общества на основании остатков материальной культуры. Однако уровень развития этой науки и источниковедческого материала еще не отвечает тем требованиям, которые предъявляются ей самой, и в объяснении конкретной истории формирования многих народов имеется много пробелов и неясностей. Последнее в полной мере относится и к башкирам.

Происхождение народов — одна из самых сложных проблем исторической науки. Чтобы правильно осветить ее, требуется привлечь наряду с археологическими, широкий круг источников — антропологические, лингвистические и других, которые в совокупности дадут необходимую полную информацию об изучаемом народе. Такой комплексный подход к изучению этногенеза народов является необходимым условием. Однако не следует думать, что выводы, допустим, того же археолога будут достоверными только в том случае, если они подтвердятся этнографическими или лингвистическими исследованиями. Нежелательное несоответствие выводов в некоторых случаях, вероятно, еще долго будет сохраняться, так как у каждой из указанных наук объект и методы исследования и возможности объяснения древнейших исторических событий неодинаковые. Так, например, на основании этнографического или лингвистического материала трудно вести суждение о времени и территории контактов древних народов, а археолог испытывает одинаковые трудности при определении языка носителей археологических культур. Эти обстоятельства придают нам, археологам, как и лингвистам, антропологам и этнографам, определенную самостоятельность в изучении происхождения народов. Несмотря на это, в данном вопросе решающая роль должна принадлежать археологам, располагающим неогра-

ническим и хорошо документированным материалом по древней истории.

Как явствует из многочисленных письменных документов, башкиры вот уже более тысячи лет считаются коренным населением Южного Урала. Но вопрос о том, с каких пор они здесь живут, на каком языке говорили их древнейшие предки и, вообще, когда они сложились в один народ с общей территорией, культурой и языком, вот уже несколько столетий привлекает внимание историков, лингвистов, антропологов и других ученых, порождая у них бесконечные споры. Причины этих споров в значительной мере кроются в неконкретности и противоречивости первых письменных источников о башкирах.

Этноним «башкорт» в исторической литературе впервые начинает встречаться с середины IX в. и упоминается в трудах арабо-персидских авторов. К этому времени, в частности, восходит путешествие в Северной Прикаспий некоего Саллама Ат-Тарджемана, владевшего тридцатью языками. Труд Саллама сохранился в изложении другого багдадского автора Ибн-Хордадбека. Судя по сочинениям последнего, Саллам в 27 дней пути от города в устье Волги находит башкир. В источнике нет упоминания, в каком месте — на востоке или на западе Саллам встретил башкир, и относительно этого у исследователей существуют разные мнения. Одна группа авторов считает, что он увидел их в Приаральских степях, а по мнению других — к северу от Каспийского моря, — где-то в Приуралье.

Историк X века Ал-Масуди пишет, что башгарты (башкиры) в конце IX в. участвовали в войне в районе Аральского моря на стороне баджан и наукерди против гузов, карлуков и кимаков. Другой автор этого же периода Ал-Балхи знает о башкирах как о народе, заселявшем горно-лесную страну. «Башдгерды, — пишет он, — разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе **Гузим** — то есть, гузовкуман близ болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны болгарам». В этом описании нельзя не увидеть горы Южного Урала, где ближайшими соседями были болгары в Нижнем Прикамье и гузы в южно-уральских степях.

Из всех средневековых письменных документов о башкирах самыми достоверными являются путевые записи Ибн-Фадлана.

В начале X века царь поволжских булгар обратился к арабскому халифу Мухтадиру с просьбой помочь в распространении в его стране мусульманской религии. Мухтадир не заставил долго ждать и в 921 году направляет к булгарам своих послов. В составе посольства находился его секретарь Ибн-Фадлан, который все путешествие — путевые впечатления, встречи — описал в своих дневниковых записях. Послы халифа, выйдя из Багдада, прибыли в Бухару, затем через степи Средней Азии, через пустыни пробрались к реке Урал (Яик). Мусафиры — проповедники религии прошли свой дальнейший путь через страну башкир и вышли, в конце концов, к Волге. Будучи очевидцем, Ибн-Фадлан оставил очень интересное описание быта, культуры и нравов башкир. Эти сведения среди историков пользуются большим доверием, и поэтому предлагаем читателю полную выдержку из труда Ибн-Фадлана.

«Мы у печенегов остановились на один день. Потом мы отправились, и сделали остановку у р. Джаик (Яик), а это самая большая река, какую мы (только) видели с самым сильным течением. И действительно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней и те, кто был в нем, тонули. И (вообще) погибло много человек из числа (наших) людей и потонуло (некоторое) количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее с трудом.

Потом мы ехали много дней и переправились через Джага, потом после нее через р. Ирхиз, потом через Багач (Муса), потом через Самур (Самару), потом через Кинал (Кинел), потом через р. Сух (Сок), потом через реку Кюнджюлю (Кундырек) и потом попали в страну народа из (числа) тюрок, называемого ^{АЛ-БАШКИРА} ~~БАШКИРА~~. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову берет ее (с собой), а его (самого) оставляет... Каждый из них вырубает палочку величиной с фалл и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретить врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: «О господи, сделай для меня то-то и то-то». Я сказал переводчику: Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому (действию), и почему он сделал это своим господином? Он (спрошенный) сказал: «Потому что я вышел из подобного и не знаю относительно себя иного создателя, кроме этого». Кое-кто из них говорит будто бы у

него двенадцать господинов: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ». Наш господь превыше, что говорят нечестивые, возвышенным величием.

Мы видели, как (одна) группа из них поклоняется змеям, (другая) группа поклоняется рыбам, (еще одна) группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они (когда-то) вели войну с (какими-то) людьми из числа своих врагов, причем они (враги) обратили их в бегство, и что журавли закричали позади них (врагов) так, что они испугались и сами обратились в бегство, после того, как обратили в бегство (этих башкир). Поэтому они (эти башкиры) стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти (журавли) наш господь, так как он обратил в бегство врагов. За это они им и поклоняются».

Историк XII в. Идриси знает о башкирах, которые обитали на берегах реки Камы и на склонах Уральских гор. Известный арабский историк XIII—XIV вв. Рашид-ад-дин относит их к числу крупных тюркоязычных народов. Здесь мы вновь должны вспомнить западно-европейских авторов (Юлиан, Плано-Карпини и Рубрук), которые составили описание Башкирии как страны Великой Венгрии, т. е. башкир отождествляли с мадьярами. Из восточных авторов, единственным автором, написавшем в таком плане, кажется, был Ибн-Русте (X в.), который о башкирах оставил следующую запись: «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища». Судя по его описанию, «башкиры (мадьяры) жили между землею печенегов и землею болгарских эсsegаль», т. е. в Западном Приуралье.

Из всех этих документов мы видим, что башкиры в X—XIV вв. являлись тюркоязычным народом, заселявшим весь Южный Урал с прилегающими сюда районами Оренбургской, Челябинской, Курганской, Свердловской и Пермской областей и Удмуртской и Татарской АССР. Так, во всяком случае, рисуется широкий район, где происходил процесс формирования башкирской народности.

До недавнего прошлого, почти до 50-х годов нашего столетия, вышеприведенные письменные источники явля-

лись единственным доступным науке материалом о ранних башкирах. В этих условиях при полной или недостаточной изученности антропологии, фольклора, языка, этнографии и археологии башкир всякие суждения о происхождении башкир зависели от того, какой группе источников исследователи отдавали предпочтение без какого-либо обоснования своих точек зрения. Так в науке появились и до сих пор существуют теории о финно-угорском или тюркском происхождении башкир.

Родоначальником первой точки зрения был шведский ученый Ф. Страленберг, попавший в плен русским в шведско-русскую войну при Петре I. Его поддержали И. Фишер, А. Шлецер, Уйфальви, Н. Березин. В XIX в. Д. А. Хвольсон высказал мнение о тесном родстве башкир с мадьярами и вогулами. Оно имеет своих сторонников и в наши дни. Крупнейший советский этнограф, профессор Московского университета С. А. Токарев в 1958 году писал, что башкиры по происхождению родственны с венграми и в средневековье подверглись сильной тюркизации.

Сторонники мнения о тюркском происхождении башкир более многочисленны. Одними из первых это мнение в XVIII в. защищали В. Н. Татищев, П. И. Рычков, Д. К. Еврепеев, а в XIX в. И. Малиев, С. Вайсенберг, С. Сомье, П. Назаров. В начале нашего столетия к ним присоединились еще А. Дмитриев, Д. Соколов и С. И. Руденко.

Заслугой С. И. Руденко является первая и наиболее полная антрополого-этнографическая характеристика башкир (книга «Башкиры», выдержавшая три издания (1916, 1925 и 1955 гг.). В своем фундаментальном исследовании он подверг всестороннему анализу быт, материальную и духовную культуру современных башкир. По антропологическому признаку С. И. Руденко доказал неодинаковый этнический состав башкир, что, конечно, было обусловлено сложностью происхождения отдельных их групп. На этом основании он считает, что в состав башкир наряду с преобладающими тюркскими племенами вошла часть финно-угров, вероятно, коренного населения.

В 50-х годах XX столетия вопрос о происхождении башкир начинает освещаться в археологических работах. Первая заслуга в этом принадлежит Р. Б. Ахмерову, написавшему ряд обобщающих работ по данной теме. Надо отметить, что Р. Б. Ахмеров как директор Башкирского республиканского краеведческого музея и главный хранитель

древностей Башкирии внес большой вклад в развитие археологической науки республики. Им опубликован ряд уникальных археологических открытий, и основные выводы автора выдержали проверку временем. Прежде всего имеются в виду его статьи, посвященные систематизации материалов из богатых уфимских погребений I тысячелетия нашей эры.

На основании изучения материалов археологических культур Южного Урала середины и конца I тысячелетия нашей эры и сопоставления их с данными письменных источников Р. Б. Ахмеров еще в 1952 году сделал важный вывод об активном участии местных сармато-аланских и угро-финских оседлых племен в процессе формирования башкирского народа. Этот основной вывод был подтвержден затем в последующих работах как самого автора, так и других археологов. Так, например, касаясь вопроса об этнической принадлежности уфимских погребений V—VII вв., К. В. Сальников в том же 1952 году писал, что в них похоронены ранние башкиры. Мысль этих двух авторов получила дальнейшее развитие во вторичном издании вышеупомянутой работы С. И. Руденко «Башкиры» (1955 г.), где он писал, что этническое ядро башкирского народа, тюркоязычное в своей основе, обитало на Южном Урале еще с первых веков нашей эры.

Большое внимание вопросу об этногенезе башкир было уделено в работе А. П. Смирнова «Железный век Башкирии». Время появления башкирских племен на Южном Урале автор считает возможным относить к VI—VII вв. С этой группой башкир, в частности, он связывает раскопанные Ф. Д. Нефедовым курганы на юге Оренбургской области. Башкиры как народ в представлении А. П. Смирнова сложились в результате прихода на Южный Урал (собственно башкирских) племен и ассимиляции ими местного раннее существовавшего здесь населения. Приход тюркских племен на Южный Урал, по его мнению, произошел около VII в., но, во всяком случае, не позднее конца VIII в.

Как видно из вышеизложенного, мнения археологов хотя в объяснении некоторых вопросов расходятся, в целом близки и сводятся к признанию факта обитания раннебашкирских племен на Южном Урале в VII—VIII вв.

Важный этап в изучении вопроса происхождения башкирского народа связан с многолетними и очень плодотворными исследованиями ведущего башкирского этнографа

Р. Г. Кузеева. Огромной его заслугой является ввод в научный оборот широкого этнографического и фольклорного материала и первая научная интерпретация его в качестве важного источника для освещения ранних этапов истории Башкирского народа. Поиски в этом направлении привели Р. Г. Кузеева к выводу, что древнебашкирские племена находились в тесных этно-культурных отношениях с племенами Средней Азии, откуда они в VIII—IX вв. переселились на Южный Урал. В своих исследованиях Р. Г. Кузеев подтвердил ранее высказанное мнение о том, что в процессе формирования башкирского народа участвовали местные племена финно-угорского происхождения.

Крупным событием в истории изучения происхождения башкирского народа явилась научная сессия, специально организованная для обсуждения этого вопроса Отделением Истории АН СССР и Институтом истории, языка и литературы БФАН СССР в мае 1969 года. Необходимо отметить, что на протяжении последних 10 лет до этого события археологами и этнографами Института истории, языка и литературы БФАН СССР проводились широкие исследования в области археологии Южного Урала и исторической этнографии башкир. Если учесть еще работы по антропологии, языку, фольклору башкирского народа, а также древней и средневековой истории Поволжья, Южной Сибири, Средней Азии, успешно выполненные учеными Уфы, Москвы, Ленинграда, Казани и многих других городов, то к этому времени уже накопился обширный материал, позволяющий по-новому осветить многие вопросы формирования башкирского народа. Научное осмысление этого материала требовало совместного анализа и обсуждения его специалистами всех смежных наук и взаимная проверка данных одной науки другими. Чтобы подвергнуть такому всестороннему обсуждению состояние разработки истории происхождения башкирского народа и обменяться своими мнениями, в Уфу съехались ученые из разных городов Советского Союза, среди которых были археологи, этнографы, лингвисты, антропологи и фольклористы. На сессии было заслушано более 50 докладов и сообщений, посвященных различным вопросам, прямо и косвенно связанным с этногенезом башкир. Обращает на себя внимание тот факт, что почти половина докладов и сообщений сделана была археологами. На этой сессии приняли участие такие известные советские археологи, как О. А. Бадер, В. Ф. Генинг,

В. А. Оборин, А. П. Смирнов, К. Ф. Смирнов, А. Х. Халиков и многие другие.

Большой интерес у участников сессии вызвал доклад М. С. Акимовой «Этногенез башкир по данным антропологии», в котором автор на новом материале еще раз подтвердил мнение С. И. Руденко о дву- или многокомплектности башкир в антропологическом отношении. М. С. Акимова полагает, что по антропологическим особенностям башкиры больше тяготеют к татарам, удмуртам и марийцам и значительно отличаются от казахов, киргизов и других южных тюрко-язычных народов. В формировании башкирского народа, по ее мнению, основную роль сыграли местные племена, антропологический тип которых был общим для других народов Волго-Камского района. Заметную роль в этом процессе сыграли также пришлые тюркские кочевники, которые вносили в состав башкир монголоидные особенности.

В числе основных на сессии были заслушаны доклады археологов В. Ф. Генинга, К. Ф. Смирнова и А. Х. Халикова, которые высказали ряд интересных мыслей о ранних башкирах. Так, например, К. Ф. Смирнов считает, что истоки формирования культуры башкир восходят к археологическим культурам Южного Урала эпохи раннего железа. По мнению А. Х. Халикова, в VI—VIII вв. в Западном Приуралье существовало тюркоязычное население, которое явилось общим предком башкирского и татарского народов. А. Х. Халиков поддержал ранее высказанное мнение о принадлежности Маняжского могильника и памятников типа Ново-Турбаслинских курганов тюркоязычным племенам. Оригинальным, с точки зрения археологического материала, было предположение В. Ф. Генинга о сравнительно позднем (IX в.) приходе собственно башкирских племен на Южный Урал. Башкирский народ сформировался, по его мнению, в результате смешения этих племен с обитавшим здесь населением. Одним из основных на данной сессии был заслушан и обсужден доклад Р. Г. Кузеева «Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX в.», в котором автор дал развернутое изложение своей точки зрения на происхождение башкир. Новые исследования по истории башкирского языка и фольклору были обобщены в докладах Н. Х. Ишбулатова и А. Н. Киреева. Материалы научной сессии затем были полностью опубликованы отдельным сборником в IV томе серийного издания «Археология и этнография Башкирии».

Проведение указанной научной сессии, таким образом, явилось своеобразным итогом комплексного изучения сложного исторического процесса формирования башкирского народа за все предшествующее время. Сессия определила основные задачи по дальнейшему изучению проблемы этногенеза башкир.

Один из успехов научной сессии 1969 года состоит, на мой взгляд, и в том, что она способствовала преодолению существующих разногласий между специалистами разных дисциплин в оценке моментов процесса формирования башкирского народа. Материалы сессии, а также работы последних 2—3 лет по данной теме свидетельствуют, что мнения большинства исследователей сходятся в том, что племена Южного Урала последних столетий I тысячелетия нашей эры имеют прямое отношение к происхождению древних башкир. Открытие и раскопки памятников, оставленных древнебашкирскими племенами этого периода, сейчас многими рассматриваются как одно из лучших достижений молодой археологической науки Башкирии за последнее время. Такая высокая оценка, в частности, имеется в материалах упомянутой научной сессии, где сказано: «Коллектив башкирских археологов за последние годы проделал большую работу по изучению памятников древности Южного Урала, что позволило поставить проблему этногенеза башкир на более высокий уровень». Ниже мы знакомим читателя с наиболее интересными памятниками культуры ранних башкирских племен.

Одним из первых хорошо изученных памятников из рассматриваемого круга является Стерлитамакский могильник. Он был найден в 1950 году около города Стерлитамака. При строительстве содового комбината в 1947—1949 годах на этом месте было обнаружено много человеческих костей и других находок, но они оказались безвозвратно потерянными, так как своевременно не были приняты меры для сохранения обнаруженного памятника. Весть о находках дошла до единственного в то время башкирского археолога Р. Б. Ахмерова лишь в 1950 году. Бросив всю работу, он тотчас же поехал в Стерлитамак, но запоздал: вся территория могильника оказалась занятой строительством. Тем не менее, следуя за продолжающимися земляными работами и производя раскопки на имеющихся свободных участках, Р. Б. Ахмеров нашел около двадцати могил и спас для науки оставшуюся часть этого памятника.

Эти исследованные два десятка захоронений по собранным в них материалам дали возможность сделать некоторые обобщения. Могилы достигали в глубину восьмидесяти сантиметров — одного метра, представляли собой ямы простой формы, покойники были положены головой на запад, местами на юго-запад или северо-запад. Так как могилы исследовались случайно, трудно определить, были ли над ними курганные насыпи.

Возле человеческих останков обнаружено много костей животных, в основном лошадей, а также глиняные горшки, напоминающие своими формами и украшениями турбаслинскую посуду. В женских захоронениях были найдены золотые, серебряные, медные серьги, различные пряжки от поясов, бляхи, стеклянные бусы, зеркала, шейные и нагрудные подвески, остатки шелкового платья. В одной могиле найден серебряный сосуд — кубок. Он мастерски оформлен различными украшениями и изображением двух целующихся голубей. В могилах находились также золотые и серебряные монеты, отчеканенные в 705, 712, 743, 770, 774 и 779 гг. Среди башкир в ту пору не было денежного обращения, и эти ценные деньги не выполняя своей роли на Урале, использовались для украшений в составе ожерелий у богатых женщин.

Наука нумизматика утверждает, что металлические деньги обычно держатся в обращении не более пятидесяти лет. Если иметь это в виду, то возраст Стерлитамакского памятника можно определить VIII—IX вв.

Мужские захоронения богаты оружием. Среди них были длинные мечи, наконечники копий и стрел, топоры, конские удила, стремена, а также пряжки и накладки поясных ремней.

В двух могилах открылась удивительная картина. У захороненных людей на обоих глазах оказались маски, сделанные из очень тонких золотых и серебряных пластин. Трудно найти объяснение, почему наложены эти маски. В Башкирии они впервые найдены в этом могильнике, однако широко были распространены в VIII—IX вв. среди многих племен Европы и Азии. Маски, аналогичные встреченным в Стерлитамакском могильнике, обнаружены также в Поволжье — Танкевском могильнике, оставленном булгарами, и Деменковском могильнике в Пермской области. Наблюдения показывают, что маски встречаются лишь в могилах богатых людей. На этом основании некоторые археологи

полагают, что обычай захоронения с масками связан лишь с богатыми и влиятельными людьми.

В могилах было собрано несколько человеческих черепов. Исследование их показало, что похороненные в Стерлитамакском могильнике принадлежали европейской расе.

При исследовании разнообразных и богатых находок Стерлитамакского могильника Р. Б. Ахмеровым было обращено внимание на то, что они неравномерно распределяются по могилам. Например, рядом с богатыми могилами, содержащими предметы из золота и серебра, встречались и такие, в которых человека провожали на «тот свет» буквально нищим. Это показывает, что общество башкирских племен, которому принадлежит Стерлитамакский могильник, в социальном отношении было сильно дифференцировано, и в нем уже были бедные и богатые.

Семь лет спустя после открытия Стерлитамакского могильника одновременно были найдены еще два памятника, относящиеся к башкирам IX—X вв. Один из них был открыт мною и состоял из пяти курганов, расположенных неподалеку от села Старо-Мусино в Кармаскалинском районе. Эти курганы в 1957—1958 гг. раскапывались экспедицией М. Х. Садыковой.

Старо-Мусинские курганы по устройству и характеру материала заметно отличаются от стерлитамакских могил. Памятник состоит из земляных курганов диаметром семь — десять метров и высотой пятьдесят — восемьдесят сантиметров. В земляных насыпях некоторых курганов встречались конские черепа и кости ног. Умершие похоронены в простых ямах глубиной 40—70 см., головой на северо-запад или восток. Могилы разграблены еще в древности, поэтому находок было мало. Среди них имеются стрелы и конские удила, обломки мечей и ножей, наконечники стрел и костяные пластинки от лука, пряжки от ремennых поясов. В одной из женских могил найдены остатки оригинального головного убора. Судя по находкам, он был шит из меха, а края были украшены красивыми серебряными накладками. Возраст Старо-Мусинских курганов определяется, примерно, X в. н. э.

Второй памятник древних башкир в 1958 году был обнаружен близ села Кушулево Дюртюлинского района. При проведении археологической разведки А. П. Шокуров на распаханной поверхности земли случайно нашел несколько человеческих костей и выкопал на месте захоронки небольшой

шурф. Шурф оказался очень удачным и выявил женскую могилу. В ней были найдены изготовленные в IX в. два стремени и удила, серебряная серьга и несколько нагрудных блях.

Об этих находках А. П. Шокурова осенью того же года стало известно аспиранту И. Эрдели, приехавшему из Венгрии на учебу в Ленинградский университет. Весной следующего года с разрешения университета в село Кушулево он организовал специальную экспедицию, чтобы отыскать следы своих древних предков — мадьяр. Однако исследования И. Эрдели не дали желаемого результата. Несмотря на продолжительные раскопки, ему удалось обнаружить лишь тринадцать захоронений. Они оказались очень бедными: обнаружено лишь несколько обломков ножей и характерная для IX—X вв. бронзовая серьга. Покойники лежали в узких и мелких (35—50 см) могилах головой на юго-запад.

О результатах своей экспедиции И. Эрдели рассказал в статье «Большая Венгрия» напечатанной в 1961 году в венгерском журнале ~~«АКТА АРХЕОЛОГИКА»~~. В своем труде он высказывает мысль, что Кушулевский могильник оставлен башкирами, жившими здесь в IX в.

Как видно, поиски и исследования древнебашкирских памятников VIII—X вв. до 1962 года велись случайно. Учитывая, что такие памятники имеют научное значение для изучения истории происхождения башкирского народа, для их поисков и раскопок Институт истории, языка и литературы БФАН СССР в 1963 году организовал особую археологическую экспедицию, в составе которой работал и автор книги.

Первые шаги нашей экспедиции в этом направлении оказались нелегкими: известные три памятника уже были раскопаны, а остальные оставались еще неоткрытыми. Поэтому свои работы мы начали разведкой в северо-восточных районах Башкирии, куда раньше еще не ступала нога археолога.

Начало работы оказалось вовсе не обнадеживающим. Около месяца мы вели поиски в Благовещенском, Нуримановском районах — обнаружили различные памятники, а нужных нам — нет. В один из таких неудачных дней мы решили зайти в среднюю школу села Красный Урюш Карaidельского района и расспросить учителей истории о возможных археологических памятниках, расположенных

вблизи. В учительской собралось много преподавателей, они с интересом выслушали рассказ о нашей работе, однако оказалось, никто из них об археологических памятниках не слышал или, попросту, ими не интересовался никогда. Тогда я задал вопрос, которым пользовался лишь в самых трудных случаях: «Не скажете ли, куда водили раньше ваши деды больных лошадей?» Вопрос оказался удачным, потому что старый учитель-пенсионер Барый Мансуров тут же откликнулся: «Я знаю одно такое место, оно на вершине горы, недалеко от деревни Мрясимово».

Многим мой вопрос может показаться странным и непонятным, но он связан с одним из любопытных обычаев нашей старины. В недалеком прошлом старики уводили больных лошадей к могилам немусульманских: русских, марийских или же древних людей. По их мнению, люди, лежавшие в могилах, вбирали в себя болезнь лошадей, проводимых над их могилами.

Мрясимовские курганы состояли более чем из двадцати небольших земляных насыпей. В первом же кургане мы наткнулись на интересовавшие нас находки. Там на глубине тридцати — сорока сантиметров лежал человеческий костяк, а рядом с ним кости ног и череп лошади, маленький глиняный горшок, стремяна, пряжки поясов, кремь, наконечники стрел из кости и железа, нож, серебряные серьги и подвески. Все эти предметы датируются IX—X вв. и являются свидетельством того, что здесь похоронены древние башкиры. В восьми остальных раскопанных могилах были сделаны такие же находки.

Забегая вперед скажем, что летом 1966 года были раскопаны и исследованы остальные тринадцать курганов могильника.

Найденные в них предметы повторяли друг друга, но имелись и новые. Возле одной мужской могилы была обнаружена яма длиною в два метра, шириной метр десять сантиметров, где на глубине пятидесяти сантиметров лежал полный скелет лошади. Лошадь лежала на боку с подогнутыми ногами, вытянув голову на запад; она была оседлана. Поводья, седло, конечно, сгнили, от них остались только железные удила, стремяна и ременные пряжки.

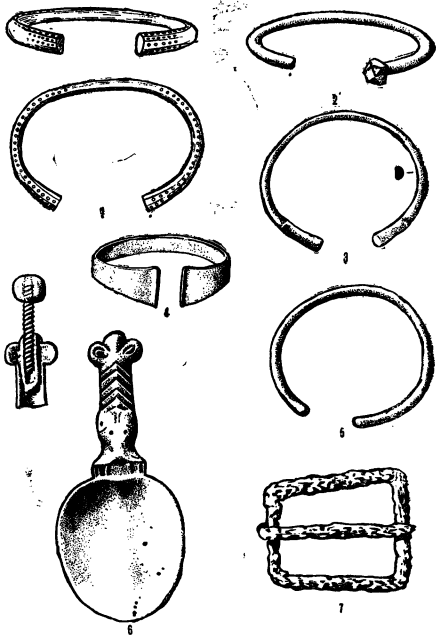
Среди находок оказались также привезенные из южных краев серебряная монета и несколько горшков, напоминающих сосуды из турбаслинских памятников и Маняжского могильника.

Наша первая экспедиция несколько дней спустя нашла аналогичные памятники на берегах рек Ай и Юрюзань. Один из этих памятников располагался по соседству со старым кладбищем за деревней Старо-Халилово Дуванского района, на правом берегу реки Ай. Курганы по размерам очень небольшие: их средний диаметр всего пять — семь метров, высота двадцать — сорок сантиметров. На вершине каждого из них имеются небольшие углубления, возникшие в результате оседания земли над могилой. Курганы по своему внутреннему устройству сильно отличались друг от друга.

Под двумя курганами, например, обнаружено лишь по одной могиле, а в третьем — три, в четвертом — десять могил. В последних двух покойники похоронены прямо в слое чернозема, на глубине тридцати — сорока сантиметров. По-видимому, они были положены прямо на землю или же в неглубокую яму, поверх засыпанную землей.

Один из восьми раскопанных курганов отличался от остальных. Его диаметр четырнадцать метров, высота один метр, форма — круглая. Посреди кургана имеется как бы второй небольшой курган диаметром в три метра, высотой тридцать — сорок сантиметров. По краям этого второго холмика были видны следы неглубоких и узких, но длинных могил. Под курганом оказалось двадцать четыре могилы, причем в двух из них было похоронено по два человека. Во всех восьми Старо-Халиловских курганах обнаружены захоронения пятидесяти человек.

Старо-Халиловские курганы дали богатый материал. Среди них множество конских костей (черепов и ног), удила, стремян, костяных и железных наконечников стрел, остатки истлевших луков, обломки ножей и мечей. Эти материалы близко напоминают находки Стерлитамакского могильника, что говорит об их хронологической близости. Много серебряных и позолоченных накладок поясных ремней. Некоторые из них имеют фигуры птиц, сердца и т. д. Один пояс имел накладки четырехугольной формы, на которых имелись рельефные изображения собаки или волка. По своей композиции они напоминают широко распространенные среди башкир изображения волков на цельных деревянных цепочках. Другие накладки поясных ремней по своим формам также очень близко напоминают соответствующие орнаментальные мотивы в декоративно-прикладном искусстве современных башкир.

Металлические предметы из Старо-Халиловских курганов. VIII—IX вв.

1-5 — браслеты; 6 — ложка; 7 — пряжка.

Сосуд из Старо-Халиловского кургана. VIII—IX вв.

В женских могилах часто встречаются браслеты, серебряные серьги, кольца, нагрудные украшения из серебра, подвешиваемые на шею бронзовой цепочкой, разноцветные стеклянные бусы. Один человек похоронен в поясе, к которому была подвешена серебряная ложка с изображением на ручке медведя, положившего голову на передние лапы. По форме эта ложка как бы служит копией ложек из Подчеремского клада в Пермской области. В этой же могиле был обнаружен меч длиной в шестьдесят сантиметров. Его носили в деревянных ножнах, покрытых серебряной пластинкой, украшенной петлевыми узорами на поверхности.

В курганах было найдено много глиняных сосудов, имеющих форму маленьких чашек. Обнаружены также отдельные экземпляры сосудов, близкие по форме сосудам кушнаренковского типа.

В двух остальных курганах, кроме черепов лошади, ничего не обнаружено. По-видимому, эти курганы являются теми памятниками, которые в археологической литературе называются кенотафами. Судя по этнографическим мате-

риалам и историческим документам, такие пустые могилы предназначались для соплеменников, умерших по различным причинам на стороне и похоронить которых не представлялась возможным.

По обычаям многих древних народов человек после смерти должен быть похоронен на общем родо-племенном кладбище. Если же кто-то погиб в бою и враг завладел его телом, то погребение проводится по всем традициям, только в этом случае вместо покойника в похоронах участвует мифический образ — его «дух». Сородичи несут на кладбище этот «дух», копают могилу и ставят в нее традиционную еду, череп и ноги лошадей и другие предметы, обычно сопровождающие покойника.

Этот обычай был широко распространен среди многих народов, в том числе и среди башкир. Пережитки его сохранились до наших дней у марийцев, которые живут на территории Башкирии. Между прочим, эти марийцы во времена массовой насильственной христианизации основной части их народа, бежали из Поволжья на Урал, благодаря чему сохранили свою языческую религию. Например, в очень редких случаях и поныне они умершего человека хоронят в белой рубашке, в штанах, лаптях с кочедыком — приспособлением для плетения лаптей. В некоторых случаях в могилу кладут деньги в уплату за переправку через реку на тот свет.

Очень интересны их поминальные обычаи. Наготовив угощения, они идут на могилу покойного, вызывают его дух и, посадив на лучших лошадей, везут к собравшимся многочисленным гостям. Этот дух покойника они бережно вводят в избу, усаживают на самое почетное место за столом, и после этого начинается пир. Собравшиеся чокаются с «покойным» и пьют за него, дают ему «отведать» все имеющиеся угощения. Потом снова запрягается лошадь и «покойного» возвращают обратно на кладбище. В изголовье его могилы выкапывается небольшая ямка, куда ставится вместе с посудой и столовыми принадлежностями еда, которую он должен был съесть на поминках. И сейчас можно найти на марийских могилах остатки поминальной пищи и посуды.

Мусульманская, христианская и другие религии стремятся уверить, что они являются вечными религиями. Но приведенный нами пример говорит о том, что у всех народов, в том числе и у башкир, начальной религией было язы-

чество, это подтверждается и археологическими данными. Этим примером опровергаются догматические учения о вечном и непреходящем характере мусульманской, христианской и других религий, появляется новое доказательство того, что в определенных исторических условиях все эти религии исчезнут, освободив от своих темных пут сознание людей.

Возраст Старо-Халиловских курганов, судя по обнаруженным находкам, определяется VIII—IX вв. Эта дата подтверждается еще и находкой серебряной монеты, отчеканенной во второй половине VIII в. в государстве Аббасидов.

Третий древнебашкирский памятник, исследованный в 1963 году, расположен возле села Ишимбаево (Мусабаево) Яхинского сельсовета Салаватского района, на убаларском поле, т. е. курганном. Первые сведения об этих курганах восходят к 70-м годам прошлого столетия. В то время один из первых башкирских краеведов Р. Игнатьев посещает указанную местность и находит там около сорока курганов. Поляна, где расположен памятник, ежегодно распахивается, и курганы почти полностью сравнялись с землей. Если бы не житель села Ишимбаево учитель пенсионер Л. Мухаметзянов, возможно, наша экспедиция и не обнаружила бы этот интересный памятник.

В 1963 году нами были раскопаны два небольших кургана, в которых найдены характерные для VIII—IX вв. оружие, конская сбруя (удила, стремяна), пряжки и монеты, ремни.

В следующем году наша экспедиция вновь вернулась к Ишимбаевским курганам, чтобы продолжить раскопки. Был исследован курган, содержащий четыре могилы, в которых найдены очень интересные предметы. Самым богатым и лучшей сохранности оказалось погребение примерно 14—15-летнего мальчика-подростка. Рядом с покойником справа лежали меч длиной в девяносто сантиметров и несколько наконечников стрел, а сам он подпоясан был ремнем с серебряной пряжкой. Меч сохранил следы деревянных ножен, а к его рукоятке были подвешены на тонком ремешке две пластинки с изображением человека, одна медная, другая из золота и серебра.

В ногах мальчика находилось седло. Оно сохранилось сравнительно хорошо, даже одно его крыло нам удалось с большой осторожностью взять и привезти в Уфу. Оба кры-

ла седла в пяти местах, а также передняя и задняя лука были украшены серебром. На подпругах седла висели серебряные и золоченые накладки величиной с современную пятикопеечную монету. Всего было более тридцати таких накладок.

Интересны серебряные пластинки на деревянной части седла. Все они вырезаны, по-видимому, из сосуда, отлитого из чистого серебра, на внешней стороне его имелись изображения животных и другие рисунки. Они выгравированы, а фон позолочен.

Сюжеты рисунков большей частью жизненные. На одном из них можно видеть двух скачущих коней. На другом тоже видна лошадь, но перед ней стоит какой-то хищный зверь. На третьем показана схватка коня с волком. А вот на пятом и на шестом изображены два животных с короткими хвостами и длинными ушами. Они показаны в момент бега. По этим рисункам трудно определить, олени это, косули или какие-нибудь другие животные. Все же можно предположить, что это косули. На четвертой и шестой пластинках этих косуль преследуют два хищника, похожих на волков.

Из-за фрагментарности рисунков трудно судить, какой смысл был в них заложен, возможно, что они были посвящены охотничьей теме. В связи с этим уместно вспомнить и другие археологические находки, отразившие в себе сходство с рисунками на серебряных пластинках. Одна из таких находок была обнаружена в Кудергэнском могильнике на Алтае, относящемся к седьмому веку. В одной из его могил найдено седло, переднюю часть которого украшали две тонкие пластинки с рисунками. На них изображены два всадника, преследующие медведя, оленя, косулю, лисицу и льва. Хотя ишимбайские находки и отличаются от кудергэнских, но сюжет их сходен.

На одной из найденных пластин изображены два дерущихся коня. Отчетливо видны их свешивающиеся челки. Этот рисунок с дерущимися конями, несомненно, был создан на мифологической основе. Разглядывая этот рисунок, невольно вспоминаешь образ крылатого коня из башкирского народного эпоса «Акбузат». Акбузат тоже изображается мифическим крылатым конем. Этот эпос по своему сюжету считается среди остальных эпосов башкирского народа самым древним. Возможно, что совершенствование сюжета этого эпоса началось еще в VIII—IX вв. и отно-

сится к тому периоду, когда насыпались Ишимбайские курганы.

Правда, в эпосе об Акбузате не упоминается о схватке двух коней, об этом там нет ни слова, но этот древний сюжет встречается в фольклоре современных монголо-ойротских и алтайских народов. В них описывается, что, когда идет борьба между двумя батырами, в схватку вступают между собой и их кони, и борьба заканчивается победой одного из них.

Летние полевые работы нашей экспедиции в 1964 году вновь проходили в долинах рек Ай и Юрюзань, где продолжались раскопки Ишимбайских курганов. В ходе раскопок нам удалось открыть еще не менее интересные памятники — Каранаевские и Лагереvские курганы, также оставленные башкирскими племенами.

Каранаевские курганы мы открыли случайно. Они расположены на вершине высокой горы Бараг около села Каранаево Мечетлинского района и состоят из земляных насыпей различных форм и размеров. Среди курганов имелись круглые, удлиненные, больших и малых размеров. Многие из курганов в результате многолетней распахки сильно разрушены и почти сравнялись с землей. При пахоте местные жители каждый год находили здесь человеческие кости и различные древние предметы, но не обращали на них внимания.

Об этих находках мне впервые довелось услышать в 1963 году, когда я шел с археологической разведкой вдоль реки Ай. По следам этих сведений сюда мы приехали в 1964 году и наткнулись на очень интересные находки, раскопав семь самых больших курганов. В одном удлиненном кургане, диаметром 24—28 м и высотой в один метр, оказалось около сорока погребений. Примерно двадцать человек были похоронены в узких глубоких и длинных ямах, головой на север. Остальные могилы кургана были мелкими и являлись впускными. При проводах покойников на тот свет разжигались большие костры, и их следы в виде древесных углей находились в каждой могиле. Остальные курганы содержали от одной до десяти человеческих могил. Как в Старо-Халиловских, в насыпях всех Каранаевских курганов встречены многочисленные черепа, ноги лошади — остатки ритуальных захоронений в честь погребенных. Хотя нам не удалось зафиксировать, но многие археологи полагают, что вместе с головой и конечностями хоро-

нили и шкуру лошади, которые в представлении тогдашних людей заменяли целого коня. В насыпях зачастую кости лошадиных ног лежат в определенном порядке, сохраняя анатомический порядок. Такие случаи встречены в Бирском могильнике, между поздними его могилами. Кочевник не представлял себя без коня, который должен был сопровождать его и в загробный мир.

Описанный обряд был свойственен для всех кочевников, и он точно фиксирован Ибн-Фадланом у гузов. «Если умрет человек,— пишет Ибн-Фадлан,— наденут на него его куртку, его пояс, его лук и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом под ним покроют настилом и накроют над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от численности убьют из них сто голов или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кости и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Иногда они пренебрегают убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: «Я видел такого-то, то-есть умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня перегнали мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают и растягивают на могиле».

Большинство могил были вскрыты еще в древности, однако и по тем находкам, которые достались на нашу долю, можно было сделать полное заключение о погребенных. Почти в каждом кургане встречены кости лошадей, удила, стремена, серебряные поясные пряжки и подвески, браслеты, серьги, стеклянные бусы.

В одной из могил самого большого кургана было найдено серебряное позолоченное зеркало диаметром пятнадцать сантиметров, покрытое с одной стороны красивым цветочным узором. Вместе с зеркалом находился маленький глиняный горшок с богатым орнаментом по тулову. Возраст погребенных предметов определяется концом VIII и началом X в. К числу самых поздних находок относится серебряная монета второй половины IX в., найденная в маленьком кургане.

Лагереvский могильник находится недалеко от села Лагерево Салаватского района и состоит из тридцати с лишним курганов. Рядом расположено современное кладбище. В деревне ничего не знали о курганах, однако часто при копке могил натыкались на древние захоронения и находки.

Экспедиция на могильнике исследовала семь курганов, которые оказались разграбленными еще в древности. Судя по находкам, Лагереvские курганы засыпаны в одно время с остальными древнебашкирскими курганными могильниками в VIII—IX вв. бассейна рек Ай и Юрюзань и принадлежат одной родственной группе племен.

Об этническом родстве погребенных в этих курганах говорит также их близость в физическом типе. Найденные в курганах (Мрясимовские, Старо-Халиловские, Каранаевские, Лагереvские) человеческие черепа были обследованы М. С. Акимовой. По ее определению, это были люди среднего роста, широкоплечие, скуластые и принадлежали монгольской расе.

Бесспорно определяя этническую принадлежность описанных курганов как древнебашкирскую, население их я склонен рассматривать как ближайших предков тех башкир, которые заселяли северо-восточную часть территории Башкирии в XIV—XV вв. В период присоединения Башкирии к русскому государству эта группа башкир считалась коренным населением данной территории. Несмотря на это, в исторической литературе существует мнение, что башкирами бассейны рек Юрюзань, Ай и верховьев реки Уфы были заселены сравнительно недавно, лишь в XIII—XIV вв. Материалы, собранные археологическими экспедициями последних лет, указывают, во-первых, что башкиры горно-лесные районы Южного Урала освоили еще в VIII—IX вв., во-вторых, позволяют начать историю современной северо-восточной группы башкир с более ранних веков.

В 1965 году наша археологическая экспедиция вела полевые работы в Зауралье — Учалинском, Баймакском и Абзелиловском районах, поставив перед собой цель отыскать памятники ранних башкир. Однако результаты оказались весьма скромными. Из более 60 вновь открытых памятников лишь два — Муракаевский и Хусановский принадлежали ранним башкирам. Оба памятника полностью были раскопаны в 1966 году.

Хусаиновские курганы состоят из 12 небольших земляных насыпей. Они расположены на восточном склоне горного хребта Ирендэк, в одном из ущелий, между деревнями Шадегеево и Хусаиново Абзелиловского района. В 1965 году учащиеся Халиловской средней школы в поисках клада самовольно раскопали один курган, где, кроме костей человека и лошади, ничего не нашли. Памятник мы открыли как раз по следам этих современных кладонскателей.

По материалу и устройству Хусаиновские курганы очень близки к тем вышеописанным курганам, которые расположены по берегам рек Ай, Юрюзань и Уфа. Оригинальным оказался лишь самый большой двенадцатый курган, в котором обнаружены самые богатые находки. Этот курган содержал 4 могилы, три из них были уже разграблены в древности. В последней могиле находились два человеческих скелета, расположенных ярусным способом.

Верхний костяк принадлежал женщине. Она положена на спину, головой на север. У ее головы поставлены два глиняных сосуда, один из которых очень похож на посуду из турбаслинских памятников и Манякского могильника. В ушах женщины были серебряные серьги, на шее ожерелье из бусин и четырех серебряных монет. Две монеты сохранились плохо, а две остальные известным советским нумизматом С. А. Яниной определяются как аббасидские и отчеканенные в 740 г. На основании этих монет возраст погребения можно определить примерно третьей четвертью VIII в. У правого плеча погребенной лежала предплечевая кость, а под ней железный нож — следы богатой «загробной» пищи. На груди находилось несколько бронзовых подвесок, в том числе две ажурные, а третья изображала головы двух лошадей, повернутые в противоположные стороны. В области пояса лежали остатки ремня, сплошь украшенного серебряными накладками в виде красиво оформленной фигуры лошади.

На двадцать сантиметров глубже был похоронен мужчина, который также лежал в вытянутом положении, на спине, головой на север. Покойника сопровождали железный топор и поясной ремень, также богато украшенный серебряными накладками. Все эти находки имеют очень близкие аналогии в памятниках, относящихся к VIII в.

Муракаевские курганы расположены на ровном поле, около деревни Муракаево Абзелиловского района. Площадь памятника ежегодно распаивается, в результате чего мно-

гие курганы сильно разрушены. Месторасположение этих курганов можно определить лишь по выпаванным костям человека и лошади.

В могильнике раскопано 15 курганов. Под каждым из них находилось от 1 до нескольких могил, относящихся примерно к VIII—IX вв. В могилах, в большинстве ограбленных, найдены железные мечи, костяные и железные наконечники стрел, серебряные и бронзовые накладки ремней, кости лошади, куски шелковой и холщевой ткани. Среди находок имеются и редкие экземпляры. Так в кургане № 10 в неглубокой могиле обнаружены костяки трех человек, похороненных головами на север. Здесь найдены сабля раннего типа длиной около 1 м., три железные позолоченные накладки ремней, стрела и наконечники стрел. Одного человека похоронили в железном шлеме. Шлем имел высоту 28—30 см. и сделан из железных пластинок, скрепленных между собой шпильками. Такие шлемы археологам встречаются довольно редко, а у нас в Башкирии впервые.

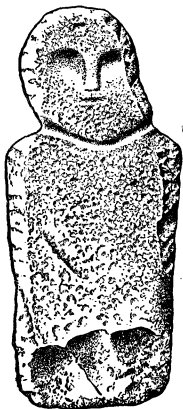
Муракаевские и Хусаиновские курганы не являются единственными памятниками, которые в этническом отношении связываются с ранними башкирами Зауралья VIII—IX вв. Несколько аналогичных курганов в конце XIX в. было разрушено на территории нынешнего Учалинского района. Они в свое время были осмотрены Р. Игнатьевым, а добытые им материалы опубликованы Н. И. Булычевым, в работе которого есть упоминание о существовании подобного курганного памятника в районе города Сатка. Другим бесспорно ранним башкирским памятником являются также курганы, расположенные вблизи Челябинска на берегу озера Синеглазого. Этот памятник науке стал известен в начале нашего столетия, когда археологом Н. К. Минко были раскопаны 8 курганов, оказавшихся сильно разграбленными в древности. Самые интересные находки на этом памятнике были обнаружены в 1959 году в разрушенном кургане, доисследованном В. С. Стоколосом. В кургане найдены остатки поясного ремня с серебряными позолоченными накладками, меч, браслет, стремяна и ряд других вещей, находящих близкие аналогии среди материалов Ишимбаевских, Старо-Халиловских и других курганов. Но самыми интересными оказались остатки шелковой ткани сравнительно хорошей сохранности, на которой имеются изображения гарцующих всадников. Фигуры на желто-зеленом фоне переданы дополнительной вышивкой. Челябин-

ская, в целом, зауральская группа памятников позволяет нам значительно расширить территорию расселения раннебашкирских племен в восточном направлении.

В плане изучения истории и культуры раннебашкирских племен для меня самые неожиданные находки пришлось обнаружить в 1969 году на правом берегу реки Б. Ик, недалеко от села Исянгулово Зианчуринского района. История этого открытия восходит к 1968 году, когда наша экспедиция провела маршрутное обследование побережья этой реки. Один из наших информаторов сообщил, что в восьмилетней школе деревни Назаркино хранятся старинные камни, похожие на человеческие фигуры. При осмотре оказалось, что это скульптурные изображения фигур человека, которые являются характерной чертой тюркоязычных кочевников евразийских степей. Надо сказать, что этими памятниками особенно богаты Южная Сибирь, Алтай, Забайкалье, но встречаются они и на Урале, Поволжье, вплоть до Северного Причерноморья. В археологической литературе эти находки условно называют каменными бабами.

В результате опроса нам удалось выяснить, что находки были обнаружены в 1967 году на кургане, каменную насыпь которого местные жители разобрали для строительства фундамента совхозного склада. Работавшие тогда женщины обратили внимание на странную форму этих двух камней и сдали их в местную школу. Так, благодаря случайности, были спасены важные для археологии Башкирии находки, приведшие затем к открытию еще не менее интересного памятника. Местонахождение каменных баб нашей экспедицией было доисследовано в том же году. Здесь нами выявлены остатки кургана диаметром около 12 м, насыпь которого состояла исключительно из известняковых валунов. «Каменные бабы», судя по рассказу очевидцев, находились среди этих камней в полугоризонтальном положении. Вероятнее всего, они раньше стояли вертикально, как обычно встречаются в большинстве случаев. К огорчению участников экспедиции, трудоемкие работы по расчистке основания каменной кладки утешительных результатов не дали. В кургане, кроме костей лошади, ничего обнаружено не было.

В ходе указанных раскопок нами была проделана археологическая разведка местности. Тогда стало известно, что недалеко от этого кургана, на вершине высокого горного хребта Ямашытау, что между деревнями Акимбето-

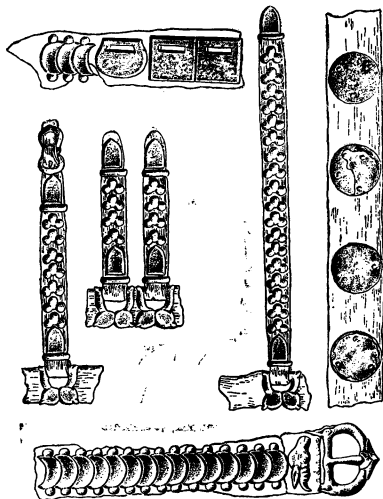
Скульптурная фигура человека «Каменная баба») из Акимбетовского каменного кургана. Ориентировочно IX—X вв.

ные ее концы узлом завязаны с левой стороны. Поверх ткани по нижнему и верхнему краям шли два узких ремня шириной 2—3 см., сплошь украшенных серебряными накладками. Два ремешка на концах соединены между собой и заканчиваются серебряной пряжкой и коротким свободным ремнем, который застегивался на пряжку с правой стороны пояса. Накладки узких ремней были скреплены с широким ремнем-основой при помощи шпеньков. От пояса шли пять длинных ременных подвесок, четыре узких слева и одна широкая с серебряными накладками справа, за которые слева к поясу был подвешен колчан для стрел. Колчан изготовлен из бересты, в нем находились два же-

во и Сарбаево, находятся два кургана, по внешности напоминающие Хусаиновские. Интересно отметить, что в насыпи обоих курганов, в центре, встречена каменная кладка диаметром в 2—3 м. В глубокой могиле первого кургана похоронен был мужчина, который лежал вдоль южной стенки, вытянуто, головой на север. В северной стенке могилы имелась широкая ступенька, где находился железный нож. В изголовье покойника были положены кость лошади и узда, от которой сохранились куски ремня, удила и около десятка серебряных накладок ремня. На покойнике были холщевые рубашка и штаны, следы которых сохранились на лучевых и бедренных костях. Самым оригинальным является широкий и отлично сохранившийся пояс, состоящий из толстой кожаной основы, обтянутой в два слоя тонкой материей. Материя была длиннее кожаной основы, и длин-

лезных наконечника стрелы. Материя пояса представляет собой ткань очень хорошего качества, желто-зеленого цвета, возможно, южного происхождения. Она покрыта сложным орнаментом, состоящим из комбинации растительных узоров. Ноги покойника обуты в кожаную обувь и опутаны широким ремнем, также украшенным серебряными накладками. Слева от покойника лежал лук, от которого сохранились костяные накладки. Рядом с могилой находилась небольшая яма, которая вначале была принята нами за вторую, подростковую могилу. Но скорее всего, эта могила возникла после похорон, в нее были положены четыре ноги, и, возможно, шкура лошади, седло и узда. В данном случае мы, вероятно, имеем дело с прекрасным археологическим подтверждением описанного Ибн-Фадланом случая, когда сородичи одаривают уже умершего родственника конем вместе со сбруей. На седле много было бересты, на одном из кусков которой имеется орнамент в виде елочного узора. Любопытно, что эта яма сплошь была забита большими камнями, среди которых имеется один кусок со следами обработки. Судя по скошенности и, в целом, по форме, первоначально древний скульптор задумал изготовить «каменную бабу», но при обтесывании голова откололась от туловища, после чего их бросили в яму. Эта находка прочно связывает раскопанный курган с другим курганом, где были обнаружены две «каменные бабы», и дает нам право считать их одновременными. Во втором кургане могила не прослежена, но зато в насыпи во множестве были встречены серебряные и бронзовые накладки и кости лошади. Находки позволяют нам датировать эти два кургана примерно концом VIII и началом IX вв.

Описание основных могильников ранних башкир приводится здесь в порядке их открытия. Суммируя вышеизложенное, надо выделить некоторые моменты, характерные для культуры этих курганов. Хотя все они относятся к VIII—X вв., но материалы погребения подразделяются на две группы: VIII—IX и IX—X вв. К первой группе уверенно относятся Стерлитамакский могильник, Хусайновские, Лагереvские, Ишимбаевские, Синеглазовские, Акимбетовские и часть Каранаевских курганов. В хронологическом отношении их замыкают (вторая группа) Мрясимовские, Старо-Мусинские курганы, вторая часть Каранаевских и Кушулевские погребения. Каждый памятник имеет специфические особенности в культуре, которые являются

Фрагменты поясного ремня с серебряными и бронзовыми накладками. Ямаш-тауский курган, IX в.

отражением различий в культуре между отдельными племенными группами башкир. Здесь должно быть учтено также возможное возрастное различие между этими памятниками. Несмотря на это, в культуре указанных памятников имеется много общего. Сюда относятся приблизительно одинаковый состав набора поясных ремней, предметов вооружения, устройство курганов и особенно кера-

мика. В совокупности этих признаков описанные курганы во многом отличаются от памятников племен — ближайших соседей ранних башкир: болгар на Нижней, удмуртов на Средней Каме, хазар, печенегов и других кочевников на юге.

КУЛЬТУРА БАШКИР X—XIV ВВ.

X—XIV вв. в археологическом отношении являются наименее изученным периодом средневековой истории Южного Урала. Для иллюстрации этого достаточно сослаться на упомянутую выше обобщающую работу А. П. Смирнова «Железный век Башкирии», где перечислено только несколько случайно открытых или исследованных археологических памятников выделенного времени. Среди них раскопанные Р. Г. Игнатьевым в 1867 году два кургана, где были обнаружены по два-три погребения, кости крупных животных (верблюда) и несколько металлических предметов. Время засыпки этих курганов А. П. Смирнов предварительно датирует X—XI вв. Примерно к этому же времени относятся три кургана, раскопанные в 1927 году А. В. Шмидтом близ деревни Кизинкей в Зауралье. В курганах им были встречены обломки железной кольчуги, удила и другие вещи, характерные для кочевников начала II тысячелетия нашей эры.

По мнению А. П. Смирнова, в указанное время на территории Западной Башкирии появляются укрепленные пункты — убежища, от которых сохранились высокие земляные валы. Остатки таких валов в конце XIX в. прослеживались близ деревни Нагайбак в Бакалинском и Биктимирово в Бирском районах и других местах Башкирии. Но надо отметить, что сведения об этих довольно своеобразных памятниках относятся к 80-м годам прошлого столетия, и без проверки научной достоверности трудно строить какие-либо исторические выводы.

Крайне неудовлетворительно идет накопление археологического материала по этому периоду и в наши дни. Достаточно сказать, что за последние 10—15 лет открыто и первично обследовано не более 5 памятников XI—XIV вв. Один из этих памятников был открыт М. Х. Садыковой, раскопавшей в 1962 году курган близ деревни Юлдыбасово в Федоровском районе Башкирской АССР. В кургане ею

обнаружено необычное для Южного Урала захоронение в деревянной колоде, где вместе с человеческим костяком лежала чугунная жаровня, железные ножницы, серебряное зеркало и несколько других предметов, датирующихся примерно XII вв.

Второй аналогичный памятник, но более лучшей сохранности пришлось исследовать мне в 1968—1969 гг. вблизи деревни Башкир-Беркутово в Кугарчинском районе. Памятник состоит из трех маленьких земляных курганов одинаковой конструкции, засыпанных так же, как и Юлдыбаевский, около XII в.

Каждый курган содержал по одной сравнительно глубокой (1,60 м) и узкой (60—70 см) могиле, куда были спущены деревянные колоды. Колоды изготовлены из цельного толстого дубового (?) бревна диаметром около 50—60 см и длиной в среднем 2,40 м. Бревно было распилено на две неравные части, из которых одна, верхняя треть, служила крышей, а нижняя — основанием колоды. Внутри как основание, так и крыша колоды тщательно выдолблены, чтобы могло свободно разместиться тело покойника. Интересно отметить, что толщина стен колоды в этой части составляла около 2 см. На обоих концах колоды имелись специально выдолбленные отверстия — ушки, очевидно, для продевания через них веревки. Колоды имели вертикально срезанные концы. Дно всех трех колод обильно посыпано слоем золы. Значение этого обряда пока трудно объяснить, возможно, зола в данном случае является отзвуком широко распространенного у древних племен культа огня при похоронах сородичей. Не исключено, что это делалось с целью оберегания трупов покойников от быстрого разрушения, так как зола имеет консервирующее свойство. В первом кургане, где был похоронен мужчина, обнаружены остатки кожаной обуви, железное стремя, нож и большая стеклянная разноцветная бусина. Один сапог сохранился почти полностью — он распоролся лишь по швам. Это был мягкий сапог на тонкой подошве. Костяк во втором кургане принадлежал женщине. Около нее найдены серебряное зеркало, берестяная трубочка, служившая, вероятно, чехлом для хранения кос, железный нож и несколько других предметов. В третьем кургане особых находок обнаружено не было.

Юлдыбаевский и Башкир-Беркутовские курганы по своему устройству и составу находок относятся к числу

оригинальных средневековых археологических памятников Южного Урала. Они свидетельствуют, что в культуре населения края к XII в., по сравнению с предыдущим периодом, произошли определенные изменения. Однако сам материал пока очень фрагментарен, чтобы вести суждение о масштабах этих новшеств и о том, насколько данный новый тип археологических памятников в то время широко был распространен на Южном Урале. Известный сравнительный археологический материал позволяет предполагать, что захоронения в деревянных колодах не были характерны для основной массы башкирских племен. Об этом говорит тот факт, что для территории Урало-Поволжья этого времени исследователям известно всего не более 40 случаев обнаружения могил с колодой. Скорее всего, все памятники связаны с определенной племенной группой, часть которой осела на Южном Урале и вошла в состав башкир.

Из других памятников XI—XII вв. заслуживает упоминания Давлекановский одиночный курган, раскопанный нами в 1969 году. Курган был небольшой, диаметр около 7 м, и содержал одно погребение, в котором лежал женский костяк головой на север. В изголовье умершей прослежены остатки головного убора в виде вязаной шерстяной шапочки. В области пояса лежали большие железные ножницы, аналогичные ножницам из Юлдыбаевского кургана. На ногах обнаружен тлен от кожаной обуви, типа мягких сапожек, найденных в первом Башкир-Беркутовском кургане. Под черепом найдена бронзовая гиревидная подвеска IX—X вв., но погребение, видимо, следует датировать по более поздней находке — ножницам — временем около XI—XII вв.

К этому же времени можно отнести поздние погребения из Сынтыш-Тамакских курганов в Чишминском районе, исследованных несколько лет назад С. М. Васюткиным. В этих погребениях им обнаружены вещи, характерные для кочевников первых столетий II тысячелетия: стремена, удила и т. д.

Знакомясь с материалами курганных могильников Башкирии после X в., нельзя не отметить, что они в своем роде являются последними языческими памятниками, которые служат объектом исследования археологов. Примерно в это время (XI—XII вв.) среди башкир начинает распространяться религия ислам, которая запрещала хоронить умерших с необходимым для загробного мира инвентарем. В

результате этого повсеместно исчезают курганные могильники, и вместо них появляются обычные грунтовые могилы, где, кроме человеческих костей, ничего нет.

В распоряжении исследователей нет материала, который бы свидетельствовал о характере распространения мусульманской религии среди башкир. Но надо полагать, что утверждение новой религии проходило в упорной борьбе с языческой и вызвало резкое недовольство со стороны широких слоев населения. Не случайно у башкир до недавнего времени прочно удерживались религиозные представления, сохранившиеся как пережиток языческих обычаев. Эти доисламские религиозные пережитки у современных башкир подробно освещены в XIV главе книги С. И. Руденко «Башкиры» (Москва, 1955 г.).

Мусульманская религия на ранних порах своего существования на Южном Урале оставила своеобразные археолого-архитектурные памятники типа мавзолеев, называемых у башкир кэшэнэ. Они должны были символизировать торжество, превосходство мусульманской религии над языческой.

Одно из таких широко известных в Башкирии кэшэнэ находится на окраине ^{пос. пос. ЧИШМЫ} Чишмы, на левом берегу Демы. Кэшэнэ сооружено над могилой некоего Хусейн-бека, который, по мнению исследователей, был одним из активных проповедников и деятелей мусульманского духовенства. Над могилой обнаружен камень, на котором имеется надпись (по Г. В. Юсупову): «Справедливый в своих решениях Хаджи Хусейн-бек сын Омар-бека... из Туркестана, покойного, боже мой помилуй милостью обширной, чтить же его своим благодеянием. Скончался девятого дня благословенного богом месяца 740 года (по нашему летоисчислению 1339 г.)». Возвышающееся над могилой прямоугольное сооружение из неотесанных камней ничего общего не имеет с его первоначальной формой. Оно было построено в 1911 году уфимским муфтием на месте развалин первоначального кэшэнэ, о котором оставили подробное описание уфимские краеведы XVIII—XIX вв. Судя по этим описаниям, первоначальная форма кэшэнэ являлась ближайшей копией кэшэнэ Турахана, расположенного в том же Чишминском районе, недалеко от деревни Н. Тирмэ. Оно также является памятником XIV в., но сравнительно лучшей сохранности. Основание кэшэнэ представляет собой квадрат размерами 6,6 × 6 м. На высоте одного метра вось-

мидесяти сантиметров снаружи квадратное сооружение кэшэнэ переходит в восьмигранную пирамиду и заканчивается сводчатым куполом. Кэшэнэ имеет небольшой прямоугольный пристрой, служивший входом. Высота кэшэнэ от пола до купола 8 м, толщина стен более 1 м. Основание кэшэнэ построено из больших неотесанных камней, а для постройки купола использованы специально обработанные и хорошо подогнанные друг к другу известняковые камни.

Долгое время считалось, что эти кэшэнэ являются единственными в своем роде раннемусульманскими археолого-архитектурными памятниками на территории Башкирии. Однако работы археологических экспедиций последних лет (1968 — 1969 г.) принесли неожиданные результаты, выразившиеся в открытии третьего и очень интересного подобного памятника. История этого открытия восходит к 1966 году, когда в селе Максютово Кугарчинского района учитель-пенсионер Г. Бишев показал нам большой курган, расположенный на вершине высокого холма. По внешним признакам этот курган ничем не выделяется из сотни или тысячи других известных курганов — его высота была около 3 м. при диаметре 24—25 м. Об этом кургане имеется интересная легенда, очень популярная у местных юго-западных башкир. Согласно этой легенде, курган является домом Бэндэбикэ — очень умной и храброй женщины. Легенда гласит, что в стародавние времена башкиры страдали от междоусобных войн и взаимных набегов казахских и башкирских племен. Решительная и проникательная Бэндэбикэ сумела в этот момент уговорить всех соплеменников и всех соседей жить в мире и согласии. Она пользовалась большим уважением и популярностью не только у соплеменников, но и у окружающих народов.

Бэндэбикэ воспитала мальчика Ерэнсэ Сэсэн, и, когда он достиг совершеннолетия и стал батыром, вышла за него замуж. С течением времени Бэндэбикэ состарилась, а Ерэнсэ Сэсэн, будучи в расцвете своих сил, обольщенный успехами, начинает подумывать о других женщинах и набеге в страну казахов. Когда он просит благословения Бэндэбикэ на такой поход, она решительно возражает и предсказывает ему неудачу. Уязвленный Ерэнсэ Сэсэн со своей дружиной отправляется в поход, что сильно расстроило и без того больную Бэндэбикэ. Вскоре она скончалась. Башкиры исполнили последнюю просьбу покойной и похоронили ее в своем доме, скрытом под курганной насыпью.

Однако легенда имеет свое продолжение. Войско Ерэнсэ Сэсэн при первом же столкновении терпит поражение, и он сам попадает казахам в плен. Казахские старейшины судьбу башкир-пленных предрешают таким образом: казахский и башкирский батыр вступают в единоборство. Если победит Ерэнсэ Сэсэн, все башкиры отпускаются домой, но если победит батыр-казах, то Ерэнсэ Сэсэн должен быть убит, а остальные башкиры отпускаются, чтобы дома они могли рассказать о своем позорном набеге. Ерэнсэ Сэсэн терпит второе поражение. В момент, когда казахский батыр готов был уже пронзить его, Ерэнсэ Сэсэн рассмеялся. В ответ на удивление всех присутствующих он рассказывает о своем последнем разговоре с женой, которая предала его о печальном исходе похода. Узнав, что Ерэнсэ Сэсэн является мужем уважаемой и признанной всеми святой Бэндэбикэ, казахи его отпускают домой. По дороге он узнает о смерти жены. От позора и горя он вместе с конем бросился с высокой горы. Недалеко от этого места башкиры хоронят его, соорудив над могилой высокий курган. Идя по следам этой легенды, могила Ерэнсэ Сэсэн нами была осмотрена в 1968 году. Мы обнаружили следы разрушенного каменного кургана. Он находится в труднодоступном горном ущелье, на берегу небольшой речки Ургенка, примерно в 18 км от кэшэнэ Бэндэбикэ.

Обвороженные тем, что с археологическим памятником связана интересная народная легенда, мы приняли решение о научном исследовании кургана Бэндэбикэ, чтобы одновременно определить степень достоверности легенды. Раскопки были начаты в июле 1968 года в надежде на скорое их завершение. Однако вскрытие первых слоев земли показало тщетность наших первоначальных планов. После снятия дерна и слоя в 30—40 см повсеместно начали встречаться обломки кирпичей. Нам пришлось снизить темп работы, чтобы не сдвинуть с места ни один кирпич, а выявить характер обвала и первоначальную форму открытого сооружения. После месячной кропотливой работы, проходившей в условиях сильной обветренности и пыли, сотрудникам во главе со специально приглашенным для этой цели архитектором Р. Г. Салиховым удалось выявить лишь общие контуры памятника, оказавшегося кэшэнэ примерно XIV в. Исследование памятника было завершено в 1969 году археологической экспедицией, организованной Институтом истории, языка и литературы БФАН СССР совместно с

Башкирским Отделением Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры. Раскопки и обмеры памятника осуществлялись под контролем и при участии архитекторов Р. Г. Салихова и Р. И. Халиуллина.

Кэшэнэ, названное нами Бэндэбикэ, на плане имеет прямоугольную форму с размерами около $8,7 \times 7$ м. Стены его сложены из хорошо обожженных кирпичей двух размеров: 20×10 или 20×5 см при толщине 5 см. Толщина стен составляет 1,10 м, а углы выступают еще на 5 см, при ширине 77 см. Высота сохранившейся части стен 1,40—180 м. Для кладки стен использовались кирпичи двух цветов: светло-серого и красноватого. На фоне серых кирпичей красные уложены так, что на трех стенах — западной, восточной и северной — образуют интересный орнамент, напоминающий орнамент башкирских ковров.

В южной стене имелся вход, который представлял собой небольшую прямоугольную комнату ($1,86 \times 2,25$ м), в восточной стенке которой имелась глухая небольшая ниша, служившая, очевидно, местом для жертвоприношений. Во внутреннюю погребальную камеру ведет небольшая и узкая дверь (ширина проема 90 см, а ширина стен — 1 м). Над входом и погребальной камерой некогда возвышался купол, форму которого пока трудно восстановить. По единодушному мнению архитекторов Р. С. Салихова и Р. И. Халиуллина, потолок купола был сводчатым и сооружен из кирпичей различных размеров трапециевидной формы.

Пол внутренней камеры кэшэнэ, как и входной части, устлан кирпичами простой кладки. Раскопки, проведенные внутри мавзолея, выявили одну могилу, в которой похоронена женщина сравнительно молодого возраста. Могилка неглубокая простой конструкции, пол и стены обложены большими известняковыми плитами, а погребенная обвернута в лубок и лежала, согласно мусульманскому обычаю, головой на запад, лицом на юг. Никаких вещей при покойной не обнаружено.

Исследование найденных костей пока не завершено, но обращает на себя внимание один любопытный факт. Два шейных позвонка покойной оказались сросшимися вместе в результате длительной болезни. Вероятно, от этого недуга она с трудом поворачивала голову, а затем и умерла. После завершения раскопок у нас создалось впечатление, что могила в кэшэнэ появилась после того, как оно было построено. Это подтверждается тем, что на высоте примерно

40 см от пола могила была прикрыта большими известняковыми плитами, опиравшимися на вертикально стоящие вдоль стен. Сверху, непосредственно на этих камнях была сооружена кирпичная кладка примерно из 10 рядов, она выступала на поверхности земли и снаружи обмазывалась белой глиной. Если бы кэшэнэ было построено после смерти и появления могилы, то для обустройства могилы не могли быть использованы кирпичи. Скорее всего, это был остаток кирпичей от постройки здания кэшэнэ, ими же потом застлали пол. В этом плане кэшэнэ, как дом мертвых, заранее предназначался для определенного лица, и наши наблюдения в определенном смысле перекликаются с легендой, то есть погребением Бэндэбикэ в ее собственном доме.

Сооружение надмогильных памятников при жизни тех, кому они предназначались, было широко распространенным явлением в древности, особенно у тюркоязычных народов. И сейчас у многих башкирских старожилов можно увидеть заранее приготовленные большие каменные плиты-менгиры, которые затем должны быть поставлены над их могилами. По рассказу Г. В. Юсупова известно, что грамотные старики, башкиры и татары, сами писали изречения из корана на камнях, а родственники потом должны были добавить дату смерти.

Кэшэнэ Бэндэбикэ — оригинальный архитектурный памятник. По внешней форме он, видимо, очень похож на кэшэнэ Турахана, хотя отличается от него строительным материалом и рядом других деталей. Архитекторы Р. Г. Салихов и Р. И. Халиуллин склонны считать, что по своим особенностям кэшэнэ Бэндэбикэ сближается с подобными памятниками XIV в. Казахстана и Средней Азии.

На Южном Урале, на территории Челябинской области известны два таких памятника из кирпичей, но имеющие более сложную конструкцию. Один из них расположен на берегу реки Кэшэнэ и впервые был обследован в конце прошлого века Э. Ю. Петри. Три стороны кэшэнэ оказались разрушенными, высота сохранившейся части 16 м. Оно построено на фундаменте квадратной формы, верхняя часть напоминает восьмигранную пирамиду. Пространство внутри памятника насчитывает восемь шагов в длину и ширину, потолок куполообразный. Вовнутрь ведет дверь, расположенная в южной стенке, а в восточной и западной стенах имеется по одному квадратному окну.

Э. Ю. Петри внутри кэшэнэ провел раскопки, в результате чего обнаружил несколько могил, оказавшихся ограбленными в древности. Уцелела лишь одна, где лежал скелет женщины, обвернутый в лубок. На уровне глаз на лубке были сделаны отверстия. Возле женщины лежали остатки шелковой ткани, золотые серьги и кольца. По находкам и особенностям архитектуры это сооружение относится примерно к XV в.

Памятники типа кэшэнэ для нас имеют также важное социальное звучание. Такие монументальные сооружения строились над могилами богатых феодалов, представителей религиозной верхушки, а их сородичи из числа бедных таких почестей не удостаивались. Если легенда о Бэндэбикэ близка к действительности, то эта женщина, несомненно, была богатого происхождения.

Вышеописанные надгробные памятники-кэшэнэ непосредственно подводят нас к XV—XVII вв., когда завершился процесс объединения разрозненных башкирских племен в одну народность. Но рассмотрение исторических событий этого периода не входит в задачу данной книги, так как они достаточно освещены в письменных источниках и изучаются уже историками.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 40, Москва, 1951.

Р. Б. Ахмеров. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным. // Советская этнография, № 3, М., 1952.

Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. // Советская археология, № 22, 1955.

Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения IV—VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии. // Древности Башкирии. М., 1970.

О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

О. Н. Бадер. Капова пещера. М., 1965.

В. Ф. Геннинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

В. Ф. Геннинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. // Труды Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, т. 2. Казань, 1959.

В. Ф. Геннинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. // Вопросы археологии Урала, вып. 4. Свердловск, 1962.

В. Ф. Геннинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в 1 тысячелетии нашей эры. // Археология и этнография Башкирии, т. 2, Уфа, 1964.

В. Ф. Геннинг. Мазунинская культура в среднем Прикамье. Вопросы археологии Урала, вып. 7. Свердловск, 1967.

В. П. Денисов. Культура эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. Ученые записки Пермского Университета, № 148. Пермь, 1947.

А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР, № 30. М., 1952.

Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской, нынешней Уфимской губернии. Уфа, 1883.

Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. Ленинград, 1968.

Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. Сб. Археология и этнография Башкирии, т. III, Уфа, 1968.

Р. Г. Кузеев. Задачи исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкир. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Н. А. Мажитов. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы. // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968.

Н. А. Мажитов. Археология Башкирии (на башкирском языке). Уфа, 1968.

Г. И. Матвеева. Памятники I тысячелетия новой эры левого бережья р. Белой. // Археология и этнография Башкирии, т. III. Уфа, 1968.

Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. // Советская археология. № 4. Москва, 1969.

Г. Н. Матюшин. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. // Советская археология, № 4. М., 1970.

Мольнар Эрик. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.

Материалы научной сессии по этногенезу башкир. // Археология и этнография Башкирии, т. IV. Уфа, 1971.

Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, часть I. Уфа, 1956.

Очерки истории СССР (Первобытно-общинный строй и древнейшие государства). М., 1956.

Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958.

А. Х. Пшеничнюк. Биктимировский могильник. //Археология и этнография Башкирии, т. II. Уфа, 1964.

А. Х. Пшеничнюк. Охлебининский могильник. Там же, т. III, Уфа, 1968.

С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.,—Л., 1955.

М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки //Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, 1962.

К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952 г.

К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28, М. 1952.

А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. //Материалы и исследования по археологии СССР. № 58, М., 1957.

К. В. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

В. С. Стоколос. К периодизации и хронологии археологических культур Южного Зауралья эпохи бронзы. М., 1972.

А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. //Хозяйство Башкирии, № 8—9, Уфа, 1929.

Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. Уфа, 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Первые люди на Урале	10
Лучники среднекаменного века	18
Племена медно-бронзового века	24
Андроновцы	25
Черкаскульцы	31
Срубники	32
Абашевцы	35
Курмантаевцы	41
Племена железного века	45
Савроматы	48
Сарматы	52
«Плешивые» аргипсы, «одноглазые» аримасы и исседоны	59
Ананьинцы	67
Пьяноборские племена	75
Караабызцы	85
Гуны	98
Турбаслинцы	104
Бахмутинцы	115
Кара-Якуповские племена	126
Древние мадьяры	135
Ранние башкиры	143
Культура башкир X—XIV вв.	172
Рекомендуемая литература	180

Нияз Абдулхакович Мажитов

Тайны древнего Урала

Редактор *Л. И. Савельева*
Художественный редактор *А. А. Астраханцев*
Художник-оформитель *А. С. Фадеев*
Технический редактор *А. Я. Горбачева*
Корректор *В. Б. Самсонова*

Сдано в набор 23/X 1972 г. Подписано к печати 31/II 1973 г. Формат 84×104₁₆. Физ. печ. л. 5,75. Условн. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 10,41. Тираж 5000 экз. Изд. № 195. ПО1169. Заказ № 320. Бумага тип. № 1. Цена 48 коп.

Башкирское книжное издательство Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров БАССР, г. Уфа-25, ул. Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат
Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров БАССР, г. Уфа-1, проспект Октября, 2.